

*Рауль
Мир-Хайдаров*

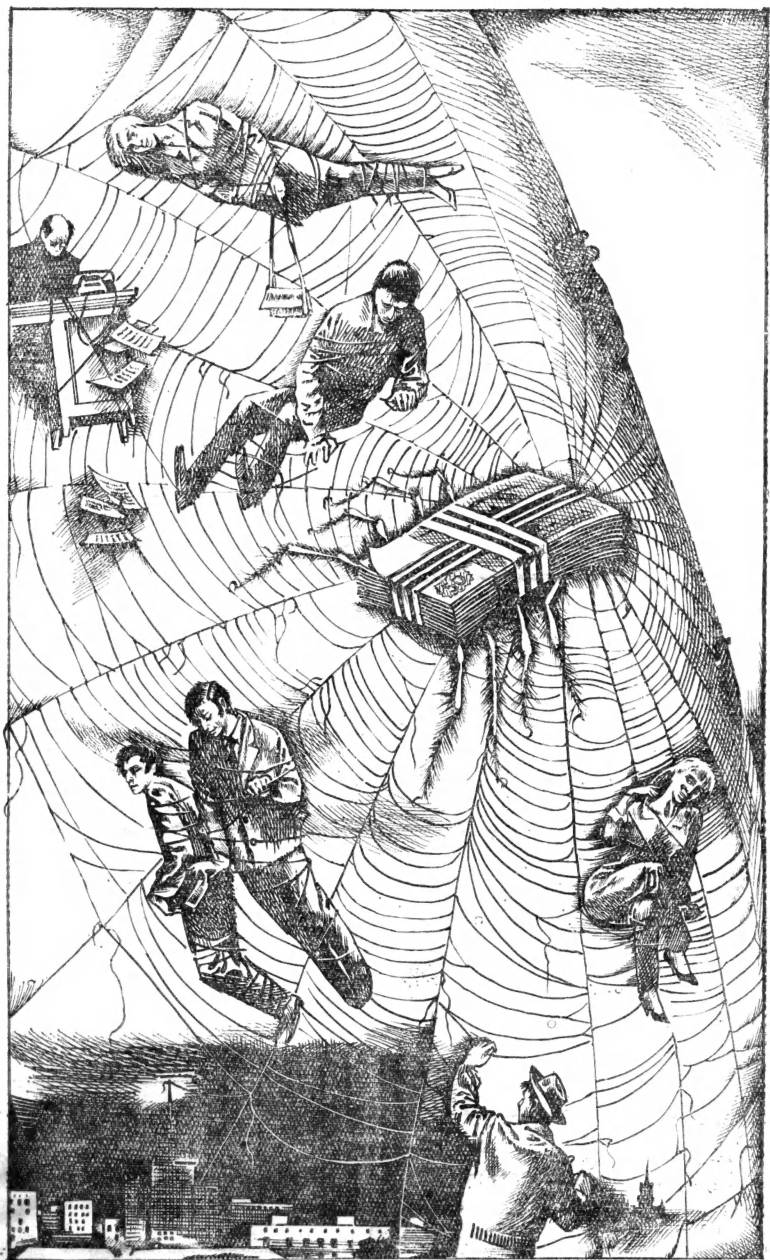
ПЕШИЕ ПРОГУЛКИ

Ташкент
Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Еш гвардия»
1989

Рауль Мир-Хайдаров

**ПЕШИЕ
ПРОГУЛКИ**

РОМАН

Мир-Хайдаров Рауль Мирсаидович.

М 63 Пешие прогулки: Роман/[Худож. А. Яцкевич]—
Т.: Еш гвардия, 1989.— 272 с.

Рауль Мир-Хайдаров живет в Ташкенте. После VI Всесоюзного совещания молодых писателей «Молодая гвардия» издала его первую книгу в Москве. Сейчас Р. Мир-Хайдаров — автор нескольких книг, выпущенных в центральных и республиканских издательствах. В новом романе Р. Мир-Хайдарова рассматривается явление «теневого» экономики и связанной с ней организованной преступности на примере Узбекистана начала восьмидесятых годов; автор исследует социальные и нравственные последствия сращивания местной мафии с частью аппарата управления.

P2

4702010200—37
М $\frac{356 (04) - 89}{}$ Без объявл.— 89

ISBN 5—633—00531—7

© Издательство «Молодая гвардия», 1988 г.

© Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия», 1989 г.
(Перевздание)

Глава I

«ЛАС-ВЕГАС»

1

В середине сентября неожиданно пошли дожди, столь редкие в этих жарких краях, и пыльный городок, выцветший за долгое азиатское лето от немилосердного солнца, преобразился: исчезли с окон выгоревшие до хрупкой желтизны газеты, распахнулись ставни, старившие и без того неказистые здания, вымытая ночными ливнями листва деревьев обрела подобающий осени цвет.

Обозначились истинные цвета железных крыш коттеджей и особняков, утопавших в пыльных, млеющих от жары садах, — зеленые, темно-красные, голубые; иные, крытые белой жестью, заиграли зеркальным блеском, а ведь еще неделю назад все были на одно лицо под бархатистым слоем мелкой серой пыли. Пыль преследовала горожан повсюду, забираясь даже в наглухо закрытые комнаты, где с весны не отворяли окон. Конечно, будь полегче с водой, в долгие летние вечера не составило бы труда выбрать минутку и обдать из шланга палисадник под окнами, но воды в нынешнем году явно недоставало: иной раз давали ее лишь в определенные часы, о чем заблаговременно оповещали горожан по радио. Засушливым выдалось лето, резко обмелела Сырдарья — главная поилка этих мест.

После дождей обрели цвет разбитые мостовые и тротуары, омылись бордюры из светлого местного камня — за лето прибило к ним всяких бумажек, окурков, опавших листьев и опять же пыли, оседающей лишь к ночи. Темнота и скорее подразумеваемая вечерняя свежесть,

которую, кроме старожил, вряд ли кто ощущал, как бы гасили запах пыли, заставляли забыть о ней до утра.

А тут, как после генеральной уборки в хорошем доме, отмылись подоконники, карнизы, фасады, заблестели стекла, и теперь по вечерам городок, словно обновленный, светился огнями, гремел музыкой.

Поселок обрел статус города лет двадцать назад, но таковым по существу не стал, и теперь вряд ли когда-нибудь станет, потому что рудник, благодаря которому поспешили назвать городом захолустный райцентр, быстро оказался выработанным, хотя геологи, а затем министерства и ведомства возвестили на всю страну о якобы уникальном заложении, неисчерпаемых запасах, о промышленных разработках на сотни лет, о самой качественной и дешевой руде в мире. И поселок, заметно расстроившийся, но так и не ставший настоящим городом, имел почти все, что положено городу. За десять лет, что работал рудник, успели построить кинотеатры, Дворец горняков, рестораны, музыкальную школу, помпезное здание рудуправления, стадион, две гостиницы. Не обделили себя и местные власти: здание городского суда и прокуратуры, которое в городке называли Домом правосудия, в пору было столице. Из местного белого камня отстроили и горком партии, и горисполком, на их фасады мрамора тоже не пожалели. Не успели достроить только драмтеатр и больницу — финансирование прекратилось сразу, как только на руднике пошли сбои с планом. И стояли наполовину поднятые корпуса как напоминание о былой финансовой мощи городка и его некогда стремительном росте, и окрестный люд, выждав, по его мнению, приличное время, потихоньку начал тащить со стройки все, что только можно. Успели за эти годы отстроить два микрорайона из пятиэтажек, как и всюду по бедности фантазии нареченные Черемушками — первыми и вторыми, и несколько улиц с уютными коттеджами и особняками для технической интеллигенции и руководства комбината.

Когда рудник закрыли, специалисты и часть рабочих сразу же уехали на новые разработки, а часть рабочих осталась в городке, какая часть, сказать трудно, скорее всего из местных, тех, что за десять лет успели стать шахтерами или работали на многих вспомогательных участках комбината и на стройках. Как бы там ни было, ни одна квартира в Черемушках не пустовала. За те десять лет, пока работал рудник и бурно расстраивался го-

родок, воды всегда хватало вдоволь — комбинату было под силу содержать мощные насосные станции и решать любые, подчас сложные вопросы снабжения города водой. И в эти десять лет городок не только рос, но и щедро озеленялся, отцы города денег не жалели, с управления благоустройства спрашивали строго, и город утопал в зелени.

Рудоуправление свернуло свои дела и откочевало в неизвестном направлении, оставив новоявленному городу множество коммунальных и прочих проблем, день ото дня нарастающих, словно снежный ком. Наверное, и в области, и в республике долго не могли опомниться от шока после закрытия прибыльного рудника, и от всех запросов города отбивались как от назойливой мухи, оттого проблемы и множились год от года. Вернуть городу прежний статус поселка никто не решался, такого прецедента, пожалуй, не было в стране, шаг назад, даже разумный, не поощряется, да и местное начальство вряд ли одобрило бы такую идею, кто же станет рубить сук, на котором сидит. В городе имелся какой-то маломощный авторемонтный заводик областного значения, комбинат прохладительных напитков, куда входил пивзавод, станция технического обслуживания «Жигулей», фабрика постельного белья и керамической посуды, шелкомотальные цехи, которые даже с натяжкой трудно было назвать фабрикой, хотя именно так они официально именовались, но все это были предприятия мелкие, с незначительным штатом, устаревшим оборудованием, по преимуществу полукустарные. Раньше, до получения статуса города, они числились артелями и вели свою родословную из далеких тридцатых годов, когда звались еще товариществами. Все эти слабосильные предприятия, как и по-городскому разветвленная сеть бытового обслуживания, общественного питания, конечно, не могли дать работы всем жителям полудеревни-полугорода, на две трети состоящего из частных усадеб, где кое-кто до сих пор держал корову, свиней или пяток овец и жил или за счет сада, или за счет огорода, а чаще за счет того и другого. В давние времена, когда зарождался поселок, делили байскую землю щедро, и подворья оказались и по пятнадцать и по двадцать соток, словно люди тогда еще предчувствовали, что кормиться здесь придется все-таки с земли.

В первый год по ликвидации рудника городок жил словно в оцененении: что же будет дальше, ведь жизнь свою люди прочно увязали с рудником. Те, кто не пред-

ставлял себе будущего без рудника, в основном горняки из пятиэтажек, покинули поселок без особого сожаления, а оставшиеся стали припоровываться к новым обстоятельствам, и, надо сказать, небезуспешно. Уже через два года, похоже, тут стали забывать и о руднике, и о высоких шахтерских заработках, городок зажил новой, не похожей на прошлое жизнью. Резко вздорждали дома, и город-поселок, лишенный работы, стал вновь бурно развиваться — правда, теперь уже его частный сектор. Ставились добротные кирпичные дома с просторными открытыми верандами, столь популярными в жарком краю. Появился даже целый район, сразу прозванный почему-то Шанхаем, наверное, оттого, что строились там преимущественно корейцы, неожиданно полюбившие новоявленный город, на что у них имелись свои причины. Местные власти, поначалу обеспокоенные трудоустройством потерявших работу жителей, вскоре успокоились: жизнь как-то сама все утрясла. Город неожиданно охватила бурная предпринимательская деятельность: спешно возводились теплицы, оранжереи, парники, лимонарии, домашние инкубаторы, размаху которых могли позавидовать иные государственные предприятия. Появились и пчеловоды. Конечно, и раньше кое у кого в поселке имелась пасека или теплица, но то было так, любительство, дилетантство; новое же строилось основательно, так сказать, на индустриальной основе, благо опыт имелся. Часть горожан специализировалась на цветоводстве: одни занимались тюльпанами и гвоздиками, другие предпочитали зимние каллы и весенние бульденежи, третьи выводили розы каких-то немислимых сортов, четвертые — хризантемы и гортензии. Были среди них занимавшиеся только выведением семян и луковиц для продажи. У каждого дела стихийно объявлялись лидеры, авторитеты, при них складывался совет, инициативная группа, решавшая все вопросы — от конкуренции до объемов производства, они же регулировали цены — оптовые и розничные. Одни занимались цветоводством круглый год, другие выращивали цветы лишь к определенным датам — к Восьмому марта, Новому году... А уж какие только ранние овощи не поспевали в парниках и теплицах! И опять же люди старались специализироваться на чем-нибудь одном или чередовали производство овощей с фруктами и зеленью. В конце февраля у самых умелых уже поспевали помидоры, а огурцы не переводились всю зиму. Ранняя редиска, капуста, обычная и цветная, слад-

кий болгарский перец и острый мексиканский, которые до мая продают не на вес, а поштучно. А зелень! Первый тонкий лучок, по-местному лук-барашек, укроп, киндза, кресс-салат, называемый армянами кутен, а грузинами цицмати, молодой чеснок, первая морковка, что продается в пучках рядом с зеленью, щавель, мята, трава тархун, даже летом стоящая не менее пятидесяти копеек за пучок, — все росло в просторных дворах-усадебках.

А как тут растили рассаду! Какой селекцией занимались, чтобы снять урожай пораньше да побольше, отдавая работе не только дни и ночи, но и свое жилье до весны, до теплых дней. Этому энтузиазму и знаниям могла бы позавидовать сама Академия сельскохозяйственных наук. Здесь не только знали о гидропонике, но и широко использовали ее, особенно семьи, занимавшиеся выращиванием рассады. Заключали договоры с овощными совхозами и продавали в сезон до ста тысяч штук той или иной рассады, а иная рассада стоит по двадцать копеек, — и все это на законных основаниях. Одни, начав с цветов или ранних помидоров, накопив достаточную сумму, строили лимонарии, потому что в Ташкенте селекционер-самоучка вывел сорт лимона, вызревающий в Средней Азии и по вкусу и размерам намного превосходящий иные известные сорта. И не только вывел, а вырастил целые промышленные плантации, и для желающих приобрести саженцы и консультацию это не составляло труда, было бы желание. А уж вырасти десяток лимонных деревьев, и они себя оправдают. Можно и на базар не возить — потребкооперация охотно закупает лимоны, благо продукт не скоропортящийся. Лимонарий горожанам казался бесприигрышной лотереей, самым надежным вложением труда и средств.

Пожалуй, трудно даже перечесть их все — какими только промыслами ни занимались жители небольшого городка, на неопределенное время предоставленные сами себе, пока городские власти готовили проекты, предложения, просьбы в вышестоящие инстанции, выпрашивая для города какое-нибудь крупное предприятие или завод, чтобы занять население. Но такие предложения, даже самые благие, быстро не осуществляются: нужно попасть в планы пятилетки, необходимы экономические обоснования и расчеты, технические проекты, решения Госплана — в общем, годы и годы.

А пока кто-то умудрялся в погребе и старых темных хлебах выращивать шампиньоны и без особых помех

сдавать их в местные рестораны при гостиницах. Другие без затей, без парников, теплиц и гидропонники просто сажали капусту, огурцы, помидоры, и что не удавалось продать, солили и всю зиму торговали соленьями. Капуста, стоявшая в сезон десять копеек, зимой, квашенная с морковкой, тянула уже два рубля. Солили капусту с морковкой и яблоками — летом их тоже некуда было девать, — солили и по-гурийски, с красной свеклой, целыми кочанами, солили попеременно с арбузами — наверное, вряд ли упустили какой-то рецепт, известный в народе.

Если овощами, фруктами, зеленью увлекались многие, то были в поселке и люди, занимавшиеся промыслом редким: держали нутрий, песцов, кроликов. А раз появился мех, появились и скорняки и шапочники, и вся округа щеголяла в прилизанных нутриевых шапках, мужских и женских, сразу вдруг ставших модными. А одна семья разводила даже породистых собак — от комнатных болонок до сторожевых овчарок, пользующихся особой любовью и спросом во всех окрестных кишлаках. Так у них очередь на щенков была расписана на год вперед, и, чтобы заполучить щенка, надо было заранее оставлять аванс, и наезжали к ним не только из соседних городов, но даже из соседних республик — так далеко разнесся слух о необычном собаководстве.

Город, потерявший былую экономическую значимость, конечно, сняли с щедрого государственного довольствия, коим по праву пользуются люди такой тяжелой профессии, как шахтеры. Но жители, приспособившись к новым обстоятельствам, вряд ли ощущали себя в чем-нибудь ущемленными, хотя, памятуя о том, что большинство из них не занято общественно полезным трудом, время от времени, особенно перед выборами, давали наказания своим депутатам: дескать, городу нужен завод или фабрика. Правда, вряд ли они верили в скорое решение проблемы, и потому не сидели сложа руки, а занимали их чем могли.

2

Была в городе улица, не самая главная, не самая шумная и оживленная, но на ней всегда по вечерам, а иногда далеко за полночь из конца в конец слышалась музыка. Так случилось, что на этой улице оказались все три городских ресторана, и можно было прошагать ее всю, переходя от мелодии к мелодии, словно участвуя в

музыкальной эстафете. Улица эта ничем не отличалась от остальных в центре городка, если не считать того, что на ней располагалось управление благоустройства и только на ней и на площади, где находились главные административные здания города, единственная поливальная машина горкомхоза дважды в день щедро обдавала водой не только мостовую и тротуары, но и деревья, цветы и клумбы у обеих гостиниц. Наверное, улица эта была самой уютной, но местный люд предпочитал шумную, в огнях, главную улицу имени Ленина, где располагались почти все магазины городка и два однозальных кинотеатра, названные отчего-то «Арагат» и «Арагви», — здесь по вечерам всегда было многолюдно. Кино в городке любили и ходили по старинке целыми семьями: с бабушками и дедушками, с внуками, что непременно засыпали во время сеанса на коленях. У многих за долгие годы здесь имелись чуть ли не свои, фамильные ряды, свои места, и приезжему попасть на хороший фильм, да еще на последний сеанс было не так-то просто.

В большинстве народ в городке был, так сказать, «при деле»: кто трудился на своем подворье, кто работал на маломощных местных предприятиях, и праздный люд можно было видеть только у кинотеатров перед началом сеансов. Даже подростки не болтались по улицам — им-то более всего находилось дел в усадьбах.

Но был в городе человек, который ежевечерне совершал прогулки по той самой неглавной улице, где редко умолкала музыка. Он любил эту улицу, ее малолюде, пустые тротуары, вдоль которых еще шли в рост серебристые тополя, стройные чинары, молодые дубки. Особое очарование улице придавали высокие кусты аккуратно подстриженной живой изгороди, тянувшиеся на целые кварталы вдоль гостиниц.

Запах роз он улавливал еще в переулке, спускаясь вниз от «Арагви». Обилие зелени, цветов, щедрый ежедневный полив создавали на улице как бы свой микроклимат, и, как он понимал, этот воздух был, по-видимому, необходим его организму. Он и улицу эту отыскал сам. Чтобы попасть сюда, он проделывал немалый путь, и всегда пешком, хотя мог приехать автобусом.

Жил он в пятиэтажке и был одним из немногих, не имевших, как здесь говорили, ни кола ни двора, что в местном понимании имело широчайший спектр толкова-

ний, означавших, впрочем, одно — неудачник. Появился он тут год назад, когда нравы и порядки в городе не только сложились, а достигли полного расцвета. В той, прежней его жизни не было ежевечерних прогулок, к которым он бы привык, пристрастился, и сейчас продолжал свои моционы уже по привычке. Просто после очередного сердечного приступа врачи сказали — нужно ходить пешком, желательно постоянно.

Человеку, совершавшему каждодневные пешие прогулки, было под пятьдесят. Выправкой и особой статью он не отличался и не выглядел моложе своих лет — наоборот, ему можно было дать и побольше. Ребятня во дворе называла его дедушкой, и он не обижался, как обижаются иные молодящиеся бабушки и дедушки, только иногда грустил, но не оттого, что жизнь прошла, принеслась, поскольку дедушка, как ни хорохорься, есть дедушка, а потому, что он, к сожалению, дедушкой в полном смысле этого слова не был. Не дал ему бог детей, хоть мечтали они с женой о ребенке.

Высокий, крепкий в кости, он сейчас заметно сутулился, плечи его время от времени безвольно никли, словно смирясь с непосильной ношей, и он, чувствуя это, вдруг спохватывался, распрямлял спину, вскидывал голову, и тверже, четче становился его шаг.

Внимательному наблюдателю все эти преобразования непременно бросились бы в глаза, и наверняка этому любопытному пришлось бы на ум, что в молодые годы незнакомец обладал завидным здоровьем и был хорош собой. Правда, сейчас на его лице выделялись усталые потемневшие глаза, они-то более всего старили человека, что, в общем, случается нечасто — как правило, природа дольше всего оставляет нам неизменными голос да взгляд. Он был сибиряк, а это понятие мы не случайно связываем со здоровьем, крепостью характера, цельностью натуры; более того, был он не просто сибиряком, а потомственным и помнил свой род до седьмого колена, хоть со стороны матери, урожденной Ермаковой Надежды Тимофеевны, чей знаменитый предок покорил Сибирь, хоть со стороны отца, происходившего из старинного рода сибирских татар, которых некогда усмирил прапра...прадед матери. Вот так, через время, через века, слились две некогда противоборствовавшие крови.

Человек, каждый вечер не спеша прогуливавшийся мимо трех городских ресторанов по малолюдной улице Буденного, невольно обращал на себя внимание. Нет, не

своим костюмом — пожалуй, он был вообще чужд понятиям моды — и тем не менее выпадал из толпы, как сказала однажды о нем бухгалтерша с завода, где он работал. И не то чтобы он был человеком старого воспитания, старомодной учтивости. Но его ровное, без подобострастия, но и без гордыни поведение, желание как-то обособиться, не выделиться, а именно обособиться, умение держаться даже с сослуживцами на определенной дистанции, которую он определял сам, ограждали его от людей некоей стеной, хрупкой и прозрачной, но осязаемой, создавали вокруг него пустое пространство, род убежища, которым он явно дорожил.

Конечно, в небольшом городке его знали, и при встрече, будь то на прогулке, или по пути на работу, он сдержанно раскланивался со знакомыми, старомодным жестом, вышедшим из обихода, приподнимал шляпу. И тогда можно было увидеть тронутые сединой, но еще молодому густые, с живым блеском волосы, чуть выющиеся, коротко подстриженные, с четким пробором; при этом он сразу становился похож на знаменитого киноактера. Правда, сам он вряд ли об этом догадывался, да и в кино ходил редко.

И еще одно обращало на себя внимание в поведении этого человека. Никто и никогда не видел его мечущимся, спешащим, суетливым, с явной заботой на лице, как у новых его земляков, по горло занятых подворьем или предпринимательской деятельностью.

Возвращаясь с обеда на службу, он часто по пути заглядывал в книжный магазин, по нашим временам довольно-таки богатый, потому что книгами в городке интересовались мало. Входя, он непременно здоровался с продавщицами как со старыми знакомыми, и те, еще только завидев его в окне, спешно ставили на полки две-три отложенные книги из модных новинок. Но книги он покупал не часто, и редко именно те, которыми хотели его порадовать молодые продавщицы, чем всегда вызывал удивление — уж они-то думали, что знают, какая книга чего стоит.

Замечательно, что некоторое время его даже принимали за нового секретаря горкома, вроде бы так вот демократично, по-простому знакомящегося с местной жизнью, и город полнился слухами. Народ ведь любит байки, когда якобы тот или иной большой чин, подобно старинному падишаху, явно или тайно обходит свои владения, чтобы увидеть все самому, послушать, о чем народ го-

ворит. Заходит, к примеру, в магазин и просит взвесить колбасы, а его принимают там за шутника. Или упорно пытается проехать каким-нибудь автобусным маршрутом от конечной до конечной, чтобы наутро вызвать директора автотреста на ковер... Молва есть молва, и везде она одинакова, поскольку проблемы те же... Он, конечно, чувствовал в те дни необычное внимание к себе, ловил изучающие взгляды, но мысль, что его могут принять за кого-то другого, тем более «хозяина» города, ему и в голову не приходила. И вряд ли он когда-нибудь узнал бы об этом, если б не рассказали ему о таком курьезе на работе; он весело посмеялся вместе со всеми, но в душе посчитал этот знак добрым предзнаменованием судьбы.

Конечно, самообман горожан скоро рассеялся, и кто уж очень любопытствовал, тот узнал, что пешеход этот ежедневный работает на местном консервном заводе на неприметной должности. Но как ни странно, новость ни у кого не вызвала ни насмешек, ни иронии, наоборот, что бы там ни говорили о нем люди, но в одном сошлись любители посудачить: что приезжий, прогуливающийся каждый вечер пешком, был некогда, несомненно, большим человеком. Народ любит «опальных князей», и незнакомец, немногословный и замкнутый, вызывал скорее симпатию, чем безразличие.

И оттого, когда он появлялся на базаре, покупая в одних торговых рядах лепешку, в других зелень, в третьих фрукты, и всегда понемногу, ибо не лишал себя удовольствия часто ходить на рынок, какому-нибудь новичку на вопрос — кто это? — обычно, поднимая взгляд к небу, отвечали: большой человек. При этом, разумеется, не вдавались в подробности, впрочем, этого и не требовалось: восточному человеку достаточно этих двух слов.

И на базаре, и в тех местах, где он обедал, его принимали как своего, как соседа, и порою оттого он чувствовал себя неловко.

Обедать ходил он в чайхану при автостанции, где частники жарили пашлык, подавали лагман, приготовленный где-нибудь в усадьбе поблизости, торговали тут и самсой, и нарыном, и хасыпом — район возле автовокзала весьма успешно конкурировал с общепитом. Заходя в чайхану, он непременно раскланивался с чайханщиком, человеком своих лет, и всегда у чайханщика находились для него стул и место, даже если и тесно было в помеще-

нии. С чайханщиком иногда он обменивался ничего не значащими словами о погоде, здоровье, пока тот заваривал для него чай и ополаскивал крутым кипятком пшалу без единой щербинки. А когда он усаживался, сразу появлялся возле него какой-нибудь мальчишка из тех, что помогают в чайхане или крутятся возле своих домашних, торгующих на улице.

Его обед был, по местным городским понятиям, более чем скромным — пол-лагмана и палочка шашлыка или полшурпы и одна горячая самса, или пара палочек шашлыка из свежей печени, или штуки три манты с курдючным салом и мелко нарезанной бараниной и горячая лепешка. Мальчишки никогда не заставляли себя ждать: и лепешка оказывалась румяная, шашлык хорошо прожаренным, шурпа обжигающая, а сдачу ему приносили до монетки, хотя тут любили округлять суммы. Поднявшись, он сдержанно благодарил чайханщика, и если проходил мимо торговых рядов, то и тех, у кого мальчишки покупали еду, причем он безошибочно угадывал, у кого брали шашлык, у кого самсу — и сдержанная благодарность эта особо ценилась бесцеремонным торговым людом. Привыкшие к тому, что кругом лебезили, заискивали, они уважали ту дистанцию, что установил с ними этот одинокий немногословный человек. И отодвигая в очереди какого-нибудь важного и денежного клиента, они тем самым как бы намекали на некую причастность к нему, случайно попавшему в их город человеку, которого, по слухам, должны были вот-вот куда-то отозвать, затребовать, и, конечно, вызов предполагался по самому крупному счету.

3

Шло время, недели, месяцы, никто и никуда его не отзывал, а он продолжал совершать свои каждодневные пешие прогулки, только изредка пропадал из города на несколько дней по делам консервного заводика: ездил то в область, то в столицу республики отстаивать интересы своей «фирмы», которой все чаще и чаще предъявляли штрафные санкции за качество продукции. Возвращался он из центра всегда расстроенный, потому что в оба конца, и от производителя, и от потребителя вез неутешительные вести; но, памятуя о здоровье, а чаще все-таки по инерции, сложившейся привычке, выбирался по вечерам из дома. Проходя по улице Буденного, мимо трех

городских ресторанов, каждый из которых назывался еще претенциознее, чем местные кинотеатры, а именно: «Лидо», «Консуэло» и «Шахразада» — он невольно отмечал: вот уж где жизнь всегда бьет ключом. И пусть рядом пересеивают после весенних ливней или заморозков хлопков, пусть люди в кишлаках плохо питаются, особенно туго бывало с мясом, пусть тысячи и тысячи студентов и школьников трудятся вдали от дома на сельхозработах, пусть где-то наводнение, землетрясение, голод, ураганы, пожары, месячники, субботники, воскресники, засухи, перевороты, локальные и региональные войны — тут всегда царил праздник сытой жизни, и кому-нибудь в городе, наверное, казалось куда престижнее быть завсегдатаем «Лидо», чем, скажем, почетным членом Европейского Географического общества.

Что время бежит стремительно, это, пожалуй, ощущает каждый, но если вдруг выпадаешь из жизни, в которой как будто еще живешь, — такое примечает не всякий, и то не сразу, а постепенно, сначала в мелочах. Гуляя как-то по излюбленной улице, он словно впервые услышал, что сейчас в ресторанах исполняют другую музыку, поют новые песни. Теперь он прислушивался к музыке внимательнее, думая, что ошибся, что вот-вот, через день-другой, зазвучит что-нибудь знакомое, донесется из распахнутых настееж окон, в стеклах которых полыхали отсветом яркие люстры, знакомая песня, но проходила неделя, вторая, и хотя репертуар трех ресторанных оркестров был довольно-таки обширным, он не услышал ни одной старой, привычной мелодии и отчего-то расстроился. «Я как инопланетянин», — впервые сказал он себе тогда.

Музыкой он особенно не увлекался, но в молодости отдал ей должное, ходил на танцы и студенческие вечера. Тогда, в годы его юности, они не были перекормлены музыкой, как теперешние молодые, и оттого многое сохранилось в памяти. Так вот из того музыкального багажа он не слышал сейчас ни одной мелодии, ни одной песни — и это усиливало ощущение исключенности из жизни.

Тем более неожиданным для него было, когда во время обычной вечерней прогулки, занятый своими мыслями, он однажды услышал из окна «Шахразады» мелодию, которая вроде бы показалась ему знакомой. Поначалу он решил, что ошибся; это была современная музыка с рваным ритмом и пейстовыми ударными. Оркестр за-

молчал, и он постоял еще немного под окнами, надеясь, что, возможно, кто-нибудь попросит повторить вещь — дело обычное. Случалось, что какой-нибудь шлягер звучал во всех трех ресторанах одновременно и по три, четыре раза подряд. Хотя он не бывал до сих пор ни в одном из местных заведений, но догадывался, что оркестры играли, как правило, на заказ, оттого музыку на этой улице можно было услышать далеко за полночь.

Но на этот раз не повезло, музыканты начали что-то другое.

Однако, когда он подходил к «Лидо», словно угадав его желание, эта музыка послышалась вновь, и он невольно улыбнулся: ну, конечно, новомодная штучка, раз играют в каждом ресторане — и, уже теряя интерес, двинулся дальше. Но странно, чем дальше он уходил, тем явственнее слышал эту музыку. «Что за чертовщина, неужто с годами у меня обострился слух?» Он действительно предугадывал, что сейчас вот начнет саксофон или партия перейдет к трубам, а потом вступят ударные.

И наконец он вспомнил.

Ну, конечно, Элвис Пресли, «Рок круглые сутки»! Далекие студенческие времена! Неожиданно для самого себя он вдруг решил заглянуть в ресторан.

Когда он появился в зале, вечерняя жизнь ресторана уже набирала силу, вино и музыка делали свое дело. Громкие, возбужденные разговоры, преувеличенно раскатистый смех, радостные лица кругом, короче — подобие праздника. Хотя окна были распахнуты настежь и под высокими потолками вращались лопасти вентиляторов, все же сигаретный дым густо стлался над столами, но это, наверное, заметно было только тому, кто входил с улицы.

Сквозь голубой дым он разглядел, что зал полон — ни одного свободного столика, — и уже собирался уйти, не особенно надеясь на удачу, как неожиданно из-за колонны появился метрдотель, словно кто-то из зала показал ему на входную дверь, и, вежливо поздоровавшись с гостем, пригласил его в зал.

В глубине просторного зала, в стороне от прохода, рядом с мраморной колонной притаился сервированный двухместный столик с табличкой «Занято», туда и привел его хозяин зала. Хотя столик вроде и находился в тени колонны, обзор оказался широким, практически он видел весь зал, и особенно хорошо небольшую эстраду и площадку перед нею, где уже танцевали. Официант не

заставил себя ждать и не отходил от стола, пока он не просмотрел меню.

Наличие шампиньонов и перепелок не удивило его, поскольку предпринимательская деятельность местных жителей не была для него тайной. Правда, сам он ни разу в жизни не пробовал этих деликатесов, поэтому сейчас, пользуясь случаем, попросил принести то и другое и заказал еще чайник зеленого чая. После ухода терпеливого официанта, не выказавшего никакого неудовольствия по поводу чайника чая в вечернее время, он оглядел зал. Впрочем, оглядеть как раз не удалось, внимание его сразу привлекла компания неподалеку от него. Большой, богато накрытый банкетный стол с цветами занимали четверо хорошо одетых мужчин, все от тридцати пяти до сорока; о чем-то они шумно спорили, оживленно жестикулировали. Судя по обилию закусок на столе и батарее бутылок, они еще кого-то ждали. Что-то в этой компании насторожило его, недавнего прокурора, хотя кругом, куда ни глянь, гуляли широко, шампанское, как говорится, лилось рекой.

За банкетным столом тут же перехватили его заинтересованный взгляд, хотя он, конечно, не был так прост, чтобы откровенно изучать соседей. Отводить глаза ему показалось недостойным, в конце концов он же не подсматривал, и тут произошло неожиданное: под его взглядом все четверо вдруг встали и учтиво раскланялись с бывшим прокурором. Он ответил легким кивком, не поднимаясь с места. Кто они такие, что за вежливость? Может, ошиблись? Но мысль об ошибке он отвел сразу: четверо обзнаться одновременно не могут. Пригодился прежний опыт: тренированная память услужливо, словно снимок из фотоателье, выложила перед ним групповой портрет компании за соседним столом, хотя он больше в ту сторону не смотрел. Кто же они, эти хорошо одетые, уверенные в себе люди? Преуспевающие хозяйственники, высокопоставленные руководители? Было в их поведении что-то от власти имущих — работников аппарата бывший прокурор знал хорошо.

Скорее всего это бывшие коллеги, он мог встречаться с ними в прошлой жизни, на пленумах и совещаниях в столице республики. Вот только из которой они области — непонятно, городок располагался на границе двух областей, и из обоих центров, при нынешних скоростях и автострадах, сюда рукой подать. Оттого и переполнены каждый день местные рестораны: наезжают издалека

люди небедные, и особенно те, кому по долгу службы подобные заведения обходить следует за версту. А тут вроде ничейная территория образовалась. Не случайно приезжие «хозяева жизни» окрестили городок «Лас-Вегасом».

Догадка эта не порадовала бывшего прокурора, он подумал, что среди тех, кого эти четверо ожидают за столом, вполне могут оказаться люди, которых он действительно знал, с кем дружески общался прежде. И миновать с ними встречи и разговора будет невозможно. Но ни с кем из своей прошлой жизни он видеться не желал; хочешь не хочешь, пришлось бы отвечать на какие-то вопросы, рассказывать о нынешней жизни, выслушивать слова сочувствия и возмущения несправедливостью. Поэтому он и не задержался в зале, быстро расправился с ужином — хотя в другой ситуации с удовольствием попросил бы принести еще чайник зеленого чая: настоящий китайский чай тоже остался там, в прежней жизни.

Дома он принял свое обычное сердечное, хотел заодно принять и таблетку снотворного, но передумал — в эту ночь ему вряд ли уснуть, даже со снотворным. И не ошибся. Если бы не усталость, разбитость и заметные сбои «мотора», он, наверное, оделся и вышел бы снова погулять по ночному городу, как делал иногда, когда его мучила бессонница, которую он обрел почти одновременно с первым инфарктом; теперь он уже не помнил, что чему предшествовало. Бессоннице он не придавал особого значения, больше того, считал, что это удел людей думающих, склонных к самоанализу, а у него в жизни — так уж получилось — сейчас как раз была пора раздумий, подведения итогов. В иные бессонные ночи ему приходили такие мысли, идеи, что он откровенно жалел, что не знал подобных бессонниц в молодые годы.

Мысли его все время возвращались к «Лидо», к той мелодии из давно прошедшей жизни, которая заставила его свернуть с обычного маршрута.

Тогда, почти тридцать лет назад, на наших танцплощадках «знатоки» уже лихо отплясывали полузапретные рок-н-ролл и буги-вуги, и, кроме Пресли, восхищались и другим кумиром, джазовым певцом Джоппи Холидеем. Но из того времени студенческих музыкальных увлечений, кстати, весьма непродолжительного, он запомнил именно этот «Рок круглые сутки», и на то была осо-

бая причина, достаточная, чтобы и сейчас, через столько лет, вспомнить все и почувствовать в душе разлад, хотя теперь у него и без того хватало печалей.

Он давно не вспоминал свою молодость, наверное, оттого, что и повода не представлялось, и была она скорее трудная, чем радостная или интересная. Как ни странно, в студенческие годы он не знал особых привязанностей, не знал и большой любви, словно жизнь запланировала для него другой отрезок времени, где у него появятся разом увлечения, пойдут удачи и придет к нему настоящая любовь. Так, в общем, оно и произошло. Он думал: одни раскрываются рано, и на всю жизнь их душевным багажом остаются ощущения юности, у других наоборот, все к ним приходит позже — и первые удивляются такой метаморфозе вторых, не всегда умея правильно оценить духовные взлеты, профессиональные и иные успехи, принимая все за случай, за удачу, не видя подготовительной работы души...

Вспоминая давно прошедшие дни, он сделал для себя еще одно открытие: чем дальше они уходят, тем яснее и четче их видишь, и теперь многое, над чем когда-то бился, мучился, запоздало легко открывается, но все эти открытия только добавляют печали — ведь всего-то порою нужно было войти в другую дверь. И открытие не бог весть какое, прописные истины, скажет иной, обо всем этом писано и переписано, он даже знал слова поэта — «помню только детство, остальное не мое», — но даже в самых умных книгах это был чужой опыт, а когда чужой опыт, один к одному, подтверждается личным, это уже другое дело, и тогда-то твое открытие поднимается в твоих же глазах, обретает особенную ценность. Хорошо, если время подтверждает твою правоту, и пусть запоздало, но доставляет тебе удовлетворение, а если наоборот, время безжалостно высветит твои ошибки, заблуждения, и ладно, коль за свои промахи ты заплатил сам, — обидно, но справедливо. А если за них расплачивались другие? Что может быть тягостнее, чем признать за собой такое, тем более если ты всегда был убежден, что живешь и жил только по справедливости, боролся и отстаивал только ее?

4

В его студенческие годы стройотрядов еще не было, в каникулы они ездили на казахстанскую целину. Отовсюду, со всех концов Союза, съезжались летом студенты

в необъятные и необжитые казахстанские степи. Строили в колхозах и совхозах, многие из которых были пока лишь названием на фанерном щите в открытом поле, и жилье, и больницы, школы, крытые тока, дороги, бурили артезианские скважины, трудились на кирпичных заводах...

После первого курса работали они на севере Акмолинской области, краю суровом, со злыми холодными зимами, жестокими ветрами, утихавшими ненадолго только по ранней весне, а летом с невероятной жарой и сушью. За все лето ни одного дождичка, от немилосердного солнца выгорало, кажется, все живое вокруг. Неоглядные пространства, можно ехать полдня по степи и вряд ли встретишь человеческое жилье. Вот тогда они по-настоящему ощутили, как необъятна наша страна.

Однажды Амирхан с шофером на новом «газике» ездили в райцентр за продуктами. Задержавшись на базе, обратно тронулись поздно вечером. Ночь выдалась темная, протяни руку — не увидишь, в июле—августе в казахстанских степях такие не редкость. Что за дороги в целинной степи, известно: проселочные, колея едва накатана, и немудрено, что они заблудились. Проплутав довольно долго, решили уж было остановиться и подождать рассвета, но фары неожиданно высветили что-то похожее на человеческое жилье. Шофер, обрадованный, прибавил газу.

Страшным оказалось то место... Тесно, впритык друг к другу, выкопанные в несколько рядов уходили вдаль землянки, знакомые им лишь по военным кинофильмам. Под лучами фар осыпавшиеся входы в подземное жилье напоминали норы; на сохранившихся кое-где покосившихся дверях виднелись порядковые номера, одни, похоже, выжженные, другие написанные масляной краской, от времени уже выцветшей и частью облупившейся. О том, что здесь царил «порядок», говорили не только номера, но и то, что землянки некогда ставились строго в линию и между рядами тянулось пять-шесть просторных «улиц», да и расстояние между землянками выдерживалось одинаковое. В центре — вроде площадь или плац, в свое время его так вытоптали, что даже сейчас, спустя годы, здесь не пробилась трава. У края этой площади-плаца, пугая пустыми глазницами окон, стоял еще приземистый, мрачный дощатый барак. Построен был явно наспех, неумело, крыша посередине осела, провалилась, словно ему сломали хребет. Вдали, насколько хватывал свет

фар, виднелись опавшие кое-где провололочные заграждения. Вдруг, потревоженные шумом мотора и ярким лучом, из недалекой землянки выскочили шакалы, целая стая, и, подвывая, исчезли в темноте. Странным, гиблым показалось это место молодым людям, и Амирхан, впервые видевший такое, спросил у шофера, что же это все означает.

— Говорят, здесь держали врагов народа. Ну тех, с тридцать седьмого года... Тут неподалеку должен быть карьер и кирпичный заводик, они выжигали особый жаропрочный кирпич. Там же на карьере и кладбище. Большое, люди рассказывают, — ответил шофер и невольно тяжело вздохнул. Видно, и он попал сюда впервые, хотя работал на целине уже второй год.

Обоим в душной ночи зияющие провалы входов в землянки показались незасыпанными могилами, откуда несет запахом тлена. В немом ужасе, не говоря ни слова, рванули на «газике» в сторону и, как ни странно, часа через два выбрались на знакомую дорогу.

С шофером о том ночном видении Амирхан не заговорил ни разу; хотя дважды в неделю они по-прежнему отправлялись на базу за продуктами, но уже в сумерки никогда не выезжали из райцентра, оставались ночевать в доме для приезжих. Не говорили они и ни с кем из ребят, но у него долго стояли перед глазами эти норы для людей среди ровной и голой степи. Иногда казалось, что это ему привиделось или приснилось, но он знал, что это, к сожалению, не так. Потом он не мог понять, почему вначале никак не соотнес судьбу своих родителей с этим лагерем политзаключенных. Казалось, при чем здесь бескрайняя дикая степь, эти норы — и его родители? Но чем чаще он задумывался, тем все больше допускал мысль, что на кладбище в глиняном карьере могли быть похоронены его мать или отец, ибо он уже знал, что существовали отдельные лагеря для мужчин и женщин. И вот так сложилась судьба, что провидение, быть может, привело его к затерянным следам родителей. Но этими мыслями он опять же ни с кем не делился, хотя в студенческой группе у него были друзья, с которыми он работал на грузовом дворе. Годами живший в ребенке страх, что его родители — враги народа, не исчез бесследно, даже когда Амирхан узнал, что мать и отец реабилитированы, что произошла трагическая ошибка, сделавшая его сиротой. Этот непроходящий страх, чувство ущербности подтачивали его изнутри, мешали стать са-

мим собой, а у многих, наверное, страх так и остался пожизненным комплексом. И часто, в какие-то крутые минуты жизни и в детском доме, и на флоте, и даже в университете — на злополучном собрании, где он оказался несправедливым судьей над своим однокашником Гиреем, например, — он как бы ожидал подлого вопроса: «А кто ваши-то родители? Враги народа? Реабилитированы? Может, реабилитированы заодно со всеми, а может, опять же по ошибке?»

Услышь он такой гнусный вопрос, вряд ли с твердым убеждением дал бы достойную отповедь любопытному, если б такой нашелся. В те времена об этом — ни о правых, ни о виноватых — говорить было не принято, и не говорили, да и сами вернувшиеся из лагерей без повода и всякому об этом не рассказывали. Оттого и он, Амирхан Азларханов в ту ночь не сказал шоферу, что, может, в таких лагерях погибли и его родители. Но та ночь не прошла для него бесследно, он почувствовал неодолимое желание побывать в бывшем лагере снова, пройти по этим «улицам», постоять на плацу, заглянуть в землянку, пройти коридором разваливающегося тухлявого барака — сделать хоть несколько шагов по возможному следу родителей. И однажды, возвращаясь из райцентра, купил на базаре охапку простеньких астр. Шоферу он объявил, что намерен вечером съездить на свидание в соседний совхоз к девушке, и попросил у него на ночь машину — явление по целинным меркам того времени вполне нормальное. И как только они вернулись, одевшись как на свидание, он уехал в степь, не решившись расспросить шофера о дороге даже как-нибудь обиняком. Но он все же нашел это место, и нашел еще засветло, когда степные сумерки только начали сгущаться. Нашел он разваливающийся кирпичный заводик и огромный карьер, где в одной из боковых выработок располагалось кладбище — осевшие под осенними дождями холмики без каких-либо опознавательных знаков. На каждый холмик, сколько хватило, он положил по астре и пожалел, что не взял цветов побольше, хотя купил у цветочницы целое ведро. Прошагал он не спеша все шесть «улиц», зашел в самую большую и мрачную землянку, прошел в оба конца барака, постоял на плацу. Уходя, он хотел найти хоть какую-то вещицу: пуговицу, кружку, ложку, огарок свечи, но, так ничего и не найдя, отломил от колючего заграждения кусочек ржавой проволоки, хранившийся у него в бумажнике до сих пор. Тронулся в

обратный путь он уже в темноте, но, не сделав и двух километров, вернулся. Подъехав к барaku, плеснул с двух сторон бензином и чиркнул спичкой. Огонь, по мусульманским поверьям, очищает от злых духов воздух, и на кладбищах-мазарах иногда жгут костры; но, кроме того, он хотел уничтожить хоть то, что ему под силу. И долго в степи, пока он выбирался на дорогу, полыхал костер.

Между этими главными событиями его первого года университетской жизни — собранием и пожаром в акмолинской степи, прошло всего два месяца, и то, и другое всколыхнуло, обожгло душу Амирхана. Глядя на охваченный пламенем барак в ночной степи, он еще не осознавал, что навсегда избавился от комплекса ущербности; но чуть позже он поймет, что сжег его на том вытоптанном плацу, и уже больше никогда не будет испытывать страха перед анкетами и графой «родители». Он заметит, что его откровенность в этом плане еще долгие годы станет смущать и настораживать многих, но это уже его не собьет с позиции и, наоборот, словно рентгеном просветит человека, вздрогнувшего от такой записи в анкете или в биографии. Здесь, в казахстанских степях, где Амирхан с товарищами строил овечьи кошары для совхоза «Жаножол» — «Новый путь», два этих события, казалось бы, разных, не имеющих друг к другу никакого отношения, дали толчок к размышлениям о времени, о судьбе своих родителей, о себе, о своем месте в этом непростом во все времена человеческом мире. Вспоминая суд над Гиреем, своим однофамильцем, — а про себя он иначе то собрание и не называл, и в комитете комсомола в разговорах мелькало слово «суд», и в деканате оно проскальзывало не раз, — он думал теперь: а что, если и в отношении его родителей все было predetermined заранее, приговор вынесли без суда и следствия, без права на защиту. И кто же были те судьи? Убеленные сединами и умудренные жизнью люди, отягощенные званиями и академическим образованием, для которых закон свят? Люди, которым были понятны заботы и тревоги интеллигенции, собиравшейся в доме его родителей? А что, если судьба отца и матери решалась вчерашним уполномоченным по приемке кожсырья или по сверхплановому севу, за успехи и рвение переброшенным на службу Фемиде?

Отчего же такого не могло быть, тем более в годы, когда действительно не хватало образованных людей, —

вполне могло. Ведь даже спустя двадцать лет пытался же он сам вместе с некоторыми другими членами комитета комсомола судить товарища по курсу за пристрастие к музыкальной моде. Это он-то, имевший одни штаны и на каждый день, и на выход и не имевший о моде даже смутного представления. Но бог с ней, с модой, там хоть что-то можно сказать: не по-принятому короткое или длинное, узкое или широкое, и тем более если что-нибудь яркое, тут уж точно индивидуализмом попахивает, желанием выделиться. Но ведь пытался и музыку судить, к которой действительно не знал, как подъехать, оценить: разве «буржуазная», «вредная», «растлевающая», «разлагающая», «бездуховная» — это музыкальные термины? А у них в докладе на комсомольском собрании других слов и определений не было. И какая музыка по-настоящему облагораживает человека, делает его гармоничной личностью, вообще — в каких отношениях состоит музыка с жизнью — знал ли он? Конечно, как бы они, первокурсники, ни осуждали тогда на собрании модные зарубежные ритмы, запретив от имени комсомола звучать подобной музыке в стенах университета отныне и навсегда, музыка все равно жила, неподвластная диктату и администрированию. Сейчас он, обремененный опытом, не взялся бы определять судьбу музыкального произведения. Оказалось вот, что песенки тех лет, спустя три десятилетия, не забыты и в наши дни — а ведь в искусстве выживает только настоящее, — так он думал теперь. Тогда же, в дни собрания, осуждая товарища за «пропаганду не нашей музыки» — за принесенную на студенческий вечер пластинку с записью рок-н-ролла — а комсомольское обсуждение могло повлечь за собой исключение из института, — он ни разу даже себе не признался, что не вправе судить, что не знает предмета, которому должен быть судьей.

Так вот в те дни на целине он сделал для себя открытие, не бог весть какое, но долженствующее, по его мысли, повлиять отныне на его жизнь. «Научись говорить «нет». Человек начинается с того, что может честно сказать «нет». Ведь и впрямь желание везде и всюду угодить, быть добреньким, заставляет людей браться за дела, решать вопросы, к которым они не готовы. Умея вовремя сказать «нет», человек будет в ладах с собственной совестью, а не это ли главное в жизни? Вряд ли кто станет опровергать истину, что большинство бед исходит от людишек, на чьем лице несмываемой краской написа-

по — «чего изволите?» — и чем выше забрались такие люди, тем масштабнее беды.

Снова и снова он возвращался в памяти к тому, что сказал Гирей в конце собрания, где молодые ораторы убеждали себя и зал, что «такому не место в наших рядах». «Я внимательно слушал ваши выступления. И, знаете, тоже сделал для себя вывод, что не смогу учиться с вами дальше. Уходя, хочу сказать, что сегодняшнее комсомольское собрание скорее походило на суд с заранее вынесенным приговором, а это во сто крат преступнее всяких рок-н-роллов. В любом другом вузе это не имело бы такого значения, как в нашем. Но вы же будущие юристы. Вы же судили меня только потому, что я — другой, непохожий. Лучше или хуже — вопрос иной, второстепенный. А ведь вам всю жизнь придется судить или защищать других, на вас никак не похожих. Что же выходит — непохожий, значит, чужой, виноватый, ату его?! Только сейчас, побывав в роли обвиняемого — правда, непонятно в чем, — я понял, что дело, которому мы все хотели посвятить свою жизнь, слишком серьезно, понял, что нравственно не готов быть судьей другим, а без этого преступно служить правосудию. Это главная причина, почему я решил бросить юридический факультет».

А весь-то сыр-бор разгорелся из-за того, что Гирей принес на первомайский вечер в институт пластинку с записью песенки Элвиса Пресли, того самого «Рока круглые сутки», который свободно звучал сегодня на улице Буденного и тем разбудил воспоминания прокурора.

Там, в акмолинской степи, вспоминая клятву, данную самому себе еще на флоте, на эсминце, где служил срочную до института, — непременно стать юристом и посвятить жизнь борьбе за справедливость, — он понял, что одного желания, даже самого страстного, искреннего, ой как мало. И только тогда он по-настоящему осознал, почему некоторые преподаватели выделяли Гирея, ценили в нем эрудицию, кругозор, интеллект. А ведь еще совсем недавно Амирхану казалось: чтобы стать хорошим юристом, путь один — учись на пятерки, у кого красный диплом, тот и лучший юрист. Сейчас, в акмолинской степи, не отменяя и не принижая значения диплома с отличием, он понимал, что вместе со знаниями в нем должна созреть личность, душевный потенциал которой, подкрепленный истинным знанием права, даст ему моральное право быть судьей другим.

Амирхан Даутович, вернувшийся с прогулки раньше обычного, правильно рассчитал, что в эту ночь ему действительно не заснуть. Уже затихли улицы, угомонились все в микрорайоне, и ночная свежесть, прибав вездесущую пыль, пала на город. Во всем жилом массиве ни в одном окне не горел свет, только в квартире Азларханова попеременно светилось то одно окно, то другое, словно там искали что-то важное.

Амирхан Даутович ходил из кухни в комнату, которая служила ему и спальней, и кабинетом, присаживался на постель, но желания прилечь не было. Он подходил к одному, к другому окну, вглядывался в безлюдный ночной двор, замечая даже при слабом лунном свете его неустроенность, неуютность, запущенность, неубранную помойку и свалку, возле которых копошились кошки и собаки. Глядя на это запустение, можно было подумать, что в домах вокруг обитали временные жильцы, и даже не жильцы, а транзитные пассажиры, готовые вот-вот схватить чемоданы и сняться с места, хотя это было совсем не так — никто никуда сниматься не собирался, и Азларханов знал это. Отчего такое равнодушие кругом? Ведь даже если квартира казенная, то все равно это твой дом, где проходят твои дни, растут твои дети. И может быть, другого дома у тебя не будет, дом твой здесь — на втором или третьем этаже, и это твой двор, который иначе, чем поганым, и не назовешь. Так оглянись, если уж не в радости, так в гневе на дом свой, так ли полагается жить человеку в собственном доме, на своей земле в одной-разъединственной жизни, отпущенной судьбой и природой? Но нынче мысль, скользнув поверхностно, не задержалась на сегодняшнем, думалось о другом. Впервые за долгое время он мысленно вернулся в далекие студенческие годы, в первые годы своей стремительной карьеры, шаг за шагом вспоминал давние дни, и многое оживало в памяти — в красках, с шумами, запахами.

Да, в крошечной холостяцкой квартирке на третьем этаже, где всю ночь горел свет, действительно происходило важное для хозяина дома событие...

Глава II

ЛАРИСА

1

Заканчивая третий курс, Амирхан одолел «Римское частное право» и труды Ликурга о государственном устройстве — в подлиннике, специально для этого выучив латынь. «Римское право» изобиловало цитатами, изречениями философов и поэтов, так что, увлекаясь интересной мыслью, он открыл для себя античную литературу, древних мыслителей и историков — одна ниточка тянула за собой другую. Книжного бума не было еще и в помине, в университетской читалке он без всякой очереди получил три тома «Опытов» Монтеня, а Плутарха, Цицерона, Фрейда, Шопенгауэра приобрел в букинистических магазинах для своей будущей личной библиотеки. Жизнь в детдоме и служба на флоте приучили его к строгому распорядку, но даже в расписанных наперед по часам неделях ему теперь не хватало времени на многое.

Основное время, конечно, «съедала» учеба, о том, чтобы повышать свой культурный уровень (как тогда выражались) за счет занятий, не могло быть и речи, первоначально поставленная цель — окончить университет с отличием — не отменялась даже тогда, когда он принял и другую — личную систему самообразования. Столь напряженная программа (да к тому же еще и приходилось подрабатывать на грузовом дворе), конечно, лишала его отдыха, достаточного общения со сверстниками, не давала ему полноты ощущения студенческой жизни.

ни, университетской среды. Он сам понимал это, но распыляться все же не стал; временно лишая себя приятных сторон жизни — общения, спорта, частых в те годы студенческих пирушек, даже свиданий, он не поступился главным — учебой и своей программой культурного самообразования. Кто знает, не потому ли он был неожиданно для себя щедро вознагражден: единственный из выпускников курса он получил целевое направление в московскую аспирантуру. Это сейчас легко, без особого трепета произносятся слова: столица... Москва... А в те годы от этих высоких слов дух захватывало, голова кружилась — Москва! Три года в Москве! Как он радовался, и как ему завидовали, как его поздравляли! Пожалуй, теперь этого не понять нынешним студентам — у них какие-то иные радости, не во всем ясные Амирхану Даутовичу.

Три года в Москве пролетели для Азларханова одним счастливым днем, они и в воспоминаниях мелькнули как что-то нереальное, фантастическое, словно не с ним и не в его жизни это все происходило. Да и как же иначе! Аспирантская отдельная комнатка в новеньком, только что сданном доме аспирантов, с новенькой мебелью и даже холодильником, показалась Амирхану верхом роскоши, а аспирантская стипендия после студенческой целым состоянием. А Москва! Он готов был до полуночи бродить по улицам и, пожалуй, за три года исходил ее почти всю пешком. У него была карта Москвы, по которой он прокладывал себе маршруты, а уж в особо примечательных местах он побывал на первом же году жизни в столице. Вот где пригодились его умение распорядиться своим временем! Учеба его не очень затрудняла; в те годы, как-то поверив в себя, он начал печатать в специальных юридических журналах статьи, и гонорары казались ему непомерно завышенными.

Тогда было не так трудно попасть в любой театр, на выставку, в музей, было бы желание, — сложнее, правда, на вечера поэзии, необычайно популярные тогда в Москве, но он умудрялся не однажды бывать и в Политехническом музее, где чаще всего проводились такие вечера, и даже в Доме литераторов на улице Герцена. Когда он познакомился с Ларисой, учившейся на факультете искусствоведения в театральном, он даже одну зиму частенько заглядывал в модное кафе «Синяя птица», неподалеку от площади Маяковского, где день играл саксофонист Клейбанд, а день гитарист Громин со своими не-

большими оркестрами; в кафе приходили послушать игру именно этих виртуозов.

А еще Лариса, заядлая любительница коньков, приохотила его к катку. Какое это чудо, волшебство — залитый светом и музыкой сверкающий лед, медленно падающие снежинки, смех и улыбки, улыбки кругом. Неужели этот высокий молодой человек в белой щегольской шапочке, лихо режущий лед на поворотах катка на Чистых прудах, — он, вчерашний детдомовец, сегодняшней аспирант Института государства и права Амирхан Азларханов?..

...Амирхан Даутович вглядывается в залитый лунным светом грязный двор, но видит давние зимние вечера на Чистых прудах, юношу в белой шапочке, медленно кружащего в танце изящную девушку в лиловом костюме, отороченном белым пушистым мехом, которую иные принимают за балерину, и это ей льстит, она так грациозна на льду, так легка, что кажется, тут уж не коньки, а пуанты. Амирхан Даутович пытается увидеть лицо юноши, заглянуть ему в глаза, понять, ощутить, насколько он был тогда счастлив, но это ему не удастся. Кружится и кружится пара, лицо зеленоглазой девушки в лиловом, румяной от мороза, он хорошо видит — и смеющимся, и улыбающимся, и грустным, но юноша так и не поворачивается лицом к светящемуся окну на третьем этаже, словно между ними ничего не может быть общего, и расстроенный Амирхан Даутович отходит от распахнутых настежь ставен и направляется на кухню, чтобы поставить на газ чайник. Чай теперь для него лучшее средство в ночных раздумьях и воспоминаниях. И вдруг, когда, казалось, мысли и воспоминания его отвлеклись от Москвы, Амирхан Даутович припомнил, как однажды они с Ларисой были в старом Доме кино на улице Воровского.

В Доме кино он оказался впервые. Билеты достала Лариса — были у нее какие-то влиятельные родственники, связанные с миром искусства, и оттого иногда им удавалось бывать и на премьерах.

Тогда в Доме кино случился не то просмотр нового фильма, не то какая-то предфестивальная программа — картина оказалась французской; название Амирхан запомнил, а вот режиссера помнил — Бюффо, из авангардистов французского кино. Фильм оставил двойственное впечатление. И смятение вызвало даже не содержание картины, а заложенная в ней неожиданная мысль;

Амирхан Даутович и сейчас отчетливо помнил все, до последнего кадра.

...На Северный вокзал Парижа приезжает, опаздывая к отправлению экспресса, герой фильма. Рискуя жизнью, он успевает-таки, порастеряв вещи, вскочить в последний вагон трогającegoся состава. По ходу фильма становится ясно, что опоздать герой никак не мог, это была бы не только его личная катастрофа, но и катастрофа многих, вольно или невольно связанных с ним людей, и без этого вообще не могло быть фильма. Реалистический, жесткий фильм, со страстями, с назревающей к финалу трагедией. Зал, замерев от волнения, следит за судьбой не только главного героя, но и других персонажей, с которыми уже сжился за час экранного времени. И вдруг, в момент кульминации, когда должна бы наступить развязка, вновь возникают первые кадры фильма, и вокзал, и герой, молодой, каким он был в начале фильма, пытающийся догнать уже знакомый зрителям поезд; на этот раз герой не догоняет и остается на перроне с чемоданами в руках. И начинается совершенно иная история, с новыми персонажами, правда, изредка появляются и те, которых зритель уже знает и к которым успел привыкнуть, из-за которых волновался, — но в новом фильме они, увы, мало значат в судьбе главного героя. И дело не в том, что, успев на поезд, он оказался более счастлив, удачлив, а опоздав, потерял себя, потерпел жизненный крах, — нет, такого сравнения режиссер вовсе не пытается делать. Вторая часть, вторая версия жизни героя оказалась не менее сложной и интересной, чем первая, она и волновала не меньше, чем первая. Но волею судьбы из-за минутного опоздания это была уже другая жизнь, другая судьба, а всего-то, казалось, герой вошел не в ту дверь. Вот тогда-то Азларханов впервые подумал: ведь и в его судьбе не было бы ни Москвы, ни Ларисы, ни юрфака университета, ни аспирантуры, уйди он при демобилизации со всеми в торговый флот, в рыбаки или в китобои.

Как бы сложилась тогда его жизнь? В ту пору он, счастливый, видевший впереди только успех, продвижение, служение делу, к которому тянулась душа и сердце, не пожалел ни о рыбацких сейнерах в холодной Атлантике, ни о раздольной моряцкой жизни, и Ларисе, конечно, о такой неожиданной проекции фильма на свою жизнь не рассказывал. Но фильм долго не шел у него из головы, и сейчас, видя мысленно за окном не пыльный

двор, а зимний каток на Чистых прудах, он вновь вспомнил ту давнюю французскую картину: ведь и еще раз мог свершиться крутой перелом в его жизни, останься он в Москве. А такое легко могло случиться — не заупрямься он, не настаивай на том, что дело его жизни — конкретная работа с людьми, а не бумаги, теории, преподавание. А как упрашивала Лариса тогда же подать заявление в загс, говорила, что ей еще два года доучиваться в Москве, как она не хотела разлуки, и родители намекали на простор своей пятикомнатной квартиры, доставшейся от деда, профессора МГУ, говорили, что вряд ли когда еще представится ему такая благоприятная возможность остаться в Москве. Да и в институте он значился на хорошем счету, заканчивая, стал членом партбюро, и заикнись, что женится на москвичке и желает поработать над докторской диссертацией, ему пошли бы навстречу, подыскивали интересную работу. Согласись он тогда, послушай Ларису, сейчас, наверное, жил бы на Чистых прудах, рядом с новым зданием театра «Современник», давно уже был бы доктором юридических наук, а то, глядишь, и членом-корреспондентом, потому что еще тогда его идеи вызывали одобрение у научных руководителей, людей с именем, по чьим учебникам он учился в университете.

2

Заваривая чай, Амирхан Даутович неожиданно размышлялся о том, как сложилась бы его жизнь, останься он тогда после аспирантуры в Москве. То видел себя седовласым профессором на кафедре, то членом Верховного суда или Прокуратуры СССР. Вдруг с пронзительной ясностью вспомнил старинный желто-белый особняк с колоннами в ложно-классическом стиле, где жила Лариса, вспомнил кабинет ее деда, профессора права в еще дореволюционном университете. Какие там были книги! И эти книги все годы учебы ему великодушно разрешали забирать с собой. Ее родители шутили, что не зря сохраняли библиотеку, чувствовали, что будут у них, если не в роду, так в родне юристы. Помнил он и их дачу в Голицыне, на берегу речки, совсем недалеко от бывшего имения князей Голицыных, где сейчас открыт музей... Какие там пейзажи! Поленовские! Солидная, степенная жизнь, многочисленная родня, которая обожала Ларису и в общем-то одобряла ее выбор. Бывал Амирхан на

больших семейных праздниках, свадьбах, поминках, где собирались все ответвления рода и где Амирхана и в шутку и всерьез представляли как жениха Ларисы, а будущий тесть иногда называл его «наш сибирский хан» и уверял, что у них в роду тоже некогда были татарские ханы и их фамилия Тургановы — от степняков.

То вдруг Амирхан Даутович видел прекрасно изданные книги, те, что мечтал написать, когда еще учился в аспирантуре, но так и не написал — закрутила, завертела новая жизнь, не то чтобы писать, на чтение порой не хватало времени. Но неожиданно его пронзила такая боль, что он даже вздрогнул. Никогда прежде не задумывался об этом, не связывал: останься он в Москве, наверное, совсем иначе сложилась бы жизнь, судьба Ларисы...

Лариса написала кандидатскую о декоративно-прикладном искусстве республик Средней Азии, специализировалась по керамике, исколесила южные республики, побывав почти во всех кишлаках, где народные умельцы работали с глиной. В свои редкие отпуска он сопровождал ее в таких поездках и, честно говоря, никогда не жалел об этом. У Ларисы был вкус, чутье, она находила забытые школы, направления, систематизировала их. Благодаря ее стараниям и энергии в Москве издали два красочных альбома, рассказывающих о прикладном искусстве этих республик, она же организовала три международных выставки среднеазиатской керамики в Цюрихе, Стокгольме и Турине, не говоря уже о выставках в Москве, Ленинграде, Таллине, Тбилиси. У нее быстро появилось имя в кругах искусствоведов, на нее ссылались, ее цитировали. Приглашали на всевозможные международные выставки и гостем, но чаще членом жюри. Зарубежные журналы заказывали ей статьи.

В счастливые годы, когда у нее выходили альбомы, книги, удачно организовывались выставки, она на радостях говорила мужу:

— Я так признательна тебе, твоему упрямству, что ты не остался в Москве и меня утащил, без тебя я не нашла бы себя в искусстве, не сделала себе имени.

А ведь керамикой она увлеклась случайно, купив на базаре за трешку ляган, — так поразила ее простота и изящество обыкновенного большого глиняного блюда, которые изготавливают тысячами в любом районе и для каждой семьи. Она смогла увидеть в обыкновенном предмете домашней обстановки необыкновенную художественную

выразительность, самостоятельность в нехитрой росписи, индивидуальной даже для маленького кишлака, ведь мастерство и рецепты передавались из поколения в поколение, из века в век. Глина во все времена была самым доступным материалом бедного человека, и он по-своему, доступными способами и средствами улучшал и украшал ее. В нашем унифицированном мире, где уже переплелись, обогащая и размывая друг друга, множество национальных школ, художественных течений, керамика, которую открыла для себя Лариса, каким-то непостижимым образом убереглась от стороннего художественного влияния. В личной коллекции Ларисы имелись керамические предметы, которые передавались из рук в руки уже в пятом или шестом поколении, но манерой исполнения, красками и другими внешними признаками и даже размерами они вряд ли отличались от работ нынешних сельских гончаров. «Возможно, народ сохранил до наших дней классические образцы керамики», — писала Лариса в своей кандидатской диссертации. О том же она писала и в альбомах, где щедро была представлена керамика, отысканная ею в степях, горах, пустынях, цветущих оазисах Ферганской долины, в самых, казалось бы, забытых и глухих уголках. На организуемых ею выставках всегда предлагалась подробная карта Средней Азии с указанием мест, где обнаружено то или иное изделие, и специалисты, пользовавшиеся не только каталогами выставки, но и картой, поражались огромной работе, которую проделала Лариса всего за десять лет. С легкой руки Ларисы обыкновенный ляган для кухни, без малейшего изменения в технологии изготовления, расцветке, размерах, стал декоративным предметом — для этого на днище перед обжигом делались две дырочки, чтобы можно было укрепить его на стене. Таким образом обыкновенный хозяйственный ляган получил вторую жизнь, потому что декоративное его предназначение дало взлет фантазии местных умельцев, и, пожалуй, тогда всерьез заговорили о моде на восточную керамику из республик Средней Азии, а художественные салоны стали получать крупные заказы на нее из-за рубежа. И в этом, конечно, определенная заслуга принадлежала Ларисе — ее энергия, подвижничество способствовали неожиданному взлету древнего и забытого ремесла.

В крае, куда он приехал с Ларисой после аспирантуры, более всего ценился людьми семейный очаг, домашний уют, родство, дети. Нельзя сказать, чтобы молодые

Азлархановы были равнодушны к своей домашней жизни, наоборот, Лариса, впервые вырвавшаяся из-под опеки матери, бабушек, дорожила ролью хозяйки, самостоятельностью, хотя поначалу оказалась беспомощной в делах хозяйственных, особенно на кухне. Но они не делали из этого никакой трагедии, потому что любили друг друга, а главное, у них была любимая работа, и каждый мечтал достигнуть в ней успеха.

Лариса поначалу работала в краеведческом музее искусствоведом; года через три, когда у нее в музее появились созданные ею стенды, имеющие художественную ценность, и ее статьи стали периодически появляться в областной и республиканской газетах, она неожиданно получила какую-то должность от столичного музея искусств, и эта должность давала ей возможность самостоятельно прокладывать маршруты своих изысканий; время от времени, но регулярно она стала выставлять свои новые находки уже и в музее искусств в Ташкенте.

Амирхан Даутович двигался по службе куда стремительнее жены и через три года уже возглавлял областную прокуратуру. В свои тридцать шесть лет он был едва ли не самым молодым областным прокурором, когда он приехал в первый раз в Москву на представление Генеральному прокурору страны, тот даже удивился его молодости.

Сейчас, среди ночи, вспоминая свою жизнь с Ларисой, он ходил от окна к окну и подолгу вглядывался в залитый лунным светом пыльный двор, но теперь он видел уже не каток на Чистых прудах, а коттедж, в который они переехали из малогабаритной квартирki, когда он стал прокурором области, и в котором они прожили с Ларисой почти десять лет.

Коттедж к тому времени был основательно обжит, года три в нем жил управляющий крупным областным строительным трестом, наверное, для себя его и возводил, настолько умело, добротнo, со вкусом оказался он спроектированным и построенным, — а дом в жарком краю поставить, чтобы радовал, не так просто. Управляющий получил неожиданное повышение и переехал с семьей в Ташкент, а Азлархановы переселились в дом с садом. Переселились в самый пик саратана, когда ртутный столбик термометра показывал каждый день за сорок. И вдруг такой подарок — коттедж с садом!

Дом не был отделан деревом, не имел паркетных полов, он вообще был без излишеств, в те годы мода на

роскошь еще не захлестнула должностных лиц, но все в нем оказалось сработано прочно, основательно. Нравилась им большая открытая деревянная веранда, где по вечерам гулял слабый ветерок, и они любили пить там чай, ужинать на воздухе. Сад казался им огромным, хотя восемь соток для современного горожанина и в самом деле немало. Более чем наполовину двор был умело затенен виноградником, и оттого почти в любое время дня тут можно было найти прохладный уголок, а по осени, когда созревал виноград, двор, особенно в вечернем освещении, приобретал прямо-таки сказочный вид: над центральной дорожкой, ведущей к зеленой калитке, висели темно-фиолетовые, до черноты, крупные гроздья «Чораз», «Победы» — иная гроздь и в полтора, и в два килограмма. А то вспыхнувшая лампочка на дальней аллее в глубине сада высвечивала тяжелые кисти красноватого «Тайфи», напоминающие детские воздушные шары. Вдоль веранды, только протяни из-за стола руку, тянулась царица лоз — золотистый виноград «Дамские пальчики», или, как его называют местные, — «Хусайни». Они сразу полюбили свой новый дом, и даже днем в обеденный перерыв спешили к себе.

Город по тем годам был невелик, это потом, лет через десять, он начнет стремительно расти, и их коттедж окажется чуть ли не в центре. Благодаря новому дому года полтора-два они были вместе так много, как никогда больше в их совместной жизни.

Позже жена уйдет из краеведческого музея, и окружит ее по дальним дорогам ее единственная страсть — керамика. А пока, счастливые, они спешили днем домой, благо музей Ларисы располагался в соседней махалле, а у Амирхана Даутовича имелась служебная машина. Наверное, можно было понять, почему они жертвовали полноценным обедом где-нибудь в чайхане, — дома их ждал маленький бассейн и летний душ в саду, а в сорокаградусную жару это немалая роскошь.

Однажды, в конце лета, в воскресенье, Амирхан Даутович накрывал на веранде стол, а Лариса, перед обедом уже в который раз бултыхаясь в бассейне, окликнула его:

— А знаешь, Амирхан, мне пришла в голову потрясающая идея: сделать у нас в саду музей керамики под открытым небом. Все равно же весной уберем эти грядки с овощами и зеленью. Для ухода за ними у нас с то-

бой нет ни опыта, ни времени, тем более такой баснослов-но дешевый базар под боком.

То лето, наверное, было и пиком их любви, и Амирхан, больше вслушиваясь в милый голос жены, чем в смысл того, что она говорила, ответил:

— Поступай как знаешь. Я полагаюсь на твой вкус.

Предложение Ларисы о музее под открытым небом в своем саду Амирхан не то чтобы не принял всерьез, а просто не предполагал, что она могла затеять.

3

Больше они о задуманном домашнем музее с Ларисой не говорили. Наступила долгая теплая осень, созрели и были убраны с грядок овощи, зелень, выкопали и картошку в дальнем углу, у забора. С ночными заморозками потихоньку осыпались розы, но по-прежнему запах их в полдень долетал до открытой веранды. В бассейне уже не купались, однако Лариса заполняла его каждый день, она говорила, что когда смотришь на водную гладь, успокаиваешься душой, — и по утрам в бассейне плавали опавшие листья и лепестки роз.

Как-то он уехал по делам на три дня в Ташкент, а когда вернулся, не узнал собственный двор: казался он теперь просторным и... чужим. Не осталось и намека на былой своеобразный восточный уют, даже живая изгородь была подстрижена.

Лариса с улыбкой спешила навстречу — она звонила в аэропорт и знала с точностью до минуты, когда муж будет дома.

— Ты только не волнуйся и не думай, что я все испортила. Я ведь за лето изучила парковую архитектуру всей Европы: и немцев, и французов, и англичан, нашла и старые российские книги — мне друзья из Москвы помогли, — и до японской добралась, думаю, она нам больше подходит из-за наших восьми соток...

Покормив мужа с дороги, Лариса повела его посмотреть перемены. Двор теперь весь был покрыт привозным дерном и сделался зеленой лужайкой. На фоне изумрудной зелени деревья, что росли ранее среди грядок картофеля и томатов, выглядели теперь иначе — стройнее, элегантнее — что и говорить, в этих английских лужайках что-то было. Лариса с увлечением рассказывала, какие деревья доставят ей на следующей неделе, какие кусты роз и куда она пересадит. Амирхан слушал ее

внимательно, ему правилась затея жены и то, что она так увлеклась. Слишком уж часто в последнее время она поговаривала о Москве, а тут занятий на годы и годы, можно было не сомневаться, он знал свою жену. Улыбнувшись, он только спросил:

— Ты успеешь устроить свой музей в саду, пока меня не снимут с работы?

Лариса подошла к нему и, счастливая, положила ему руки на плечи; понимая, что муж одобрил ее затею, улыбаясь, ответила:

— Плохо ты знаешь свою жену. С Зеленстроем я рассчиталась по смете и через кассу и даже на всякий случай квитанцию храню. А то, что слишком уж хорошо лужайка получилась, да живую изгородь аккуратно подстригли, так они ведь старались не для областного прокурора, не воображай, нужен ты им! Я объяснила, что затеяла музей па воздухе, и им это понравилось, они даже обещали мне кое-что подарить из керамики. Учти, я ведь тоже старалась для них, сама готовила, и моими кулинарными способностями остались довольны, так что, дорогой муж, все взаимно. Единственное, в чем я виновата, — гарнитур для спальни, что мы приглядели с тобой, теперь купим года через два, не раньше, музей я затеваю с размахом.

Амирхан обнял и расцеловал жену.

— Но это еще не все. — Она, смеясь, вырвалась из его сильных рук. — Тебе, как областному прокурору, придется использовать свои связи и влияние, чтобы добыть мне одну-единственную голубую елочку, она просто необходима в ландшафте, что я задумала, озеленили мне такого подарка не обещали...

4

Вдруг он вспомнил, что у него ведь есть возможность увидеть и голубую елочку — он все-таки достал ее для жены, — и аккуратные газоны своего бывшего дома. Из той прежней счастливой жизни он взял с собой в этот город, кроме самого необходимого, все альбомы, книги, проспекты, что успела издать жена. Впрочем, и забирать-то особо нечего было, жили они, по местным понятиям, чересчур скромно, и главным их достоянием, наверное, был музей, или, точнее, коллекция керамики, которую собрала Лариса. Со временем, не довольствуясь экспозицией в саду, она заняла под керамику две самые боль-

шие комнаты в доме — все равно они пустовали, и появилось у них еще два «зала» малой керамики, восемнадцатого и девятнадцатого века. Альбомов, составленных лично Ларисой, с ее текстами, комментариями, было всего два, хотя имелись еще семь альбомов, где она написала раздел, главу, они были изданы за рубежом, и некоторыми из них Лариса очень гордилась. Наверное, это и было признанием ее труда искусствоведа, исследователя, ученого. Но Амирхан Даутович, отдавая должное фотографии, вкусу, изыску, с которыми подавалась в зарубежных изданиях керамика со всего света, все же больше любил альбомы, изданные дома, в Москве.

В одном из них и были снимки музея под открытым небом и двух комнат его бывшего дома — того самого, где он прожил с Ларисой десять счастливых лет.

Он раскрыл альбом наугад: на ярко-зеленой лужайке, рядом с пушистой голубой елью, на низкой дубовой подставке лежал глиняный сосуд для воды — хум; раньше такой имелся в любом дворе, ведь не только водопровод, но и колодец в этих краях был редкостью. Сосуд из красноватой глины литров на пятьдесят-шестьдесят потерял от времени первоначальный цвет, но на фотографии смотрелся хорошо, выцветшие краски говорили о возрасте. В нескольких местах сосуд был умело залатан, медные скобы успели покрыться зеленоватым налетом.

Фотографии для этого альбома готовились лет через пять после того, как Лариса задумала и начала осуществлять свой план музея в саду. За это время экспозиция менялась десятки раз. Когда Лариса привозила из дальних поездок какую-нибудь интересную вещь, все в саду начинало двигаться, перемещаться, но, надо признать, от каждой перестановки, замены экспонатов общий вид, панорама улучшались несомненно. За пять лет подросла и голубая ель, которую они наряжали для окрестной детворы на Новый год, укрепились карликовые деревья. Лариса отыскивала их у садоводов-любителей по всей Средней Азии заодно с поисками керамики, и по весне во дворе розово цвело деревце фейхоа, наполняя воздух тонким ароматом. Исчез розарий, но отдельные кусты роз: алой, багряно-красной, белой, желтой, росли, по замыслу Ларисы, в соседстве с редкими карликовыми деревьями. Перестроили они и свой крошечный бассейн: отодвинули в глубь сада, эмалированную ванну сменили на бетонную, выложенную голубым кафелем, но все

это делалось не только для собственного удовольствия — рядом с водой керамика смотрелась совсем иначе.

Когда Лариса всерьез заявила о себе и ее керамикой заинтересовались искусствоведы, ему удалось побывать с женой на двух из трех ее зарубежных выставках — в Цюрихе и Стокгольме. Конечно, он ездил туда по туристической путевке, но главное, он был рядом, мог помочь, поддержать, он был свидетелем ее успеха, видел ее необыкновенно счастливой, и позже не раз благодарил судьбу за то, что она предоставила ему такую возможность.

Наверное, Амирхан Даутович любил альбомы, изданные в Москве, еще потому, что хоть и презижала съемочная группа с осветителями, с десятком чемованов всякой аппаратуры, лучшие снимки все-таки были сделаны самой Ларисой. Когда она стала бывать за границей, обзавелась и японской и западногерманской камерами, и все деньги в поездках тратила на фотобумагу и реактивы. Снимков она делала много, снимала и на рассвете, и на закате, и в ослепляющий полдень, и никогда не снимала дома без него, — помогая, он понимал ее без слов. Оттого ему была дорога каждая фотография в альбоме, он помнил, как они рождались.

Были в их домашней коллекции и присутствовали в этих альбомах такие вещи, что дарили ему лично, зная, что жена, да и сам прокурор увлечены столь странным, на местный взгляд, делом, как собирание керамики. Понятно бы — старинное серебро, хрусталь, бронза, ковры ручной работы, все то, что имеет, так сказать, материальную ценность, а тут — черепки... Дарили часто от сердца, объясняя этот жест своим долгом помочь популяризации национальной керамики. Отказывался принять — обижались: на что, мол, человеку один-единственный кумган, даже если он сохранился от дедов, когда рядом живет собиратель, у которого к этому кумгану уже есть пара, да и чаша похожая найдется.

«Даров не принимай», — читал он некогда на латыни, и эту истину усвоил крепко, особенно имея в виду свое служебное положение, но, увлеченный азартом коллекционера, не отнес ее на счет простой дешевой керамики, а зря. Хотя «даров не принимай» он не забывал и не раз заворачивал доброхотов, пытавшихся поднести ему огромные напольные китайские вазы, двухведерные медные кувшины и сосуды для воды. Может, и тут были люди, дарившие от души, но Амирхан Даутович спокойно объяснял, что все это уже, так сказать, из другой оперы,

и китайский фарфор, даже ручной работы, его не интересует. Китайский фарфор ему пытались дарить не один год, чего только не приносили, особенно поражали метрового диаметра тарелки, очень похожие на восточные ляганы. Амирхан Даутович поражался количеству фарфора в этих краях, хотя знал, что здесь проходили древние караванные пути из Китая.

Много спустя после тех счастливых дней в коттедже на улице Лахути, когда Амирхан Даутович уже не был областным прокурором, а работал там же в прокуратуре, в следственном отделе, но уже на небольшой должности, ниже той, с которой некогда начинал в этих стенах, попадались ему дела так называемых «коллекционеров». А ведь он точно помнил, поскольку его жена проработала три года искусствоведом в местном музее, что еще десять лет назад даже понятия такого — «частная коллекция» — в этих краях не знали, не говоря уже о самих коллекциях. А тут, в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов, враз расплодились владельцы частных коллекций, и вряд ли тому примером послужило собрание керамики его жены, хотя областная печать не раз писала о выставке в их саду. Коллекции эти были, конечно, иные, они представляли художественную ценность, и зачастую немалую, порой приходилось обращаться к признанным экспертам, но главным мерилом коллекций считалась их материальная стоимость, и «коллекционерами» чаще всего руководило желание вкладывать добытые несправедливым путем деньги в антиквариат, который, по их твердому убеждению, дорожал день ото дня.

Коллекционировали монеты, портсигары, браслеты, галстучные зажимы, булавки, брелоки — разумеется, только золотые; правда, один из «знатоков» презрел золото и успел собрать шестнадцать платиновых шкатулок и табакерок; попался и рекордсмен по серебряным работам, из его «коллекции» московские эксперты отобрали для музея четыре неизвестных ранее работы Фаберже. Поразила Амирхана Даутовича еще одна разновидность «коллекционеров», едва ли известная даже искусствоведам: у них в области наравне с золотом «коллекционировали» жемчуг, но эти, не в пример собирателям антиквариата, знали о жемчуге действительно много, поболее искусствоведов. Амирхан Даутович благодаря своей работе видел жемчуг из стран Ближнего Востока, из Африки и Австралии, с Филиппин и новейший японский с океанских ферм, иранский и иракский; владел он сколь-

ко-нибудь пером, думал он, обязательно написал бы роман о путях жемчуга, который стекался в эти края со всего света, наверное, это был бы детектив из детективов, настоящий бестселлер. Вот с такими «коллекционерами» приходилось иметь дело Амирхану Даутовичу, и те, зная об увлечении бывшего областного прокурора, иногда говорили ему, — мол, вы должны понять меня как коллекционер коллекционера, хотя ни один из них не мог сказать ничего вразумительного о художественной ценности своего собрания.

5

Утренний свет, стремительно набиравший силу, сделал ненужным электрическое освещение. «Как быстро прошла ночь! — подумал бывший прокурор. — Пора сворачивать выставку». Убирая альбомы, он не удержался, заглянул еще в один, изданный в Швейцарии. Последняя экспозиция, за полгода до смерти Ларисы. Она, наверное, и была наиболее ценной, в тот раз Лариса выставляла в Цюрихе только керамику начала века. Неожиданно для себя она отыскала в архивах Ферганской долины документы, свидетельствующие о том, что в русском поселении Горчаково в 1898 году были открыты по приказу генерала Скобелева две керамические мастерские, где работали местные умельцы. Мастерские просуществовали шестнадцать лет, вплоть до начала первой мировой войны. Лариса затратила долгие месяцы, пытаясь найти среди долгожителей хотя бы одного человека, работавшего там, но безуспешно. Однако керамики из этих мастерских сохранилось достаточно, изделия надолго пережили своих безымянных творцов. Кроме серийной продукции — ляганов, чайников, пиал, — наверное, предназначавшейся для солдат, расквартированных в Долине, выпускались в мастерской и особые партии дорогой посуды — видимо, для дома губернатора, для офицерского собрания и даже для наместника, великого князя Михаила Алексеевича. Вот эта керамика, сделанная на заказ, представляла интерес, особенно та, что имела формы и пропорции, традиционные для Востока, отличаясь при том неожиданной росписью и цветовой гаммой.

Но Амирхан Даутович открыл альбом, изданный в Швейцарии, не для того, чтобы увидеть восточную керамику, к которой приложили руку первые русские поселенцы в Туркестане.

Именно в этом альбоме были запечатлены два экспоната, которые принесли бывшему прокурору большие неприятности. Сняты они были в доме на Лахути. Низкий стол покрывала крупная, хорошо выделанная волчья шкура. Плотный мех гиссарского волка вряд ли напоминал бы о грозном хищнике, если б не старинное кремневое ружье тут же. Кто бы мог подумать тогда, что волчья шкура да кремневое ружье для фона — символы грядущих бед! Амирхан Даутович хорошо помнил то воскресное утро в середине апреля. В саду у них уже буйно цвела сирень, и газоны, еще ни разу не стриженные с осени, скорее походили на лесные лужайки. Кое-где в углах двора еще цвели подснежники и одинокие тюльпаны, а в тени деревьев — голубые крокусы. Зима выдалась снежная, холодная, долгая и продержалась до середины февраля — редкость для здешних мест. И оттого приход весны в том году воспринимался острее обычного. Пьянил воздух, пьянили запахи согревающейся земли, тонкий аромат молодой зелени и цветов. В тот день, впервые весной, они собирались завтракать на открытой веранде. Амирхан Даутович выносил стулья из дома, когда у зеленой калитки раздался звонок. Лариса хлопотала у плиты, а Амирхан Даутович пошел навстречу приехавшим.

У калитки стоял хорошо одетый человек в велюровой шляпе, а чуть поодаль — светлая служебная «Волга» с областным номером. Шофер, выйдя из кабины, протирал и без того сверкающий капот, наверное, хозяин был большой аккуратист. Незнакомец поздоровался, назвав прокурора по имени-отчеству, а на приглашение войти отказался, объяснил, что очень спешит. Сказал, что коллеги Амирхана Даутовича из районной прокуратуры передали с ним хозяину дома два керамических сосуда, и он с удовольствием выполняет их поручение, тем более что наслышан о деятельности жены хозяина и желает ей всяческих успехов. И добавил еще несколько слов о том, как важно пропагандировать искусство края в стране, и тем более за рубежом. Держался гость с достоинством, говорил вполне искренне, без подобострастия, нередкого в этих краях. Не успел он закончить последнюю фразу, как шофер, оказавшийся тут как тут, подал хозяину машины, предварительно сняв оберточную бумагу, один из сосудов, а тот, оглядев подарок еще раз, как бы убеждаясь, что довез в целости и сохранности, передал прокурору.

Амирхан Даутович, слушая приезжего из района, так

и не назвавшего себя, подумал было, что тут очередной китайский фарфор, но он ошибся. Сосуд оказался действительно керамическим, удивительной сохранности, и если бы Амирхан Даутович не знал состояния нынешней керамики в крае, мог бы даже подумать, что это работа последних десяти-пятнадцати лет. Только увидев его вблизи, можно было понять, что изделие давнее, очень давнее. Амирхан Даутович, взяв сосуд в руки и машинально отметив, что он тяжеловат для традиционной керамики, не благодарил, но и не возвращал, хотя шевельнулось в нем какое-то сомнение: слишком хорош был сосуд, чтобы принять его в подарок. И тут у калитки появилась Лариса. Увидев сосуд, она потеряла дар речи, даже забыла поздороваться с гостями; однако сразу же опомнилась и пригласила их в дом: ее восхищение и радость были столь явны и неподдельны, что приезжий тут же отметил весело:

— Вот и хорошо, кажется, мы угодили хозяйке.

И в это время шофер принес второй сосуд и тут же передал в руки ошарашенной Ларисе. Так и стояли они у калитки, муж и жена, держа в руках по сосуду.

Такой радостной Амирхан Даутович видел жену нечасто, и мысль о том, чтобы не принять, вернуть подарок обратно, как заворачивал он китайский фарфор, появилась и тут же пропала. Они настойчиво и вполне искренне пригласили гостей в дом, но те, поблагодарив, сразу уехали.

В этот день о завтраке не было больше и речи, полетели и все обширные планы на воскресенье. Сосуды вносили и выносили из дома, под лупой не раз и не два осматривали каждый квадратный сантиметр поверхности — в общем, до самого обеда Лариса не выпускала их из рук. Даже Амирхан Даутович, уже привыкший к находкам и открытиям жены, на этот раз был взволнован, таких изделий ни в местном музее, ни в ее личном собрании до сих пор не было. Если бы не традиционная для этих мест форма, не роспись, известная как намаганская и классифицированная давно, еще до Ларисы, Амирхан Даутович подумал бы, что керамика привезена издалека. Тяжесть сосудов Лариса объяснила мужу сразу — глины здесь ровно столько, сколько необходимо для придания формы и обжига, остальное — тонко выверенные пропорции минеральных наполнителей, горные породы, дающие такой стойкий цвет, не подвластный времени, и главное свойство — прочность. Лариса была убеждена,

что за долгий век предметы эти не раз роняли; другой сосуд, имея такие зазубрины, наверняка уже давно раскололся бы. А главная тяжесть оттого, что внутри сосуд был облит толстым слоем особой эмали, в основном состоящей из серебра; та треть или четверть неизвестных компонентов эмали и составляла тайну старых мастеров, се-ребривших керамические предметы. Несомненно, что со-суды предназначались для воды и, возможно, для долгих караванных переходов, когда в дороге ценилась каждая капля. Лариса объяснила, что такая техника известна в Европе давно, особенно в Германии и Голландии, и что предметы, изготовленные подобным образом, ценились высоко и не были доступны бедному люду. Конечно, ясно, что старые сосуды эти не могли принадлежать простому человеку, а были специально изготовлены для ко-го-то или заказаны самим владельцем, человеком богатым и власть имущим, что в прежнее время означало одно и то же. Лариса говорила: не исключено, что глину для этих сосудов замешивали на молоке верблюдиц и крови животных с использованием желтков; это не было осо-бой тайной для тех, кто изучал местную керамику, тай-ной оставались пропорции смесей. Сосуды можно было бы назвать кувшинами, если бы они имели ручку; рас-считаны они были на долгую дорогу и оттого имели в стенках по три прорези для ремней. Прорези ни на мил-лиметр не нарушали пропорций сосуда, и увидеть их можно было только вблизи, глядя сбоку.

Сосуды попали к ним без ремней, но Лариса года два переписывалась со своими коллегами из разных рес-публик, и однажды из Горного Алтая ей прислали два ремня, каждый чуть подлиннее метра. Возрастом сосуды и ремни вряд ли уступали друг другу, если и была раз-ница, то несущественная. Кожаная опояска оживила со-суды, придала им законченный вид. На темно-серой, с желтыми подпалинами шкуре волка два сосуда цвета спе-лого абрикоса смотрелись удивительно хорошо. Особенно красивы были горловины, взятые в серебряный оклад, хо-рошо притертая серебряная пробка-крышка венчалась мусульманским символом — полумесяцем... Сейчас быв-ший прокурор смотрел на фотографию, не испытывая ни любви, ни ненависти к этим предметам, хотя знал теперь о сосудах то, чего не успела узнать Лариса.

Глава III

ПРОКУРОР

1

За год жизни в «Лас-Вегасе» Амирхан Даутович, казалось, узнал о нем все, слухи стекались в чайханы, где он бывал ежедневно, и невольно бывший прокурор оказался осведомлен о происходящем в городе. Иногда кто-нибудь намеренно подкидывал ему информацию. Азларханову трудно было понять, с какой целью это делается, скорее всего тут считали, что большой человек и в опале остается большим человеком, и стоит ему захотеть... У восточных людей свой взгляд на происходящее, и надо долго здесь прожить, чтобы понять логику иных поступков и слов. Нет, Амирхана Даутовича не забавляла игра в бывшего большого человека, и он не подыгрывал в таких случаях, хотя возможность постоянно представлялась. Достоинство, с которым он держался повсюду, и в чайхане тоже, бесстрашие, когда чайхана гудела, переваривая очередную новость, еще более укрепляли веру в тайную власть бывшего прокурора.

Месяц назад в чайхане у дома один пенсионер доверительно сообщил Амирхану Даутовичу, что город их облюбовали картежники, и съезжаются они, мол, отовсюду, и даже из других республик. «Игра на выезде, собрались мастера высшей лиги», — пошутил словоохотливый пенсионер.

Оказывается, его племянник работает в гостинице электриком и часто ладит картежникам особо яркое освещение над столом. Называя суммы выигранных и проигранных денег, пенсионер от волнения заикался, чего в

обычной его речи не замечалось. Но Амирхан Даутович никак не среагировал на удивительную новость, ибо знал и о выигранных и проигранных суммах, и о масштабах игры. В бытность областным прокурором приходилось сталкиваться — за крупными хищениями, убийствами, грабежами, если копнуть глубже, нередко стояли карты, крупный проигрыш. Две недели назад, прогуливаясь вечером, он видел возле гостиницы Сурена Мирзояна — Сурика, за ловкость рук прозванного Факиром. Какие дела могли привести Факира в этот дремотный городок, кроме карт? — да никакие, хотя Азларханов не сомневался: легенда у Сурика на случай проверки имелась безукоризненная. Наверное, если бы пенсионер узнал, что как-то за одну ночь в области, где прежде работал Азларханов, Факир выиграл сумму, в сто раз превышающую ту, от которой он начал заикаться, то, бедный, наверняка потерял бы дар речи вообще. Правда, после той давней ночи один председатель райпотребсоюза и один крупный хозяйственник покончили с собой, отчего все выплыло наружу, а остальные шесть человек, проигравшие казенные деньги, сели в тюрьму. Вот тогда-то прокурор и познакомился с Факиром. Ни рубля не удалось вернуть тогда обратно; Мирзоян не отрицал, что выиграл чемодан денег, но сообщил, без особого сожаления, что проиграл их через три дня, и описал подробно приметы удачливого игрока, которого якобы видел впервые.

Значит, теперь картежники облюбовали «Лас-Вегас»?

Почему бы и нет? Гостиницы, не осаждаемые толпами командировочных, рестораны, куда приезжают из двух соседних областей «хозяева жизни» пошиковать, пустить пыль в глаза, посорить деньгами вдаль от любопытных глаз, — их нетрудно подбить на игру. «Стоящих» людей, которых можно крупно выпотрошить, порой готовят на игру месяцами, к иному «денежному мешку» годами ищут подход, чтобы «хлопнуть» в одну-единственную ночь, — только бы сел за карточный стол. В том, что все три ресторана служили поставщиками клиентуры для картежников, обосновавшихся в гостинице, Амирхан Даутович не сомневался.

Но сногсшибательные новости, вызывавшие оживленное обсуждение в чайханах, и вообще тайная жизнь необычного города, о которой Амирхан Даутович знал, а иногда догадывался благодаря опыту прошлой жизни, не трогали все же в его душе каких-то главных струн. Нет, он не был равнодушен к тому, что видел или знал,

в нем все-таки не удалось убить главное — гражданина, даже в минуты отчаяния он не говорил: это не мое дело, меня не касается. Просто после двух инфарктов он берег не себя, а время, отпущенное ему; из последнего инфаркта он выкарабкался чудом, благодаря прежнему сибирскому здоровью. Да и что он мог сделать в нынешнем своем положении? Писать? Кому? По опыту своей беды он знал, что редко какое письмо, адресованное в верха, может одолеть границы области или республики. Какая-то тайная рука, не подвластная закону, перекрывала дорогу кричащим о боли, о несправедливости конвертам. И немудрено, если повсюду насаждались люди, у которых за версту на физиономии читалось: «Чего изволите?», если приказы первого даже на уровне захолустного района выполнялись беспрекословно, какими бы незаконными они ни казались. А если и доходило что наверх, то оттуда же и возвращалось к тому, на кого жаловались, с пометкой: «Разберитесь!» И разбирались, перетряхивая историю жизни автора письма с ясельного возраста до наших дней, а если она оказывалась чистой, как родниковая вода, то принимались за родню до седьмого колена и, конечно, в жизни, зарегламентированной до предела инструкциями, постановлениями, указами, принятыми во времена царя Гороха, — где в каждом пункте: нельзя... нельзя... — отыскивалось желаемое. А если еще и учесть, что сейчас многие вещи реже покупаются, а чаще достаются, то редкий автор жалобы выглядел невинным, непорочным рядом с тем, на кого посмел жаловаться. А жалобы людей с «подмоченной» репутацией не имеют даже силы анонимки (не оттого ли анонимки в ходу) и закрываются куда быстрее, чем анонимные. Наслышан Амирхан Даутович, например, был о таком курьезе: коллеги в области, до его назначения прокурором, не принимали жалоб на ресторанную службу. Еще и выговаривали обшчитанному — не ходи, мол, по ресторанам! А иному строптивому намекали: вот выясним, почему у вас такая страсть к ресторанам, у начальства на работе для объективности письменно спросим, с женой поговорим — вызовем по повестке, в удобное для нас время, — тут уж у всякого обшчитанного жажду справедливости отбивали на долгое время.

С высоты житейского и профессионального опыта Амирхан Даутович понимал, что одними лишь частными мерами, энергией да энтузиазмом низовых исполнителей нарастающих как снежный ком преступлений не изжить.

Ну, приложит он усилия, добьется, чтобы выслали Факира из города, потому что знает точно, чем тот занимается, — так оставшиеся в неприкосновенности конкуренты Сурика только обрадуются, а само зло не перестанет существовать. Тогда, шесть лет назад, Мирзоян сказал ему:

— Какой же из меня преступник, товарищ прокурор? Я что, крал, вымогал? Обыграл рабочего, колхозника, советского интеллигента, оставил до получки семью без денег? Говорите — обобрал уважаемых людей? Это для вас они уважаемые, в горкоме и райкоме, а для меня — воры, да крупные воры, откуда у них сотни тысяч? И если бы не я, вряд ли их настоящая сущность выявилась бы, так «уважаемые» и продолжали бы набивать мешки деньгами. Выходит, я даже приношу обществу пользу, вывожу ворье на чистую воду.

Прокурор, конечно, не разделял взглядов Факира, хотя своеобразная логика в его словах была. Оглядывая свою жизнь, Амирхан Даутович сознавал, как мало успел. Порою он сравнивал прежнюю работу с работой дворника, очищающего двор в большой снегопад. Очистил, пробил дорогу к калитке, к людям, оглянулся дух перевести, а сзади опять намело, да поболее прежнего. Он видел и ощущал, как ловко научились в республике обходить закон. Заведет прокурор дело, передает материалы в суд, вроде выполняет свой долг до конца, а результата нет. На суд оказывают давление и партийные, и советские органы, народный контроль, партконтроль, — глядишь, от прокурорских требований ничего осталось: этого нельзя трогать, этот брат, этот сват, этот депутат, тот Герой. Выкрутился один, по ком тюрьма явно плачет, второй, а третий, имеющий прикрытие и тылы, и вовсе перестал обращать внимание на прокуратуру, посчитав, что власть имущим закон не писан.

Когда прокурор был моложе, энергичнее, когда беда еще не приключилась с ним самим, дав почувствовать, кто и в чьих интересах распоряжается в республике от имени закона, — ему думалось: вот тут подтяну, тут убегу, еще одно усилие — и пойдут дела на лад. Сегодня прошлая уверенность, оптимизм по поводу светлого завтрашнего дня правосудия вызывали печальную улыбку.

Признавал Амирхан Даутович и более жестокое крушение своих жизненных надежд.

Тридцать лет назад, на борту эсминца в Тихом океа-

не, он дал себе клятву, что посвятит жизнь правосудию, чтобы не было вокруг ни одного униженного и оскорбленного, чтобы каждый нашел защиту и покровительство у закона. Так думал он и позже, повторяя клятву в акмолинской степи, среди сотен безымянных могил. Теперь он понимал: его поколению, детям тех, сгинувших без следа, не удалось вернуть правосудие безоговорочную чистоту и непогрешимость.

Он был кандидат юридических наук, занимал немаловажную должность — и не раз выступал на совещаниях с докладами, приводившими в замешательство не только коллег, но и членов Верховного суда и Прокуратуры республики. Имел репутацию теоретика, хотя свой воз областного прокурора, практика, тянул куда как исправнее многих. Не раз и не два садился Амирхан Даутович за докторскую диссертацию, контуры которой определились еще в аспирантуре Института права в Москве, но текучка так и не дала довести задуманное до конца. А предлагал Азларханов, анализируя сложившуюся судебную практику, решения по тем временам смелые, именно они и вызывали споры.

Юриспруденция не медицина, где бывают случаи, когда иную вакцину врач проверял на себе, чтобы обезопасить здоровье человечества. Но раз так повернулось, что Амирхан Даутович полной мерой испытал силу беззакония, для него, как для юриста, невозможно было не сделать вывода, осмыслить случившееся и с ним лично. Происшедшее, он считал, подтверждало его прежнюю позицию, его точку зрения по поводу сложившейся в республике ситуации с органами правопорядка, необходимость перемен. И теперь главным делом его жизни стало завершение работы, исследующей деятельность этих органов на примере Узбекистана. Потому-то он и берег время, а не себя самого и не хотел размениваться по мелочам — вроде появления в городе Факира. Врачи ясно предупредили: третьего инфаркта он не выдержит, то, что остался жив после второго, — подарок судьбы — и надолго ли?

Когда Амирхан Даутович стал областным прокурором, первое, что он предпринял, — попытался получить объективную информацию о состоянии преступности в области. Более или менее точная информация стекалась к нему год. Затем он на бюро обкома партии подвел итоги и предложил обнародовать статистику с его комментариями в печати. Однако никто его не поддержал. Когда

же область, по милости его объективной статистики, вышла по преступности на первое место в республике, он незамедлительно стал получать с мест иные сводки, куда более утешительные, и на бумаге кривая преступности резко пошла вниз. Нет, он не мог никого обвинить из руководства, что, мол, вмешиваются в компетенцию прокурора; его указаний не отменяли и ему самому не делали замечаний, не обвиняли, что с его приходом в области выросла преступность, но он чувствовал, что властная рука наложила вето на его начинания.

Каждый год, несмотря на занятость, он инспектировал подотчетные ему в области правовые органы, делал он это без предупреждения, внезапно. Бывало, инспекция проводилась в несколько этапов, потому что соседние районы оказывались уже оповещенными о его поездке. Но к концу года — шесть ли, семь ли раз ему приходилось начинать инспекцию — в каждой из пятнадцати толстых амбарных книг, заведенных им по числу районов, появлялась подробная запись — и многое бы отдали руководители, чтоб заглянуть в эту книгу. Лет через пять, как он их завел, Амирхан Даутович узнал, что за книгами охотились: взламывали машину, рылись в номерах, где он останавливался в поездках.

Уделял внимание Азларханов и обстановке в исправительно-трудовых колониях области, в том числе организации труда в местах лишения свободы, степени его воспитательной эффективности. По мнению прокурора, тут требовался ряд неотложных мер, в том числе усиление материально-технической базы труда в колониях.

Как и некоторые другие юристы, Азларханов предлагал, чтобы следственный аппарат был выведен из прокуратуры, и, контролируя следствие, прокуратура не контролировала бы саму себя; предлагал увеличить число народных заседателей в суде и расширить их права; предлагал усилить роль адвоката в судебном процессе, а к лицам, взятым под стражу, допускать адвоката с момента предъявления обвинения; подобные меры, считал Азларханов, исключили бы возможность выбивать недозволенными методами нужные следователю показания, уменьшили бы число судебных ошибок.

Именно такого рода идеи в его выступлениях приводили в волнение его коллег по прокуратуре, членов Верховного суда и Прокуратуры республики.

Однако, кроме общих, характерных не только для Узбекистана, были в республике и свои, специфические

проблемы, и мимо них тоже не мог пройти прокурор Азларханов.

Революция давно отменила сословия, но осталась живуча, затаилась иная зараза, набиравшая год от года силу — принадлежность к тем или иным родам. И опять негласно стало выползать на свет определение: белая и черная кость. И надо было уже заводить специалистов по генеалогии в каждой области, чтобы разобраться, какими кадрами комплектуется та или иная отрасль: в высшем образовании люди из одного рода, выходцы из одной местности, в торговле — другие, в здравоохранении — третьи, и так куда ни глянь, особенно в ключевых и денежных отраслях. Забралась эта зараза и выше. Как рассказывал Амирхану Даутовичу его товарищ, прокурор соседней области, у них все восемь членов бюро обкома — выходцы из одного рода, пятеро к тому же состоят в близком родстве, и куда бы он ни писал, мол, все остается по-прежнему, потому что представители рода сидят и наверху, в республике.

А сотни жалоб, что стал получать Амирхан Даутович в последние годы как областной прокурор, жалобы, не встречавшиеся прежде; Азларханову особенно запомнился один случай. На прием к нему пришел токарь с завода электробытовых приборов, немолодой уже человек, когда-то из-за климата переехавший в эти края из Эстонии. Пожаловался, что его лишили заслуженной награды. Оказалось, заводу по случаю юбилея республики выделили несколько орденов, которыми решили поощрить лучших по профессии: токарей, слесарей-сборщиков и электриков, и тайны из этого ни в профкоме, ни в парткоме никто не делал. Написавший жалобу ни на минуту не сомневался, что среди награжденных будет и он. Да и как же иначе: десять лет подряд его фотография не сходила с заводской Доски почета, не однажды он удостоивался звания лучшего по профессии, на его счету имелись и рационализаторские предложения. В общем, двух мнений на заводе, кто лучший токарь, не было. И спроси коллектив, наверняка назвали бы фамилию немолодого эстонца: пользовался он общей симпатией и уважением. Но так случилось, что орден Трудового Красного Знамени вручили одному из его учеников, далеко не лучшему специалисту, недавно к тому же работающему в цехе, — однако местной национальности. Рабочий и пришел к прокурору с вопросом — почему нарушаются конституционные права, разве где-нибудь в законах записано, что лю-

ди коренной национальности имеют преимущественное право перед другими?

Что мог ответить ему областной прокурор, разве что показать тысячи подобных жалоб, особенно после вступительных экзаменов в институты.

Нынешние обязанности юрисконсульта на консервном заводике едва ли отнимали у Амирхана Даутовича больше часа в день, остальное время он писал, печатал на машинке, делал выписки, запросы, заказывал нужные книги. Это и впрямь была работа ученого. Давно известно, что многое в жизни сделано не теми, кому положено по должности, а теми, у кого душа болела за дело. Душа у него болела, это уж точно...

С работой этой, никому не известной пока, никто его, естественно, не торопил, не подгонял; не связывал он с завершением ее и каких-то перспектив, перемен в своей судьбе, не мечтал ни о славе, ни о признании заслуг; труд этот успокаивал душу, и день ото дня крепла в нем уверенность, что таков его человеческий и гражданский долг. Наверное, он был похож на тех чудаков, что в одиночку в глухих горах строят мост через ущелье, или изо дня в день, из года в год наводят переправу через бурную реку, или растят на пустыре сад, заведомо зная, что никогда не будут наслаждаться его плодами. Не нужна им ни слава, ни признание, им важно, чтобы остался на земле сад, мост, переправа, колодец в пустыне. И как тот возводящий мост или роющий колодец, он не сомневался в необходимости своей работы и как всякий мастер, а дилетанты вряд ли взваливают на себя подобную ношу, верил в ее необходимость. Ну, в его случае пусть не каждая строка станет законом или постановлением, но эта работа может послужить толчком для некоторых важных решений.

Нервничал и торопился он лишь в те дни, когда заметно поднималось давление, болело сердце, съедала тоска — не успею, не успею... На всякий случай в служебном столе и дома лежали письма, куда все это отправить, если вдруг с ним...

Выполненная часть работы, уже перепечатанная, хранилась в отдельных папках в сейфе, на работе; в каждой папке имелось и сопроводительное письмо. Многие, с кем он заканчивал аспирантуру в Москве, стали крупными

юристами, занимали высокие посты, и он верил, что его бумаги попадут в надежные руки.

А тут и новая тема стала занимать его. Разве он не должен как-то обобщить опыт последнего года жизни в этом необычном со всех точек зрения для юриста городе. Будь Амирхан Даутович лет на двадцать моложе, он, конечно, не задумываясь, назвал бы деяния своих новых земляков незаконными. Но подойдя к пятидесятилетнему рубежу, позабыв о спецбуфете и спецпайке, он теперь не был столь категоричным. Однажды, совсем не в плане «законно или незаконно», у него вырвалось: «Как много удобств в этом городе!» И в самом деле: нужен небольшой ремонт в доме — нет проблем, чайхана, где собираются малярных дел мастера, за углом. Корзину цветов ко дню рождения жены? Оставьте на базаре адрес цветочницам, к определенному часу у вас дома раздастся звонок. Перекрасить машину, устранить вмятину — это у Варданияна, на выезде из города. Хорошо сделает? Обижаешь — золотая голова, золотые руки.

У вас свадьба, день рождения, голова кругом идет, никогда не принимали гостей больше пяти пар? Ничего страшного, в обед возле автостанции найдите Махмуда-ака. Плов на сто человек, триста палочек шашлыка, двести горячих самсы, сотню горячих лепешек? Все будет обеспечено по высшему разряду. Живете в коммунальном доме? Нет проблем. Сделают навесы, собьют временные столы у вас же во дворе.

Зная не понаслышке о состоянии общепита, Амирхан Даутович сам охотнее ходил в чайхану при автостанции, чем в заводскую столовую. Ну ладно, в этом городе так случилось, неожиданно, незапланированно, и жизнь сама отрегулировала существование жителей. И стало очевидным, что индивидуальная деятельность не помеха государству, а подспорье, вон как расцвел город, вместо того чтобы захиреть после закрытия рудника.

Конечно, не всякая деятельность во благо. И не оттого ли, что многие понимают незаконность своей жизни, так переполнены по вечерам рестораны: гуляй, одна живем! Узаконь, разреши, помоги на первых порах, пусть поверит народ, что всерьез и надолго, и вряд ли кто из местных будет заглядывать столь часто в «Лидо». С годами Азларханов понял, что хоть запретить легче легкого, да сила закона совсем не в запрете, многие запреты только вредят делу, на интересе должен держаться закон.

Конечно, никому он о своей работе не говорил, в по-

мощи ничьей не нуждался, да и кто и в чем мог помочь ему? Скорее следовало оберегать свой труд от любопытных, узнай кто, чем занимается бывший прокурор, скорее всего подняли бы на смех: тоже законодатель выискался! А уж поверить в то, что даже не закон, а какая-то строка его могла родиться в обшарпанном кабинете юрисконсульта консервного завода — вряд ли нашелся бы хоть один такой человек. Здесь властвовала иная психология: законы вынашиваются и рождаются где-то там, наверху, в огромных роскошных кабинетах, где уходящие в высоту стены обшиты темным мореным дубом.

И в тот вечер, когда он единственный раз зашел поужинать в «Лидо», встретиться Азларханов случайно с кем-нибудь из бывших коллег, окажись с ними за одним столом, он, конечно, не обмолвился бы ни словом о главном сейчас деле своей жизни. Ну, этого разговора он, положим, избегал бы. Но разговора о том, как он, один из самых известных областных прокуроров республики, покатился вниз, избежать вряд ли удалось бы.

Да, разговора о собственной жизни, о судьбе Ларисы, ему вряд ли удалось бы избежать...

2

Хотя Амирхан Даутович не хотел возвращаться памятью к тем страшным дням пятилетней давности, сегодня, как никогда за эти годы, он вдруг ясно вспомнил тот ранний междугородный телефонный звонок. Звонили ему домой, на Лахути. Взволнованный мужской голос, назвавший его по имени-отчеству, сказал:

— Беда, большая беда, товарищ прокурор. Убили Ларису Павловну, срочно приезжайте... — и тут же положил или уронил трубку.

Амирхан Даутович не успел спросить: как — убили?! Где?! Но минут через пять, когда он лихорадочно собирался, телефон уже звонил беспрерывно.

Вызвав свою машину, Амирхан Даутович сделал единственный звонок; работал у них в областной милиции один толковый парень, капитан Джураев, сыскник от бога. Но жена Джураева ответила, что он уже час назад вылетел на вертолете на место происшествия; значит, милиция уже была поднята на ноги. После первого звонка еще оставалась какая-то смутная надежда, что произошла ошибка или, если что и случилось с Ларисой, то по крайней мере жива, но после второго и третьего звон-

ка он понял, что надеяться не на что — в таких случаях даже районные судмедэксперты точны в диагнозе. Через три часа Азларханов был на месте — в самом дальнем районе области, хотя точно знал, что Лариса с двумя коллегами работала неподалеку, но уже в другой республике, где ее тоже хорошо знали. Там местные археологи вскрыли крупное захоронение шестнадцатого века, и Ларису пригласили как специалиста, потому что обнаружилось много хорошо сохранившейся домашней утвари из керамики.

У морга районной больницы, куда привезли Ларису, как только обнаружил ее мальчик, случайно наткнувшийся на нее во дворе заброшенной усадьбы, Амирхана Даутовича поджидало почти все руководство района. Вошел он туда один и оставался так долго, что капитан Джураев на всякий случай заглянул в приоткрытую дверь. Прокурор стоял в изголовье жены и окаменело глядел на нее, все еще не веря в случившееся. Густой кровоподтек на левом виске и явно испуганное выражение лица говорили Амирхану Даутовичу и без подсказки медиков, что смерть наступила почти мгновенно. «Я не уеду отсюда, пока не найду негодяев сам», — молча поклялся он Ларисе и вышел к ожидавшим его людям.

— В нашем районе двадцать лет не было убийства, — сказал ему районный прокурор.

Район, не имевший каких-либо серьезных промышленных предприятий и избежавший наплыва людей из других мест, и впрямь числился в благополучных, но до того ли было сегодня областному прокурору.

— Я думаю, что к вечеру выйду на след, — сказал Эркин Джураев, когда они остались с прокурором одни в комнате милиции, которую выделили специально для Амирхана Даутовича, и протянул ему цветную фотографию, сделанную «Полароидом».

В доме на Лахути было много подобных снимков, фотографии из «Совэксспортфильма» использовали их для рекламных плакатов.

На веранде сельской чайханы, на айване, покрытом грубым домотканым дастарханом, где лежала кисть винограда и стояла тарелка с парвардой, постным сахаром, сидели четверо стариков, перед каждым чайник и пиала. Живописные старцы, в глазах удивление. Отчего — Азларханов догадывался: Лариса вынимала из «Полароида» готовый снимок и дарила каждому из них, как тут не удивиться. «Полароид» помогал Ларисе уста-

навливать контакты с людьми, будь то хоть на базаре, хоть в чайхане или в частном доме.

— Я успел уже побеседовать с каждым из них, они выражают вам соболезнование, говорят — очень милая женщина, так много знает о нашем крае. Она выпила с ними чайник чая и все расспрашивала о Каримджане-ака, которому уже почти сто лет, а он до сих пор делает из глины игрушки. Ее интересовало, не работал ли он в молодые годы в русских мастерских на станции Горчаково, потому что старики уверяли, что родом тот из Маргилана. Вот и весь разговор. Она пробыла с ними почти час и, расспросив дорогу к дому Каримджана-ака, поспешила к нему.

— Как она попала сюда? — спросил Амирхан Даутович.

— Они вчера возвращались домой с раскопок в Таджикистане на «рафика» краеведческого музея, по пути подвезли какую-то женщину, которая и рассказала о старике, что живет тут в районе и делает потешные игрушки из глины, этим всю жизнь и кормится. Лариса Павловна и загорелась, сошла, машину задерживать не стала, коллеги спешили домой, сказала, что зайдет в районную прокуратуру и попросит, чтобы как-нибудь ее отправили. До Каримджана-ака она не дошла, но двор, где ее нашли в глухом переулке, по пути к нему. — Джураев тяжело передохнул. — Ясна мне и причина. При ней, Ларисе Павловне, осталась сумка, а в ней триста восемьдесят рублей, судя по документам, взятые ею в подотчет в бухгалтерии, на случай, если придется что-либо приобретать для музея. Скорее всего кто-то польстился на необычный фотоаппарат, пытался вырвать, Лариса Павловна оказала сопротивление, и тот, или те, со страху или по злобе ударили ее чем-то тяжелым и тупым по виску.

Амирхан Даутович невольно видел эту картину и слышал душераздирающий крик жены о помощи.

— У нее должен был быть с собой еще один фотоаппарат, более дорогой, западногерманский «Кодак», — подсказал он капитану.

Джураев внимательно выслушал прокурора.

— Этого я не знал. И никто мне о втором аппарате ничего не говорил, не оказалось «Кодака» при ней, не было его и в сумке, где лежали деньги. И это меняет дело. Она сошла с «рафика» на автостанции, где, я уже установил, в тот час было многолюдно. Человек, пони-

мающий толк в аппаратуре, склонный к преступлению, увидев ценную вещь у хрупкой женщины, к тому же одинокой, мог пойти за ней следом. Но человек, знающий цену «Кодака», — он скорее всего не из местных. С «Полароидом» проще: его явная необычность могла привлечь и местного, это сужало, по-моему, круг поиска. Но если человек, которого мы ищем, пошел вслед за Ларисой Павловной с автостанции, сегодня он вполне может гулять по Москве или Ростову, в любой точке нашей страны... — Тут Джураев осекся: — Амирхан-ака, клянусь вам, я добуду негодяя хоть из-под земли, такие преступления не должны прощаться... — и с покрасневшими глазами выскочил из комнаты.

Азларханов просидел в комнате час, другой — телефон молчал, новостей не было. Он держал в руках фотографию и вглядывался в добродушные лица стариков, которые беседовали с Ларисой всего шестнадцать часов назад, всего шестнадцать... И при этой мысли он как бы наперед почувствовал всю предстоящую горечь жизни, одиночество, пустоту, ибо знал, что до конца дней своих будет прибавлять к этим шестнадцати сначала часы, затем дни, месяцы, годы... Ему вдруг так захотелось увидеть стариков, последних, с кем говорила его жена, увидеть без всякой цели, без намека на допрос, ибо ничего нового они ему сказать не могли — все, что нужно, уже выспросил дотошный Джураев.

Он выглянул в коридор — у двери дежурил милиционер, так, наверное, распорядилось местное начальство, на всякий случай. Передал милиционеру фотографию, чтобы вернули ее тому, у кого взял Джураев, — он не хотел отнимать подарок жены; попросил собрать стариков в чайхане через полчаса.

Машина вернулась минут через десять, старики, оказывается, в чайхане с утра и готовы встретиться с ним. Но старики были явно чем-то напуганы, и разговора не получилось, хотя Амирхан Даутович понимал, что вряд ли их напугал Джураев — не та школа, не тот стиль. Настораживало его и то, что старики прятали свой испуг. Одно прояснилось: был у Ларисы и второй фотоаппарат, и они точно описали его. Значит, версия с человеком с автостанции могла быть верная.

Когда Амирхан Даутович шел к машине, на высокой скорости подскочил милицейский мотоцикл. Сержант, не слезая с сиденья, выпалил:

— Поймали, товарищ прокурор. Поймали...

Амирхан Даутович нырнул в кабину, и машина рванула с места.

В милиции толпился народ в штатском и в форме. Когда в узком коридоре появился Азларханов, толпа расступилась, растекаясь вдоль обшарпанных стен, и Амирхан Даутович шел как сквозь строй, но он вряд ли кого видел, взгляд его тянулся к полковнику, стоявшему у распахнутой настежь двери в середине длинного безоконного прохода. Полковник широким жестом хозяина пригласил Амирхана Даутовича в кабинет и, торопливо, боясь, что его опередит кто-то из местных должностных лиц, мигом заполнивших помещение, выпалил:

— Признался, подлец, признался. Все бумаги подписал.

Посреди комнаты, на стуле, сидел неопрятного вида мужчина средних лет, по виду бродяга. Шум, гам, толчея в коридоре и в кабинете его словно не касались, его отрешенный взгляд анашиста говорил о покорности любой судьбе, лишь бы его оставили в покое. Амирхан Даутович лишь глянул мельком на задержанного — сказал собравшимся:

— Оставьте меня с ним наедине.

Люди нехотя освободили помещение.

Через полчаса Азларханов попросил зайти в кабинет начальника милиции. Полковник, не отходявший от двери все это время, вошел, заметно волнуясь.

— Послушайте, Иргашев, я в области почти десять лет прокурор, — и разве я когда-нибудь давал повод, потакал раскрытию преступлений любой ценой? Может, это практиковалось там, откуда вас перевели, но вы работаете у нас в районе пять лет, пора бы и уяснить. Я не могу вас благодарить за рвение, даже если в данном случае оно касается меня лично. Признание, которое вы выбили у этого несчастного, ничего не стоит. Что же до ваших методов — заглядывайте иногда в Уголовный кодекс, советую, иначе мы с вами не сработаемся. — Потом, после долгой паузы, от которой полковника прошиб пот, продолжил: — А этого человека определите на принудительное лечение и не числите его фамилию в резерве, чтобы «закрыть» еще какое-нибудь очередное преступление, память у меня крепкая, не советую испытывать ее.

Полковнику хорошо была знакома статья, которую имел в виду прокурор, когда говорил об Уголовном кодексе: именно из-за должностных злоупотреблений он с

поста начальника областной милиции слетел сначала до поста руководителя городской службы, затем районной в городе, пока не докатился до сельской местности, что, впрочем, никак не отразилось на его погонах — может, оттого, что ему до сих пор так открыто, в лицо, никто не говорил о служебном несоответствии.

Едва закрылась дверь за полковником Иргашевым, в коридоре дружно прошагали к выходу сопровождающие, еще через несколько минут захлопали во дворе дверцы машин, и площадь перед зданием быстро опустела. В зарешеченное окно прокурор видел, как по двору тащился задержанный, он испуганно оглядывался, все еще не веря в свое освобождение, ждал: сейчас из какого-нибудь окна раздастся грозный окрик и наручники снова сомкнутся на его трясущихся руках, как бывало прежде, когда ему уже приходилось отвечать за чужие дела. И только дойдя до калитки и оглянувшись в последний раз, он неожиданно побежал, хотя жалкую дерготно больного человека вряд ли можно было назвать бегом. «В каждом человеке, даже таком, где до распада личности остался какой-то шажок, живуч инстинкт самосохранения», — почему-то подумал вдруг Амирхан Даутович.

3

Наступил вечер, милиция опустела, исчез даже старшина, стоявший весь день у двери временного кабинета Азларханова, тишина легла в длинном и мрачном коридоре бывшего барака. Только у входной двери, в комнате дежурного, то и дело раздавались телефонные звонки, но телефон перед Амирханом Даутовичем молчал. Дежурный по райотделу время от времени заносил в кабинет прокурора маленький чайник чая, но заговорить с ним не решался, не спрашивал его ни о чем и прокурор. Обхватив голову руками, он сидел, упершись локтями в залитый чернилами грязный стол, и, казалось, дремал, но это было не так: он вздрагивал от каждого телефонного звонка в конце коридора, от каждой проехавшей мимо милиции машины. Он ждал вестей от Джураева, но от того не было сообщений с самого утра.

Скоро появились легкие сумерки, и во дворе милиции появился садовник со шлангом. Быстро и ловко он обдал мощной струей воды свободную от машин площадь, запылившиеся за долгий день розарии и даже нижние ветви мощных дубов, наверное, посаженных первыми

жильцами этого мрачного, уходящего окнами в землю старого барака.

Амирхан Даутович не видел, как управлялся во дворе садовник, хотя все происходило у него под окном, но неожиданную свежесть из распахнутой настежь форточки он почувствовал. Наверное, Амирхан Даутович потому особенно остро ощутил спасительную свежесть, что уже часа два-три чувствовал, как ему отчего-то не хватает воздуха, хотя никогда прежде не жаловался, легко переносил жару и духоту.

У розария уже зажглись фонари, в ярком освещении жирно поблескивал свежевывмытый асфальт, над лужицами тянулась легкая пелена пара.

«Дождь, что ли, прошел?» — очнулся Амирхан Даутович, но тут же отбросил эту мысль, дождь летом в этих краях большая редкость. Он подошел к форточке, расстегнул ворот рубашки и жадно дышал; потом подумал, что ему ведь ничто не мешает выйти из душного кабинета во двор, телефон он услышит — лишь бы позвонили.

Первая горячая волна от вымытого асфальта и освеженной земли прошла, и все вокруг уже не исторгало накопленный за день жар, как час назад, а дышало свежестью; в палисаднике, под окнами, и чуть дальше, у розариев, пахло землей и садом, как после дождя. «Волшебная сила воды!» — отметил Амирхан Даутович. Он стоял во дворе, напротив ярко освещенного зева распахнутых настежь дверей затихшей к ночи милиции и вглядывался в темноту — не вынырнет ли вдруг из-за высоких кустов колючей живой изгороди ловкая и бесшумная фигура лучшего розысчника области Джураева, не раздастся ли шум спешащей машины, не засветятся ли фары вдалеке.

Дежурный районной милиции, заступивший в ночь, видел через окно областного прокурора, вышагивавшего вдоль розария. Ему нравилось, как тот по-мужски держался в горе, нравилось, как отчитал он сегодня полковника Иргашева, как поступил с бродягой. Милиционер был молод, заочно учился на юридическом факультете университета и, конечно, как все юристы в этом крае, мечтал стать прокурором. Оттого и вглядывался он пристально в молчаливого Азларханова, о котором достаточно был наслышан и от коллег по службе, и от товарищей по университету. Дежурный жалел, что должен всю ночь просидеть за столом, он знал, что сегодня все силы милиции, вплоть до работников вневедомственной охраны,

брошены на розыск убийцы, и не сомневался, что сейчас, в эти минуты, несмотря на позднее время, идет напряженный поиск, и не только у них в районе или области.

Заступив на дежурство, он прочитал в журнале две телефонограммы, переданные капитаном Джураевым в Министерство внутренних дел республики и во всесоюзный уголовный розыск. Первая была зарегистрирована еще до приезда областного прокурора на место происшествия:

«Прошу обратить внимание на всех подозрительных лиц, имеющих при себе фотоаппарат «Полароид», делающий моментальные цветные фотографии».

И вторая:

«Разыскиваемый с «Полароидом» может иметь также и другой фотоаппарат, последней модели «Кодак», купленный недавно в Швейцарии».

«Жаль, нет пока никакого следа, — подумал дежурный. — Как хорошо бы сейчас выйти к нему и сказать: не волнуйтесь, товарищ прокурор, нащупали кое-что ребята, надо только ждать». Но не мог он сказать этого и, снова заварив свежий чай, взял чайничек, стул и вышел к прокурору.

Ни от чая, ни от стула прокурор не отказался и, поблагодарив кивком головы, продолжал вышагивать вдоль забора. Но когда дежурный направился к себе, прокурор все же спросил:

— Нет ли вестей от капитана Джураева?

Милиционер вздохнул:

— Нет, к сожалению, товарищ прокурор... — Затем, подумав секунду — говорить или не говорить, — все же стал докладывать: — Час назад звонил лейтенант Мусаев, — его отрядили в помощь капитану Джураеву, как только тот прилетел утром на вертолете. Он с обидой сказал, что Джураев оставил его в дураках и без машины, и рассказал следующее... Обедали они у Мусаева дома. Джураев попросил вдруг гражданскую одежду, переоделся очень простецки, под киплячного парня. После обеда они выехали на личной машине Мусаева, был у них кое-какой совместный план, но неожиданно Джураев изменил его, попросил подъехать к автостанции. Пропадал он там минут двадцать, затем вернулся в машину и приказал лейтенанту, чтобы тот занял удобную позицию в чайхане при автостанции, и, если появится человек, приметы которого он ему довольно подробно описал, велел задержать его любой ценой. А он, мол, сам на маши-

не поедет к вам, поставит обо всем в известность и тотчас же вернется на подмогу. Наказав не покидать пост ни при каких обстоятельствах, Джураев уехал. Наш Мусаев просидел в чайхане семь часов, до самого закрытия, и понял, что Джураев почему-то решил от него избавиться и что ему нужны были лишь «Жигули» с местным номером. Вот и все, товарищ прокурор, а Джураев сюда не заезжал, как обещал Мусаеву.

Но Амирхан Даутович уже не слушал его. Что за трюки с переодеванием, угоном машины? Все это никак не походило на Джураева, он как раз из всех розыскников, а там подобрались неплохие ребята, меньше всего увлекался внешними эффектами, хотя результаты его работы иногда поражали выдавших виды спецов. Отказаться от помощи местного человека? Казалось, не было в этом никакой логики. Да, не было логики, если бы это был не Джураев! «Значит, ему как раз местный в чем-то мешал, — подытожил Амирхан Даутович. — Ждать! Ждать!» — приказал он себе и продолжал вышагивать вдоль высоких кустов живой изгороди.

Неожиданно к милиции из темноты вырулила машина, на звук ее из дежурки кинулся милиционер. Волнения оказались напрасными: приехал районный прокурор и пригласил Амирхана Даутовича на ужин, но прокурор, перекинувшись с ним двумя-тремя словами, отказался.

Ночь прочно вступала в свои права: погасли в соседней махалле огни, уgomонились поселковые псы и последние магнитофоны, все реже и реже шум какой-нибудь случайной машины нарушал тишину поселка. Заметно посвежело, и Амирхан Даутович вернулся в свой временный кабинет. «Теперь уже до утра не будет вестей», — решил он, поглядев на молчавший телефон, и надолго задумался, провалился памятью в какой-то давний, счастливый день с Ларисой. Потому, верно, не услышал нарастающего шума двигателя. И только когда свет фар влетевших во двор «Жигулей» полыхнул по стеклам, он, ослепленный на миг, услышал визг тормозов и одновременно, еще из машины, голос Джураева, который сегодня прокурор узнал бы из тысячи:

— Закрой ворота на замок, сейчас полетят родственнички! — громко приказал он дежурному. — И не открывай никому с полчаса, слышишь, никому — даже полковнику Иргашеву. Скажешь, ключ забрал Джураев, пусть лезут через забор, если кому удастся. — И, уже обращаясь к кому-то еще, велел: — А вы вытряхивайтесь из ма-

шины и живо в тот кабинет, где горит окно. Там вас ждут, и очень давно.

Не успел Амирхан Даутович полностью очнуться от воспоминаний, вернуться в настоящее, как Джураев энергично втолкнул в комнату двух парней. Каждый жест, движение Эркина говорили, что он отчего-то очень спешит.

— Посмотри за ними, и пусть не разговаривают! — бросил Джураев появившемуся в дверях дежурному и жестом пригласил Амирхана Даутовича в соседний кабинет начальника отдела.

Амирхан Даутович включил в комнате свет и, видя, как устал, издергался розыскник, предложил ему сесть. Но Джураев жестом отказался от предложения и, плотнее прикрыв дверь, сказал:

— Нет, товарищ прокурор, садитесь вы, вам предстоят нелегкие часы. Я свое дело сделал, и, пожалуйста, выслушайте меня, не перебивая, у нас мало времени. Сейчас примчатся десятки машин, налетят родственники, друзья и начальство, несмотря на полночь, и вряд ли тогда они дадут мне возможность остаться с вами наедине.

Он чуть ли не силой усадил прокурора в драное кресло, протянул ему фотографию.

— «Полароид»?! — вырвалось у Азларханова.

— Тише! — предупредил его капитан. — Да, «Полароид».

С примятой фотографии прокурору улыбались два парня, стоявшие в обнимку. Один был рослый, перекормленный, барственно-надменный. Другой, не достававший ему до плеча, — типичный дистрофик с таким подобострастным лицом, что казалось, он вот-вот сорвется с фотографии и бросится исполнять любое желание своего господина. И мысль о какой-то дружбе, взаимной привязанности между ними как-то не возникала, сколько ни вглядывайся в их счастливые лица.

— Запомнили? — почему-то настойчиво переспросил капитан.

Прокурор кивнул головой; именно эти парни сейчас находились в соседней комнате. Джураев взял фотографию и, на глазах Амирхана Даутовича изорвав на мелкие кусочки, положил их к себе в карман.

— Будем считать, что фотографии у нас нет, я дал слово, что снимок нигде фигурировать не будет, иначе этой семье здесь не жить, но это вы сами скоро поймете. Главное, что убийцы у нас в руках, и сейчас, пока не

понаехали их защитники, надо в присутствии дежурного успеть провести первый допрос. У меня такое впечатление, что местная милиция вышла на них гораздо раньше меня и они о чем-то уже толковались. В доме Бекходжаева, того, мордатого, мелькнуло несколько важных лиц, мне кажется, я даже слышал голоса полковника Иргашева и районного прокурора Исмаилова, но я на этом не настаиваю. Несмотря на поздний час, находился там и второй, Худайкулов. Его я собирался взять первым и допросить одного, но дома его не оказалось, мать с гордостью объяснила, что два часа назад приехал на мотоцикле его друг Акрам, сын очень больших людей, и пригласил в гости, мол, они сегодня черного барана зарезали *.

— Кто такие Бекходжаевы? — быстро спросил прокурор.

— Суюн Бекходжаев — председатель хлопководческого колхоза-миллионера, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета республики. У него еще шесть братьев и две сестры, которых он вырастил и поставил на ноги, и всех братьев и сестер его вы хорошо знаете, они в области на больших должностях. Но и это не все: Бекходжаевы из самого знатного и влиятельного рода в здешних краях, и много людей этого рода поднялось благодаря финансовой помощи Суюна Бекходжаева.

— А вы, капитан, из рода ходжа **? — неожиданно спросил Амирхан Даутович.

Джураев улыбнулся:

— Разве похож? Когда-то я любил девушку, оказавшуюся из очень знатного рода. Нам не разрешили обручиться ее родители и братья, они с друзьями много раз избивали меня до полусмерти. Мужчина из знатного рода может себе позволить жениться на простолюдинке, а вот женщине никогда не разрешат выйти замуж за неровню. И вот тогда я на собственной судьбе... — Джураев вдруг оборвал себя на полуслове. — Нам пора, уже едут.

В тишине слышалось, как вдали надсадно ревели моторы, машины — оба это знали — спешили сюда.

Они вернулись в смежную комнату. Не успел Джураев приготовить бумаги для первого допроса, как у высо-

* Черного (или коричневого — но не белого) барана в прежние времена подносили мулле, судье и т. д.

** Ходжа — человек, совершивший паломничество в Мекку, то есть, по мусульманским понятиям, «очистившийся». В данном случае подразумевается «чистый» — богатый и уважаемый род.

кой милицейской ограды появились первые машины, лучи фар скрестились на единственном окне, где горел свет. Увидев замок на воротах, приехавшие загомонили, закричали, нажимали на клаксоны, послышалась брань. Перекрывая шум, слышалось уверенное и возмущенное:

— Что, если убили жену прокурора, можно допускать произвол, хватать наших детей среди ночи?

— Знакомьтесь, это сам Суюн Бекходжаев, — объяснил капитан, обращаясь к прокурору.

Шум, гвалт, автомобильные гудки подняли на ноги махаллу, залаяли собаки, зажглись во дворах огни, кто-то уже молотком разбивал замок. А вот и зычный бас полковника Иргашева:

— Немедленно откройте ворота! Приказываю открыть ворота!

Но дежурный по-прежнему стоял в дверях, смотрел на бледного Анвара Бекходжаева, дававшего показания.

— Студент юридического факультета? — поразился Амирхан Даутович.

— Да, отец сказал: прокурором буду, — промямлил трясущимися губами Бекходжаев-младший.

Капитан пытался остановить прокурора, чтобы успеть задать свой главный вопрос, но Амирхан Даутович не слышал его; поднявшись над столом, вдруг закричал:

— Ты — будущий юрист?! — Затем, словно спохватившись, сел и сказал капитану: — Продолжайте.

Но не успел Джураев задать новый вопрос, Амирхан Даутович встал из-за стола и подошел к окну. Прямо напротив, у ворот, бесновалась родня и дружки Бекходжаевых; увидев прокурора в окне, толпа зашумела пуще прежнего. Амирхан Даутович повернулся и, оказавшись между капитаном и допрашиваемыми, стал медленно надвигаться на дружков, те испуганно закричали стульями.

Джураев почувствовал неладное; зная, что прокурору в данном случае нельзя допускать ни малейшей ошибки, он метнулся к нему. Когда Азларханов поднял руку, то ли замахаясь, то ли желая схватить за грудки закричавшего от страха Анвара Бекходжаева, Джураев уже был рядом, готовый предупредить любое опасное движение прокурора. Но Амирхан Даутович с поднятой рукой вдруг стал медленно валиться на него.

Капитан подхватил его, не давая упасть, и крикнул дежурному:

— Срочно «Скорую»! — И добавил вдогонку: — Спецсвязь с Ташкентом на этот телефон! — А сам, сунув под голову прокурора чужой чапан, осторожно уложил его на полу.

Вместе со «Скорой» из районной больницы, находившейся рядом, во двор милиции ворвалась и толпа, но дежурный по приказу Джураева пустил в здание только должностных лиц, которых в такой поздний час оказалось неожиданно много. Тут же раздался звонок из Ташкента по спецсвязи.

— Это капитан Джураев, — докладывал розыскник. — Убийц я задержал, подробности через час-полтора в Ташкенте. А сейчас немедленно свяжитесь с санитарной авиацией и вышлите к нам в район самолет, десять минут назад у областного прокурора случился тяжелый инфаркт.

— Зачем самолет, можно к нам в районную больницу, можно в областную, — сказал полковник Иргашев, как только Джураев положил трубку. Держался он теперь куда увереннее, чем днем.

Джураев внимательно оглядел полковника, словно чувствовал, что впереди предстоит им еще долгая борьба, и медленно ответил:

— Ни у вас, ни в области я прокурора не оставлю, передам с рук на руки врачам в Ташкенте.

Глава IV

БЕКХОДЖАЕВЫ

1

Все эти годы прокурор ощущал какую-то посмертную вину перед женой, ведь он даже похоронить ее не мог — в последний путь провожали ее друзья, коллеги по музею, его товарищи по прокуратуре, но главная тяжесть пала на капитана Джураева: его самого он доставил на санитарном самолете в кардиологический центр республики, а тело Ларисы Павловны — в осиротевший дом на Лахути. Он же сфотографировал для Амирхана Даутовича похороны Ларисы Павловны, так в последний раз сослужили службу отыскившиеся «Полароид» и «Кодак».

Приехал Азларханов на могилу жены поздней осенью, в дождливый слякотный день, прямо из аэропорта, когда через два с половиной месяца его выписали из клиники в Ташкенте. Выписали его с весьма суровыми предписаниями, была у него на руках и путевка в кардиологический санаторий в Ялте. Лечение следовало еще продолжать и продолжать, ни о какой работе не могло быть и речи, хотя он по-прежнему занимал пост областного прокурора. Как ни пытались врачи охранять его от волнений, Амирхан Даутович, как только пришел в себя, конечно, узнал, как развивались события. Узнал он кое-что новое и от Джураева, когда капитан привез ему в Ташкент фотографии похорон жены.

Полковник Иргашев написал рапорт, обвиняя Джураева в том, что тот превышал свои полномочия, вел розыск недозволенными методами, не соблюдал субординации, пользуясь личным покровительством областного про-

курора, специально, из личных симпатий привлечшего капитана Джураева к розыску убийц своей жены, — и больше капитана к этому делу не подпускали.

Дело для суда особых затруднений не представляло. Преступники, а точнее преступник, как все его называли, не дожидаясь приговора, — Худайкулов Азат, которому до совершеннолетия не хватало двух месяцев, в содеянном сознался. Сказал, что это он задумал и осуществил разбойное нападение на искусствоведа Турганову. Но убивать ее он не собирался, все получилось непреднамеренно. Когда он сорвал фотоаппараты и побежал, потерпевшая кинулась за ним, а он, отбиваясь мотоциклетным шлемом, случайно попал ей в висок. Его товарищ Анвар Бекходжаев, владелец мотоцикла «Ява», на котором они совершили разбойное нападение, от этой затеи его отговаривал, но желание завладеть диковинным фотоаппаратом было настолько велико, что он, Худайкулов, пригрозил ему ножом, и Бекходжаев был вынужден поехать вслед за Тургановой.

На вопрос судьи, почему он в момент задержания оказался в доме Бекходжаевых, Худайкулов ответил: мол, он знал, что ведутся интенсивные поиски убийцы, и он боялся, что Анвар Бекходжаев может его выдать, потому пошел к нему домой и еще раз пригрозил убить, если тот его выдаст. Худайкулов представил суду и нож, которым якобы угрожал Бекходжаеву. Суд, учитывая непреднамеренность убийства — что подтвердил и свидетель, студент юридического факультета Бекходжаев, — а также то обстоятельство, что обвиняемый не достиг совершеннолетия и в то же время искренне раскаивается в содеянном, учитывая и его семейное положение — на его содержании находится тяжело больная мать, — приговорил Худайкулова к десяти годам. Случай получил широкий резонанс в области, тем более что долгое время и жизнь самого прокурора Азларханова находилась в опасности. Поэтому следствие и суд провели оперативно, в кратчайшее время, в том же районе, чтобы не вызывать лишнего ажиотажа, — по настоянию некоторых руководителей области. Правда восторжествовала, убийца найден и осужден, едва не пострадавший от руки негодяя студент Бекходжаев приступил к занятиям на третьем курсе университета, неожиданно обретя опыт свидетеля в суде, могущий пригодиться ему в дальнейшей практике будущего юриста.

Человеку безучастному, постороннему, конечно, мог-

ло бы показаться, что справедливость восторжествовала, зло наказано, к тому же быстро, оперативно, чем обычно суд похвалиться не может. Тем более что и заседание суда было открытым, хотя открытость эта, если разобраться, имела свою историю. Заседание трижды откладывалось, и коллегам Ларисы Павловны, приезжавшим на суд, приходилось несколько раз возвращаться назад рейсовым автобусом в город, и каждый раз их становилось меньше и меньше — путь все-таки неблизкий, и рабочий день как-никак. А затем вдруг процесс состоялся, но на день раньше последнего объявленного срока, и тому тоже имелась вроде объективная причина — пожелай кто-нибудь выразить недовольство, не придерешься. И зал был полон — однако людей, действительно равнодушных к судьбе Ларисы Павловны и находящегося в критическом состоянии Амирхана Даутовича, здесь почти не было. Были зато люди из области — родные дяди и тети свидетеля Анвара Бекходжаева, все до одного, а также приехавшие с ними на белых и черных «Волгах» сочувствовавшие беде, в которую попал несмышленный студент, сын уважаемых родителей. Было бы, конечно, несправедливым утверждать, что в зале все поголовно переживали за Анвара Бекходжаева, боялись, как бы он из свидетелей не перекочивал на скамью подсудимых. Нет, местный люд хорошо знал, кто на что способен, и без помощи суда, но им хотелось увидеть, как выпутается на этот раз из истории всесильный Суюн Бекходжаев. Он уже не один год, подвыпив, орал на колхозников: «Закон — это я!» — и показывал жирным пальцем на Звезду Героя и депутатский значок. И вот представился редкий случай проверить, не переоценивает ли свои возможности их председатель. Хотя мало кто сомневался в силе Бекходжаевых, но иным казалось — а вдруг? Суд все-таки, и убили не какую-то темную кишлачную бабу, за которую и заступиться толком некому, а жену областного прокурора, говорят, ученую, известную даже за границей.

А вышло так, как и судачили люди по углам, правда, шепотом и с оглядкой, не дай бог дойдет до депутата...

Присутствовал на суде и капитан Джураев. Его, конечно, никто о заседании не предупреждал, не извещал, более того — его отстранили от дела, посоветовали подалеже держаться от этого случая, правда, официально поблагодарив и поощрив за скорую поимку преступников. Но его, опытного розыскника, трудно было сбить с толку: сценарий, который разыграют на суде, он уже

знал наперед. Предугадал он и тактику районного суда, точно высчитав, что заседание будет несколько раз откладываться, а затем пройдет на день-два раньше последнего объявленного срока.

Несколько дней назад он заехал на пост ГАИ на выезде из областного города и попросил дежурных дать ему знать, когда кавалькада машин, номера которых он называл, потянется завтра или послезавтра из города. Номера машин Бекходжаевых, всех без исключения, начинались с двух нулей, и такое их количество вряд ли осталось бы незамеченным милицией — не те люди, чтобы таиться.

Так что на суд он не опоздал, явился туда вовремя, не особенно привлекая внимание, спрятав под просторным плащом небольшой плоский японский магнитофон, одолженный у соседа. Всего трех кассет хватило, чтобы записать катившееся без сучка и задоринки судебное заседание.

И все это время Джураев не спускал глаз с нужного ему человека. Если бы у капитана имелась возможность снимать этого человека скрытой камерой, а затем показать ему самого себя, его реакцию на записанные Джураевым выступления участников заседания, трудно было бы тому объяснить свое странное отношение к происходящему в зале. Этого человека капитан «вычислил» еще в день убийства и обязательно встретился бы с ним в ту же ночь, если бы не беда с Азлархановым. В том, что он поступил правильно, не оставив прокурора ни в районе, ни в области, капитан ни на секунду не сомневался.

После суда Джураев не сразу вернулся в город. До вечера он пропадал на базаре, слонялся из чайханы в чайхану; везде говорили о сегодняшнем суде. Последние часы, пока не стемнело, он провел в чайхане при автостанции, куда когда-то отрядил порядком струсившего лейтенанта Мусаева. Жуткий портрет убийцы он тогда нарисовал лейтенанту; впрочем, не сочинял — в прошлом году взял такого на одной квартире. А что ему оставалось делать? Он быстро понял, что и старики в чайхане, и другие люди, с кем он успел пообщаться, видели кого-то у чайханы, но боялись назвать, а это могло означать только одно — что человек этот местный. Из области ему сообщили, что в райцентре постоянно не проживает ни один уголовник, ни один рецидивист, вернувшийся из мест заключения, а только бывшие растратчики да казнокрады. Значит, боялись они не местного человека с

преступным прошлым, а человека, с которым связываться было нежелательно. Так выстроил свою версию Джураев в день поимки преступников и понял, что лейтенант Мусаев, которого знают все в округе, ему не помощник, и даже наоборот, в его присутствии вряд ли кого расположишь к откровенности. Так оно и оказалось. Обратил он внимание и на дом на взгорке, наискосок от того двора, где нашли Ларису Павловну, — с его веранды хорошо просматривалась и улица, и весь двор за дувалом. Но к дому он вернулся позже, уже вечером. Время бежало, а у Джураева не было никакой ниточки, за которую можно было бы зацепиться, и он решил еще раз начать все сначала — со встречи с мальчиком, нашедшим Турганову. Ему казалось, а точнее, хотелось, чтобы мальчик забрал второй фотоаппарат, «Кодак», если он находился у Ларисы Павловны в сумке.

Через несколько минут разговора капитану стало ясно, что мальчик никакого фотоаппарата не видел, хотя, конечно, он его так и не спрашивал. Чтобы как-то оправдать свое вторичное появление в доме, капитан просил еще раз рассказать, как тот нашел убитую женщину. Может, в такой вот интуиции и таился его талант сыщика. В который раз мальчик говорил: играли уже в поздних сумерках в футбол, тут, прямо на улице, мяч залетел во двор, и старшие ребята, как обычно, послали его за мячом... Джураев на всякий случай дотошно расспрашивал, какие мальчики, после чьего удара мяч улетел за дувал. И тут-то мальчик и вспомнил, что мяч поначалу влетел во двор напротив, к Суннату-ака, он как раз копался у себя в огороде. Обычно Суннат-ака возвращал мяч ребятам, перекинув рукой через дувал, а тут запузырил его ногой во двор через дорогу и добавил еще: «Ищите теперь во дворе бабушки Раушан, пока окончательно не стемнело». И как только нашли убитую, набегали взрослые, и кто-то сказал, что нужно позвонить в милицию. Телефон на этой улице был только у Сунната-ака, но он, оказавшийся во дворе со всеми, объявил, что телефон неисправен, и попросил ребят на велосипедах доехать до милиции. Вроде несущественная деталь, но восточному человеку говорит о многом: здесь поостерегутся сообщить неприятную весть, даже если к ней и непричастны, или, как говорят на языке юристов, имеют стопроцентное алиби. Мог, мог видеть со своего двора случайно Суннат-ака то, что совершилось в этот день на пустынной улице, может, хоть самый конец, может, кри-

ки слышал, оттого и направил ребят во двор, чтобы на-
ткнулись на убитую. Но Сунната-ака в тот час дома не
оказалось, а чуть позже Джураев уже вышел на фотогра-
фию, сделанную «Полароидом», и точно знал, кто убил
жену прокурора. В суде Джураев не спускал глаз с Сун-
ната-ака — вроде оправдывалась и вторая его версия.
Вот к нему и направился капитан, как только стемнело.

Суннат-ака оказался человеком вовсе не робким, как
предполагал вначале капитан, встретил он его без всяко-
го замешательства и суеты, хотя ночной гость, предъяв-
ляющий милицейское удостоверение, заставит растерять-
ся любого, тем более человека сельского. Он провел капи-
тана на открытую веранду, откуда действительно хоро-
шо проглядывалась улица и двор напротив, и усадил за
стол, над которым свисала яркая, без абажура, лампоч-
ка. Потом, тут же извинившись за оплошность, сказал:

— Наверное, здесь вам будет гораздо удобнее, — и
показал на низкий айван в саду.

«Пожалуй, так удобнее будет и мне и вам», — подумал
Джураев, потому что с улицы освещенная веранда
дома на взгорке тоже хорошо просматривалась.

Суннат-ака, захватив чайник со стола, подсел на ай-
ван, с вызовом и нескрываемой иронией заявил:

— Я слушаю вас, человек закона.

Но Джураев от него лучшего приема и не ждал, бо-
ялся, что и во двор не пустит в такое время, поэтому
сделал вид, что не заметил иронии, и начал мягко:

— Суннат-ака, я не стану вас спрашивать, почему вы
навели ребят на двор, где нашли убитую, и почему не
позвонили в милицию, хотя телефон у вас работал, это я
знаю точно, потому что звонил к вам и разговаривал с ва-
шей женой. Понимаю, вам не хотелось иметь дело с ми-
лицией. Не знал я одного, когда и как вы узнали или
увидели, что во дворе напротив находится убитая жен-
щина. Может, это случилось за час перед тем, как ребя-
та начали играть в футбол, а может, несколько раньше,
а может, даже в тот же час, когда ее убили, с вашей ве-
ранды улица и усадьба Раушан-апы как на ладони — в
этом я убедился сейчас еще раз. Так вот, до сегодняшне-
го дня я не мог ответить себе, что же вы знаете об этой
истории: какую-то малость или все.

— И почему же вы прозрели именно сегодня? —
опять же с вызовом и без всякого волнения спросил Сун-
нат-ака, но чай ночному гостю все-таки налил.

— Сегодня я был в суде и все время наблюдал за ва-

ми, происходящее в суде меня не интересовало, я знал ход заседания наперед, к тому же я его записал на магнитофон.

— И чем же я вам глянулся?

— Очень любопытна была ваша реакция на некоторые показания, например, вот это, — и капитан включил то место, где судья задавал вопросы Анвару Бекходжаеву.

— Какое это имеет значение, как я реагировал в суде, когда все уже ясно, убийца пойман ведь и осужден? — не то спросил, не то подытожил, закругляя разговор, Суннат-ака, но былой неприязни в его голосе уже не было.

— Ну, положим, как вы реагировали, может и не иметь значения, но то, что вы знаете, имеет. Ваша реакция меня убедила, что не Азат Худайкулов затеял разбойное нападение, и не он, пусть даже по неосторожности, убил жену прокурора.

Суннат-ака зло рассмеялся:

— Да, нечего сказать, проникательные люди стоят у нас на страже закона и порядка! Вы что же считаете, я тут один сомневался? Вы что, всерьез думаете, что Азат Худайкулов мог угрожать, заставлять и даже поднять пожар на сына Суюна Бекходжаева? Да он глаз на него не смеет поднять в самом сильном гневе, он у него в холуях чуть ли не с пеленок. Умные люди рассудили за них: зачем отвечать вдвоем, когда лучше одному, к тому же несовершеннолетнему. Конечно, наобещали Азату, что не оставят в беде, а тому почему не поверить? Если видит, что идет все, как и разыграли у него на глазах; значит, его и вытащат потом, года через два-три, как только история утихнет. Понятно, не задаром выручал дружка — Бекходжаевы люди не скупые, тем более когда им это позарез надо.

— А мне казалось, Суннат-ака, вам, человеку верующему, уважаемому сельчанами, дорога правда, истина, справедливость...

Суннат-ака сперва вроде растерялся от этих слов, но затем встал, давая этим понять, что считает разговор оконченным, и, не скрывая неприязни к капитану, сказал:

— Отчего же вам, образованным да власть имущим людям, всегда нужно на борьбу за справедливость выставлять наперед себя нас, простых людей? Не по совести это. Поняли бы меня сегодня на суде, если б я вдруг встал и выложил все то, что вы так ладно придумали?

Мой дед, мой отец жили под Бекходжаевыми, и я живу под Суюном Бекходжаевым, и дети мои, как я увидел сегодня, будут жить под Анваром Бекходжаевым, а пока, как мне их прокормить, а у меня их шестеро, — зависит только от председателя. И я должен встать на дороге Анвара Бекходжаева? Да вы понимаете, чего вы хотите? Ладно, пусть я, по-вашему, человек слабый, безвольный, трус, как вам будет угодно, но я клянусь вам, здесь вы не найдете ни одного человека, который поступил бы так, как вы добиваетесь. И не вините строго нас — ни меня, ни других, наведите между собой, наверху, порядок, покажите нам другой, действительно народный суд, тогда, может, и мы поднимемся, скажем свое слово правды. А сейчас уходите.

Джураев нехотя поднялся и, не попрощавшись, двинулся к выходу. Не успела захлопнуться за ним тяжелая дверь в высоком дувале, как тотчас погас во дворе свет, и растерянный капитан остался в крошечной тьме. Он долго стоял, облокотившись о дувал. Он был подавлен. Когда-то он думал, что покорность народа — благо. Сейчас, выйдя со двора. Сунната-ака, он понял, что это беда.

2

Вот о чем никак не хотелось бы рассказывать Амирхану Даутовичу в тот вечер в «Лидо», если бы он оказался за столом с бывшими коллегами. Но вряд ли разговор не коснулся бы убийства Ларисы Павловны, которую они все наверняка знали лично. А следующий вопрос естественно был бы обращен к нему: как он оказался здесь, в «Лас-Вегасе»? Уж кому-кому, а его коллегам наверняка было известно второе, употреблявшееся неофициально название городка. И вновь пришлось бы возвращаться к тому сырому, слякотному вечеру поздней осени пять лет назад, когда он, утопая в грязи, покидал унылое, донельзя запущенное городское кладбище.

С самого утра моросил дождь, не прекращался ни на минуту. Амирхан Даутович, подъехав к кладбищу, оставил машину внизу у дороги, а на кладбищенские холмы поднялся пешком. Шофер напомнил ему про зонт, но Азларханов подумал — есть в этом что-то оскорбляющее память Ларисы. Он даже шляпу оставил в машине — нелепым казался ему жест: подойдя к могиле, снять шляпу, а затем вновь ее надеть.

Затяжные осенние дожди размыли холмик, тяжелая желтая глина просела, следовало бы подсыпать. На фанерном щите в изголовье можно было разобрать только цифры, написанные фломастером, остальное слизали дожди: «1940—1978» — годы, отпущенные судьбой его жене. Там же, на завалившемся вправо щите, висели еще два жестяных венка с истлевшими черными лентами — наверное, от прокуратуры и музея. «До чего убого, казенно, — с тоской подумал Амирхан Даутович. — И при жизни мало что успеваем дать человеку, а такие кладбища — насмешка над памятью». И тут он на миг представил, как мотался, искал, кланялся, заказывая гроб, Эркин Джураев, как, может быть, потом сколачивали из досок какого-нибудь отслужившего забора или сарая... Он так ясно увидел эту картину, как хоронили Ларису, что неожиданно заплакал, в первый раз с того проклятого утра, когда ему сообщили, что Ларисы больше нет...

Среди всей этой убогости, грязи, заброшенности слова казались неуместными, и Амирхан Даутович так ничего и не сказал жене на их горьком свидании, молча побрел к выходу. Погруженный в свои мысли, он не замечал ни дождя, ни того, что уже сильно промок.

Недалеко от выхода с кладбища он вдруг поскользнулся на мокрой глине, нелепо взмахнул руками и упал. Встал — и упал снова. Но во второй раз не поднялся, почувствовал, как сердце уже знакомо подкатилось к горлу, и с неожиданным облегчением обреченно подумал: «Ну, вот и все, конец! Прости, милая, что не защитил, не уберег... не покарал твоего убийцу. Прости за пошлость железных венков, за фанерный щит без имени... Прости, что в последние твои часы на земле не был рядом с тобой и в твоей могиле нет горсти моей земли...»

На миг он представил холодные ветреные ночи на этих холмах и как гремят у изголовья, тревожа ее покой, ржавые венки, и от бессилия что-либо изменить заплакал снова. Потом он, как ему показалось, закричал: «Нет!!» — и из последних сил пополз к выходу. Он просил у судьбы месяц, только месяц, чтобы не осталось на земле безымянной могила его любимой жены. Это последнее желание — выжить сейчас во что бы то ни стало, наверное, и спасло его.

Моросил дождь, сгущались сумерки, на разбитой машинной и повозками грязной дороге у пустынного кладбища полз человек — ему необходимо было выжить.

Шофер, задремавший в тепле машины, очнулся —

кладбище на горе потонуло во тьме, ни единого огонька, и тишина кругом, только шелест дождевых струй. Он понял, что с прокурором что-то случилось. Привычным жестом потрогал в кармане куртки тяжелый пистолет и бегом кинулся к кладбищу. У самого выхода наткнулся на Амирхана Даутовича, быстро нащупал пульс, не медля поднял прокурора и потащил его к машине.

И снова реанимационная палата, затем кардиологическое отделение областной больницы, где его лечили и от тяжелой пневмонии, — еще два месяца между жизнью и смертью. Через месяц, когда уже пускали посетителей, он попросил, чтобы к нему заглянул начальник городского отдела ОБХСС. За все годы своей работы прокурором Амирхан Даутович никогда не обращался к тому ни с какой просьбой, хотя хорошо знал, какими безграничными возможностями располагал этот тщедушный человек по прозвищу Гобсек, занимавший свой пост лет двадцать. Начальник отдела пришел к Амирхану Даутовичу в тот же день, и не без опаски. Может, какая-нибудь со знанием написанная анонимка поступила, думал он, но после первых же слов больного облегченно вздохнул: просьба прокурора выглядела пустяком, и он был рад, что представился случай услужить самому неподкупному Азларханову.

На другой день в палату провели двух молодых людей, по внешности братьев; это, как оказалось, и были известные в городе мастера, братья Григоряны. Держались оба с достоинством, больному выказали подобающее уважение; сразу поняли, что прокурору сегодня хуже, и оттого слушали его не перебивая.

— Наверное, вам уже объяснили, зачем я попросил вас прийти?

Братья молча кивнули.

— У меня нет никаких планов, никаких пожеланий. Я очень надеюсь на ваш вкус, ваше мастерство, ваш талант. Одно могу сказать вам, как мужчинам: я очень любил ее... — И Амирхан Даутович протянул им фотографии Ларисы Павловны.

— Мы хорошо ее знали, и она нас знала, мы ведь скульпторы, да вот как сложилась жизнь... — Потом, видимо, старший, после паузы продолжил: — Мы уже были утром на месте. Несмотря на убожество кладбища, место для могилы выбрано неплохое, выигрышное для такого памятника, который мы с братом уже представляем... Положитесь на нас, не волнуйтесь, мы сделаем как надо, и с

вашего позволения заберем эти фотографии... — И братья поднялись.

— Одну минуту, — остановил их слабым жестом Амирхан Даутович. — Сколько это будет стоить?

Братья назвали сумму, не маленькую, но гораздо меньше, чем стоила такая работа, — Амирхан Даутович еще в Ташкенте узнал все, что ему было необходимо. Прокурор улыбнулся и протянул приготовленный заранее конверт.

— Вот возьмите, расчет сразу... знаете мое положение, сегодня жив... Здесь ровно в три раза больше, чем вы называли...

Братья хотели было вскрыть запечатанный конверт, но Амирхан Даутович остановил их:

— Не надо. Мы не дети, всякий труд, тем более такого рода, должен хорошо оплачиваться. Особенно если хочешь получить что-то достойное. Ну а человеку, что отыскал вас по моей просьбе, можете назвать другую сумму, вашу, я не буду в претензии...

Братья понимающе улыбнулись и тихо вышли из палаты.

Амирхан Даутович закрыл глаза. Успел все же... Хорошо, что успел.

3

В своем доме на Лахути прокурор появился только спустя почти пять месяцев после того утреннего звонка в конце августа, когда ему сообщили о смерти Ларисы. Шла вторая половина января, сыпал мелкий снежок, на проезжей части дороги быстро превращавшийся в грязное месиво, но сад во дворе был красив. Увидев голубую ель, Амирхан Даутович с грустью отметил, что впервые ее не нарядили на Новый год.

Прокурор оглядел так и не укрытый на зиму виноградник: кое-где висели еще грозди неопавшего, неубранного по осени винограда, особенно живучим оказался сорт «Тайфи», красные, слегка пожухлые кисти еще дожидались пропавших хозяев. Слабые карликовые деревья впервые встречали зиму неутепленными, и Амирхан Даутович подумал, что если и выживет сад — только волею случая; впрочем, это он относил и к себе. Лужайки заросли сорной травой, кусты живой изгороди нестрижены. Сколько труда уходит, чтобы сделать, создать, и как мало нужно, чтобы все пошло прахом...

Он прошел по дорожкам сада, засыпанного пожухлой

осенней листвой, пытаюсь воскресить какое-нибудь давнее, счастливое воспоминание, но это ему не удалось. Сорвав крупную кисть «Тайфи», он вошел в дом, ставший теперь словно бы чужим.

Через неделю он улетел в Крым. После двух инфарктов подряд Амирхан Даутович нуждался в санаторном лечении и постоянном надзоре опытных врачей.

Крым пошел ему на пользу, здесь он воспрянул духом и уже не чувствовал себя обреченным, как в тот день, когда впервые появился у себя во дворе после пятидесятидневного вынужденного отсутствия. В начале того февраля, когда он приехал в Ялту, следов зимы уже было не сыскать — все шло в цвет, дурманяще пахло весной, морем. С гор, с виноградников «Массандры» легкий ветерок приносил в город запах пробудившейся к жизни земли. Наверное, столь очевидная тяга всей окружающей природы к росту, к жизни, цветению сказалась и на настроении Амирхана Даутовича. Он подолгу гулял один по набережной, вглядывался на причалах в названия кораблей, но все они были недавней постройки, спущенные на воду пять-десять лет назад, а ему хотелось встретить хоть один корабль-ветеран, на который он мог завербоваться когда-то в юности. Странно, казалось бы, море и корабли должны были вызывать в нем ностальгию — как-никак отдано четыре года Тихому океану, — но из той прошлой жизни помнилось лишь одно, что там, на флоте, он дал себе клятву обязательно стать юристом и посвятить правосудию всю свою жизнь. Когда-то, много лет назад, он вглядывался с палубы эсминца в почти невидимый за туманом берег и с волнением думал о том, как сложится дальше его жизнь. Теперь он подолгу стоял на разогретом солнцем берегу, вглядываясь в уходящую за горизонт морскую ширь, и тот же вопрос мучил его четверть века спустя.

После короткой бесснежной зимы вновь ожили кафе, вынесли на набережную легкие пластиковые столы. Амирхан Даутович даже облюбовал одно такое — «Восток» и заглядывал туда сразу после обеда. Народу было немного, и вскоре ему уже привычно ставили на стол бутылку минеральной воды и стакан красной крымской «Алушты», что предписали курортные врачи после тяжелой пневмонии. Он сидел тут, греясь на солнышке, не спеша выпивал свой стакан вина, разбавляя его мине-

ральной водой, чем вызывал удивление малочисленных посетителей. Изредка перебрасывался с соседом фразой-другой, но предпочитал одиночество. Что-то стариковское было в этих долгих часах раздумий на открытой веранде «Востока», напротив главного причала порта, и человеку, знавшему прокурора раньше, бросилось бы в глаза, как резко постарел он за эти последние полгода.

Но скорее всего его взгляд, заблудившийся в морских просторах, видел вовсе не силуэты уходящих к Босфору кораблей. Может быть, он блуждал по тем кладбищенским холмам, где сейчас братья Григоряны трудились над памятником его жене. Нет, ни о районном суде, ни о «свидетеле» Анваре Бекходжаеве прокурор не забывал, но он старательно гнал сейчас от себя эти мысли, понимая, как еще физически слаб для борьбы. С трудом выкарабкавшись из двух подряд инфарктов, он боялся не третьего, он должен был укрепить сердце, чтобы оттянуть третий, хотя бы ровно на столько, сколько ему потребуется времени для схватки с кланом Бекходжаевых. Он помнил, как милостива оказалась к нему судьба там, на залитом дождем осеннем кладбище, и верил, что она предоставит ему еще один шанс, других желаний и просьб у него не было.

В марте, когда до окончания курса лечения оставалось дней десять, Амирхан Даутович неожиданно получил письмо от капитана Джураева. Что и говорить, грустное и тревожное письмо. Писал капитан о том, что полковник Иргашев, начальник той районной милиции, откуда впервые сообщили Амирхану Даутовичу о смерти жены, получил неожиданно повышение, возглавляет теперь областную милицию и стал его, Джураева, непосредственным начальником. Одновременно получил повышение и районный прокурор Исмаилов, контролировавший дело об убийстве Ларисы Павловны Тургановой, — он тоже занял немалый пост в городской прокуратуре. Хотя капитан и не комментировал свое сообщение, Амирхан Даутович понимал: клан Бекходжаевых щедро оплачивал выданные полгода назад векселя. Остался на месте лишь судья, двадцать лет бессменно сидевший в районе, был он преклонного возраста и вряд ли хотел искушать и без того благополучную судьбу, служебная карьера, конечно, уже не интересовала его. Но и тут, наверное, были свои варианты, в результате которых выигрывали дети и внуки покладистого судьи.

Но Амирхана Даутовича больше огорчило другое со-

общение, видимо, ради него и было послано письмо. Писал капитан, что новый его начальник задался целью не только выжить его из милиции, но подвести при случае под статью, а уж с опытом Иргашева, мол, сделать такое ничего не стоит. И капитан просил Азларханова по возможности посодействовать его переводу в другую область или в Ташкент.

Амирхан Даутович понимал, что полковник Иргашев догадывался: капитан Джураев знает гораздо больше, чем стало известно суду, и оттого спешил дискредитировать его, пользуясь отсутствием самого Азларханова в области. И если уж капитан Джураев открытым текстом просил о помощи, значит, положение действительно серьезное. В тот же день Азларханов заказал телефонный разговор с Ташкентом, и через неделю вопрос о переводе капитана Джураева в столицу был решен.

Письмо отчаяния, полученное от капитана Джураева, послужило Амирхану Даутовичу как бы сигналом, он понял: есть ли, нет ли здоровья, выдержит ли сердце еще одно испытание или разорвется окончательно, пора действовать...

Вернулся он из Ялты в коттедж на Лахути в конце марта. Уезжая, он оставлял запущенный дом, заснеженный сад — и тревожился, перезимуют ли деревья; но в середине зимы что-то предпринимать казалось поздно, да и не было у него на это ни сил, ни здоровья, ни желания. Каково же было его удивление, когда он распахнул сейчас калитку своего дома. Сад выжил! Покрылись листвой все до одного карликовые деревца, любовно собранные Ларисой; зацвел розовым миндаль; в дальнем углу двора, под старым платаном, словно дожидаясь его, одиноко тянулся к свету тюльпан; у кустов персидской сирени отцветали последние крокусы. Давно не стриженные кусты живой изгороди, омытые весенними дождями, дружно пошли в рост и поднялись выше виноградника, тоже вроде перезимовавшего без потерь, — густая зелень его уже отбрасывала на дорожках тень. Выжил сад, порадовал хозяина, поддержал, словно пример показывая.

В прокуратуру, после полугодового отсутствия, Амирхан Даутович пришел без предупреждения, никого заранее не оповещая, хотя о том, что Азларханов вернулся

из санатория, многие, видимо, знали. Амирхана Даутовича неприятно поразило, что его служебный кабинет, который он считал опечатанным, занимал человек, временно исполнявший обязанности областного прокурора. Прежний кабинет заместителя, копия азлархановского, находился тут же, через приемную, — никаких видимых причин для переселения не было.

Амирхан Даутович занимал свой кабинет почти десять лет, иногда сутками не выходил из него, даже ночевал тут не раз. За десять лет в строгом официальном помещении накопилось немало личных предметов, и сейчас Азларханову неприятно было, что его книги брали в руки незнакомые люди, пользовались в душевой китайскими полотенцами, подаренными Ларисой, брали в руки электрическую бритву «Филипс», тоже подарок Ларисы после одной из зарубежных поездок. Никому Амирхан Даутович, понятно, высказывать претензий не стал, хотя и не скрывал своего неудовольствия. И на предложение своего заместителя позволить досидеть хотя бы до конца дня ответил отказом. Когда обескураженный заместитель перебрался к себе, Амирхан Даутович распахнул окна и попросил вызвать уборщицу, прибивавшую у него в кабинете все десять лет, пока он был тут прокурором. С ней он проговорил гораздо дольше, чем с коллегами; заодно попросил тщательнейшим образом убрать и проветрить помещение, а также сменить всю посуду. Оглядев внимательно сейф, вмурованный в стену, который он накануне того злополучного дня в спешке не опечатал, как поступал всякий раз, когда уезжал куда-то, он отправился в обком, чтобы доложить, что приступает к своим обязанностям, и больше уже в тот день в прокуратуре не появлялся.

По дороге в обком он думал о своем сейфе — там лежали его знаменитые амбарные книги, на каждый район в отдельности. В том, что они на месте, он не сомневался, но вот касались ли их чужие руки, как касались все эти месяцы его чайников, пиал, стаканов, полотенец, утверждать однозначно он не мог, потому что знал по крайней мере трех человек в городе, кому по силам был и более серьезный шифр сейфа, а если бы кто и поостерегся привлекать местного человека, мастеров подобных дел немало имелось в исправительно-трудовых лагерях — их в области было несколько, и полковник Иргашев, конечно, мог доставить оттуда любого.

И в обкоме, и в прокуратуре Амирхан Даутович вы-

слушал немало соболезнований по поводу безвременной смерти жены — со многими с того злополучного дня в конце августа прошлого года он виделся впервые. Соболезновали искренне: знали Ларису Павловну, знали отношение Амирхана Даутовича к ней, да и сама жизнь Азларханова после гибели жены, из больницы в больницу, из инфаркта в инфаркт, из реанимации в реанимацию, не могла не вызвать сочувствия. Даже внешний вид прокурора, поседевшего, постаревшего на много лет, поникшего от болезней, напоминал о трагедии, перенесенной этим человеком. Никто, с кем он общался в эти дни, ни разу не обмолвился ни о суде, ни об обстоятельствах смерти Ларисы, и Амирхан Даутович уяснил для себя, что скорый и решительный суд успокоил общественное мнение. О чем и говорить, если преступник пойман, в содеянном сознался и получил суровое наказание?

В эти же дни на одном из служебных совещаний Амирхан Даутович встретился с полковником Иргашевым и с бывшим прокурором того района, где произошло убийство, ныне работающим в городской прокуратуре. Оба они подошли к Азларханову, справились о состоянии его здоровья и сказали, что свой долг по отношению к Ларисе Павловне они, мол, выполнили и сожалеют об одном, что случилось это на их территории. Амирхан Даутович сдержанно поблагодарил, но расспрашивать ни о суде, ни о следствии не стал, потому что дело это лежало у него в столе и он знал, что осужденный Азат Худайкулов находится в исправительно-трудовой колонии у них же в республике, но далеко, в соседней области, где некогда работал полковник Иргашев.

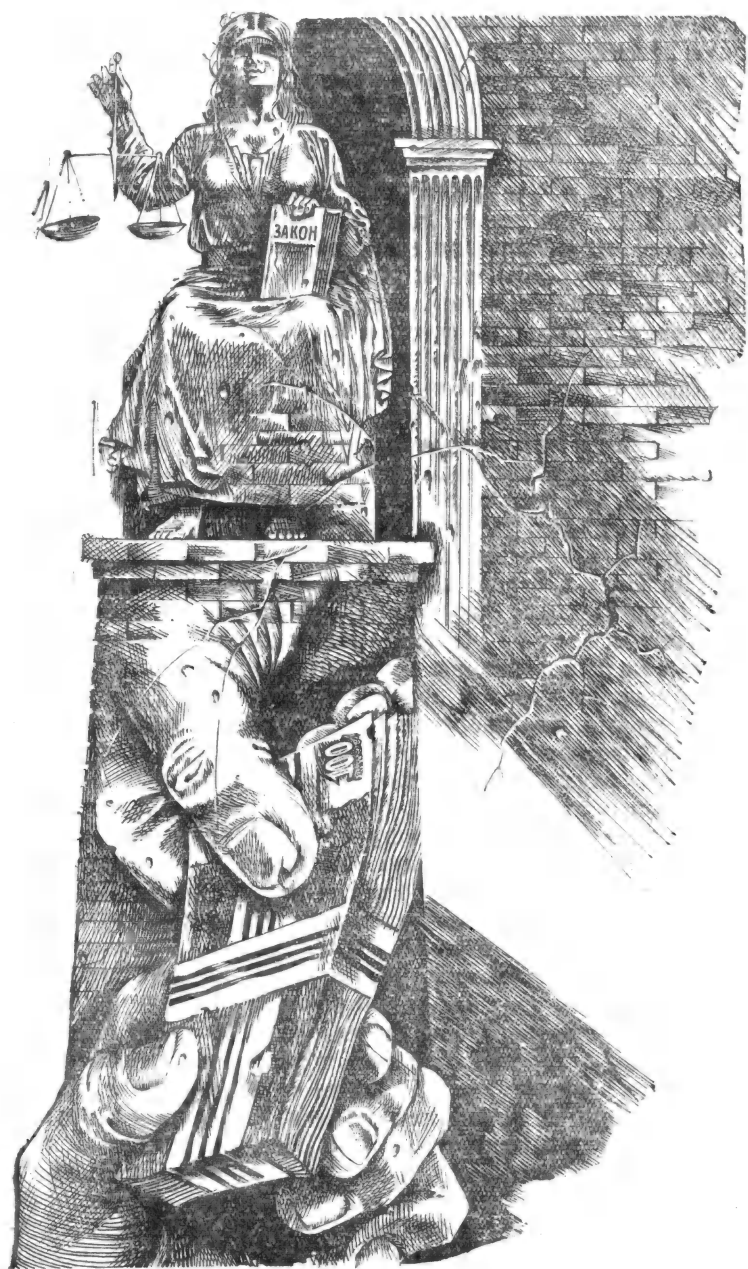
Амирхан Даутович уже не раз просматривал документы, собранные по делу о смерти его жены. Конечно, явно зацепиться за что-то повода не было, все чин чинном, протокол к протоколу; только уж очень заинтересованного человека могла насторожить такая гладкость следствия и суда, легкость и скоротечность процесса, ведь убийство все-таки. Амирхан Даутович понимал: не случись с ним самим беды в ночь задержания, в чем бы ни признался Азат Худайкулов, наутро провели бы тщательнейший следственный эксперимент, затем по свежим следам попросили бы обоих по минутам расписать время после убийства, и вряд ли Анвар Бекходжаев долго продержался бы в определенной ему советчиками роли свидетеля. Сгодились бы тут и показания матери Азата Худайкулова, сообщившей капитану Джураеву, что за сыном

к вечеру, затемно, специально приезжал пригласить в гости на черного барана Анвар Бекходжаев на своей красавице «Яве», а не сам он отправился, глядя на ночь, на двор Бекходжаевых, чтобы пригрозить убийством своему дружку. Да, не отстрани прокуратура от дела капитана Джураева, не веда его сам полковник Иргашев, неизвестно, как бы сложился суд, отвертелся бы Анвар Бекходжаев от справедливого возмездия, даже если б капитан Джураев и не смог обеспечить явку на процесс человека, отдавшего ему снимок, сделанный «Полароидом», и Сунната-ака, наотрез отказавшегося засвидетельствовать то, что видел во дворе через улицу.

Не случись у него инфаркта в ту ночь, одного признания Азата Худайкулова оказалось бы недостаточно, пришлось бы в суде доказывать его вину, а не согласиться с тем, что разыграли умные дяди в угоду всеильному Суюну Бекходжаеву. Но все это — если бы да кабы... Не надо было сбрасывать со счетов и клан Бекходжаевых, уж они-то наверняка воспользовались неожиданно предоставившимся временем на тот случай, если областной прокурор Азларханов попытается вновь поднять дело, как только оправится от инфаркта. Но главная сложность ситуации заключалась в ином: что бы он ни предпринял, любой его шаг давал противоположной стороне повод обвинить прокурора в предвзятости, субъективности, чувстве личной мести, злоупотреблении служебным положением, а это означало одно: его, как и капитана Джураева, не подпустили бы к делу.

Амирхану Даутовичу оставался лишь один выход, и он им воспользовался: отправил частное письмо прокурору республики, где, не вдаваясь в особые подробности, просил в порядке надзора поднять дело об убийстве своей жены. Прошла неделя, вторая, заканчивалась третья, но ни письменного ответа из прокуратуры республики, ни телефонного звонка от самого прокурора, на что рассчитывал Амирхан Даутович, не было. Зато случился у него неожиданный разговор в административном отделе обкома партии, куда он зашел по каким-то текущим делам. Он уже уходил, когда заведующий отделом, заметно волнуясь, попросил его задержаться еще на несколько минут. Начал он издали:

— Амирхан Даутович, вам ли не знать, как здесь вас ценят и уважают. Мы понимаем, что благодаря вам порядок в нашей области на ступень выше, чем в целом по республике, это, конечно, и ваша заслуга как об-

ластного прокурора. Знаем мы и ваш высокий авторитет среди коллег. Поэтому мы все очень переживали за ваше здоровье после трагической гибели Ларисы Павловны. Вы даже не можете представить, какой общественный резонанс вызвал этот прискорбный случай, — у меня в отделе ни на минуту не умолкал телефон. Люди требовали срочно найти убийц и наказать, ведь вашу жену в наших краях знали многие, и мы все гордились ее успехами. Я думаю, мы приложили все усилия, чтобы найти и покарать убийцу, этим мы выполнили долг свой и перед памятью Ларисы Павловны, и перед вами и успокоили общественность, которая вряд ли простила бы органам правопорядка промедление и проволочку в таком шумном деле. Какие только слухи не ходили по городу, и мне десятки раз и лично, и по телефону приходилось объяснять людям, что вы живы и вот-вот появитесь на работе. Вот в такой нервной обстановке нам пришлось работать в ваше отсутствие. — И тут, несколько замаявшись, он перешел к тому, ради чего и затеял этот разговор: — И вот теперь, когда мы видим вас в здравии и радуемся вашему возвращению в строй, надеясь, что ваша душа хоть немного успокоилась, мы узнаем, что вы бы хотели вновь вернуться к делу об убийстве вашей жены. Конечно, поймите меня правильно, вы вольны этого требовать, но это может худшим образом отразиться на вашем здоровье, на вашей работе, не говоря уже о том, что вновь всколыхнется общественное мнение, начнутся нежелательные пересуды, слухи. Неизвестно, чего вы добьетесь, а шума будет много, это уж точно... Так что, уважаемый Амирхан Даутович, я думаю, что вашу просьбу о пересмотре дела вряд ли поддержат и поймут. Но это, так сказать, мое личное мнение, и, пожалуйста, не считите этот товарищеский разговор как вмешательство в вашу личную жизнь и тем более в компетенцию прокурора.

Амирхан Даутович слушал молча, не перебивая, — он сразу понял, что завождем говорит по чьему-то поручению, это чувствовалось, он тяготился возложенной на него миссией. Может, он говорил вполне искренне, и логика в его рассуждениях была, но он ведь не знал и доли того, что знал об этом деле Амирхан Даутович. Может, он даже допускал мысль, что Анвар Бекходжаев, проходивший по делу свидетелем, и достоин какого-то наказания, но как человек, привыкший мерить общими категориями, а не частными, нисходящими до каждой отдельной судьбы, считал, что ради этого не стоит вновь будоражить об-

щественность и признавать за судебным процессом и решением какие-то ошибки. Амирхан Даутович понимал: запущен пробный шар, разговор этот затеян как предупреждение, как зондаж его настроения и духа. Понял он и то, что письмо его не вышло за пределы области и зря он дожидался звонка прокурора республики. Ни о письме, ни о том, кто же стоит за этим разговором, Амирхан Даутович спрашивать заведующего отделом не стал. Поблагодарив за заботу о своем здоровье, за память о Ларисе Павловне, Амирхан Даутович, ничего не ответив по существу, откланялся. Но и заведующий не был так прост и вряд ли ему доверили бы столь деликатную миссию, если бы он не обладал проницательностью: он тоже понял, что прокурор от задуманного не отступится.

Разговор в обкоме Амирхан Даутович принял к сведению, уяснив, что писать снова в Ташкент не следует: через месяц там было назначено крупное совещание — вот тогда-то он выберет момент и попросит аудиенции у прокурора республики. К этой встрече он должен был подготовиться и, может быть, пойти на нее вместе с капитаном Джураевым.

Готовясь к встрече с прокурором республики, Азларханов попытался четче определить круг прямых родственников Суюна Бекходжаева, занимавших в области большие посты, с тем, чтобы дело на расследование забрали в столицу. О том, какое тут может оказываться давление, такой список говорил бы достаточно красноречиво. Двух сестер Суюна Бекходжаева, под фамилиями мужей, Амирхан Даутович установил сам, но из братьев на номенклатурных должностях обкома пребывали только двое Бекходжаевых. Пришлось Амирхану Даутовичу обратиться к людям, которым он доверял, и тут же отыскались остальные четыре брата депутата, но уже под другой фамилией. Поразительный факт для человека, не знающего тонкостей Востока: здесь единокровные братья и сестры могут носить разные фамилии — скажем, отца или деда; может случиться, да и случается частенько, что, жалуюсь на какого-нибудь чинушу, бюрократа, мздоимца, обращаешься к его родному брату или сестре, только фамилия чинуши повторяет фамилию отца, а фамилия брата образована от имени того же отца. Кроме братьев и сестер Суюна Бекходжаева, три его старших сына, родные братья «свидетеля» Анвара Бекходжаева, тоже занимали высокие посты в области и районе. Внутренний

список составил Амирхан Даутович — этот клан и без помощи извне мог одолеть любую преграду и свалить кого угодно. А кроме того, ведь была еще ближняя и дальняя родня, да и просто преданные люди, обязанные чем-нибудь Суюну Бекходжаеву.

Утвердившись в мысли, что через месяц он непременно попадет на прием к прокурору республики, Амирхан Даутович успокоился и без суеты стал готовиться к этой встрече. Принятое решение сказалось и на его настроении, он обретал душевное равновесие.

На дворе стояла весна, и он, как прежде, хоть и несколько запоздало в этом году, подолгу копошился у себя в саду. В одно из воскресений вместе с приглашенным в помощь садовником тщательно подстриг кусты живой изгороди, и двор сразу сделался просторнее, принял прежние привычные очертания. Целую неделю после работы он выгребал с лужаек, изо всех углов двора остатки прошлогодней листвы, и казавшиеся безвозвратно запущенными английские лужайки удалось привести в приличный вид. Работы в саду и в осиротевшем доме оказалось так много, что ему не хватало ни суббот, ни воскресений, ни долгих весенних вечеров, но занятия эти не тяготили его, наоборот, наполнили жизнь каким-то смыслом. Обрезая погибшие за зиму плети в винограднике, ладя новые опоры для молодых побегов, Амирхан Даутович, конечно, нет-нет да и возвращался мыслями к предстоящей встрече в Ташкенте, к последнему своему шансу добиться справедливости.

Конечно, в своих планах он просчитывал, как в шахматах, различные варианты, думал о том, что могут предпринять против него Бекходжаевы. Ему было яснее ясного, что они постараются обязательно, любым способом дискредитировать его — это верняковский, многократно подтвержденный жизнью путь против тех, кто добивается правды. Но как бы строго он ни подходил к себе, «пята» не находил, — сколько помнил себя, всегда старался жить честно, достойно. Прокурору казалось, что здесь Бекходжаевым и их советчикам придется туго.

Неожиданно ему подумалось: хорошо, что осужденный Азат Худайкулов находится в заключении далеко, не под рукой клана Бекходжаевых и полковника Иргашева. Ведь случись с ним какая беда, несчастный, например, случай, — все бы в планах Амирхана Даутовича рухнуло; тогда бы его действия уж точно показались бы только личной мстью студенту-юристу Анвару Бекходжаеву.

И Амирхан Даутович на всякий случай пометил в бумагах, что на приеме у прокурора надо попросить, чтобы осужденного Азата Худайкулова на время следования взяли на особый режим охраны. Пойдя на компромисс с совестью, задавленный обстоятельствами, парень теперь уже собственной рукой стягивал петлю на своей шее — могли ведь Бекходжаевы разыграть и такую карту.

5

Недели через две после памятного разговора в административном отделе рано поутру в кабинете Амирхана Даутовича раздался звонок по особому телефону — звонил первый секретарь обкома. Амирхан Даутович после выхода на работу виделся с ним несколько раз, а однажды они провели вместе четыре часа, так много накопилось важных дел за время болезни областного прокурора; первый рассматривать их с заместителем, исполняющим обязанности, не стал.

Виделись они и накануне, поэтому Амирхан Даутович удивился звонку. Удивил его и сухой, сдержанный тон первого секретаря, который просил Амирхана Даутовича непременно зайти в обком в первой половине дня. О чем предстоит разговор, какие бумаги следует захватить с собой, ничего не сказал, как бывало прежде. Удивило и время — «в первой половине дня» вместо привычного «сейчас же» или «во столько-то». Он словно предоставлял Амирхану Даутовичу возможность подготовиться к разговору или, наоборот, изрядно поволноваться.

Долгая работа в должности областного прокурора научила Амирхана Даутовича многому, прежде всего выдержке, хладнокровию; впрочем, едва ли слабонервный долго продержится на такой работе; и Азларханов не комплексовал оттого, мило или немилостиво говорит с ним секретарь обкома, у того тоже работа: что ни день — сюрпризы, на каждого улыбок и хорошего настроения не напасешься. Но какое-то чувство подсказывало, что дело все-таки касается его лично.

Незадолго до истечения назначенного неконкретного времени Амирхан Даутович вошел в приемную. Секретарша, по-видимому, была предупреждена о визите прокурора и потому, едва он появился, кивнула на обитую добротной кожей дверь: «Ждет, уже спрашивал дважды».

Едва Амирхан Даутович вошел в кабинет, секретарь

обкома поднялся из-за стола и направился ему навстречу, так он поступал всегда, когда был в настроение. На востоке вопросов сразу, в лоб не задают, даже самые деловые люди и на самом высоком уровне, таковы давние традиции: вначале пусть мимоходом, но справятся о здоровье, о семье, а уж потом — разговор о деле. И хотя они виделись только вчера, секретарь обкома все равно спросил Амирхана Даутовича о здоровье, самочувствии, о том, не нужно ли чем помочь. Потом вызвал секретаршу и попросил чаю, и она, словно предугадав желание хозяина кабинета, тут же внесла чайник с пиалами. Амирхан Даутович понял, что разговор предстоит долгий.

Секретарь, поблагодарив расторопную секретаршу, разлил чай по пиалам, но усаживаться не стал. Взяв пиалу, подошел к окну. Окна кабинета выходили на внутренний двор, в настоящий сад, тщательно спланированный и любовно ухоженный. Сейчас в обкоме был перерыв, и в летней столовой и чайхане обедали сотрудники. Из окна третьего этажа старинного особняка, построенного некогда для русского генерала — наместника, было хорошо видно, чем потчуют сегодня повара — впрочем, запахи плова, жарящегося шашлыка, тандыр-кебаба, горячих лепешек, ангреноского угля под баком кипящего трехведерного самовара, подарка делегации из Тулы, долетали и до распахнутого окна. Но сегодня аппетитные запахи не привлекали ни секретаря обкома, ни областного прокурора, а прежде они не раз обедали вместе там внизу, в саду.

Сейчас первый молча стоял у окна, словно выглядывая кого-то или не решаясь начать разговор, который, видимо, тяготил его — такой нерешительности Амирхан Даутович за ним раньше не замечал. Затем он подошел к своему огромному столу, взял бумагу, лежавшую на видном месте, отдельно, и вернулся за другой стол, где стоял чайник. Жестом пригласил Амирхана Даутовича сесть и протянул ему письмо, ради которого, наверное, и пригласил прокурора.

На фирменном бланке — дорогая воцеленная финская бумага — сразу бросалось в глаза крупно набранное название учреждения, на трех языках: арабском, английском, русском. Амирхан Даутович недоуменно прочел: «Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана» и на миг усомнился, не перепутал ли свои бумаги на необъятном столе хозяин кабинета, но первый, перехватив его удивленный взгляд, сказал с сожалением:

— Не ошибся, не ошибся, читай дальше. Думаешь, только к тебе стекаются жалобы и анонимки на всех и вся. Пришла вот и на тебя, в первый раз за десять лет, да так некстати, словно кто-то задумал добить тебя после того, что ты перенес...

Письмо было направлено по двум адресам: в ЦК компартии республики и копия — первому секретарю обкома. «Круто начинают», — подумал Амирхан Даутович без особого волнения, но письмо его заинтриговало.

«Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана обращается к Вам за помощью. В частной коллекции керамики областного прокурора Азларханова А. Д. вот уже несколько лет находятся предметы, изъятые из Балан-мечети селения Сардоба, представляющие особую религиозную ценность для мусульман этих мест. В 1867 году торговый человек, уроженец Сардобы, Якубходжи, на чьи средства и построена Балан-мечеть, совершил тяжелый караванный хадж в святую для мусульман Мекку. По возвращении он прожил недолго, умирая, все свое немалое состояние завещал мечети. Среди многих предметов, доставшихся сельской мечети, особую ценность для верующих представляли два дорогих сосуда, инкрустированных серебром, внутри сосуда были обработаны особой серебряной эмалью — для хранения воды в долгой дороге. Сосуды, по завещанию Якубходжи хранившиеся до недавних пор в Балан-мечети, изготовил известный гончар двора эмира бухарского — Талимарданкулал. Сосуды эти, представляющие, безусловно, и эстетический интерес, совершили долгий путь с Якубходжой в Мекку и вернулись в Сардобу и потому стали предметами, освященными в самых святых местах. После смерти ходжи они приобрели в глазах верующих мусульман еще большую ценность.

В подтверждение прилагаем к письму цветной снимок предметов из Балан-мечети. Фотография из художественного альбома, изданного в 1978 году в Локарно, Швейцария, под снимком подпись на английском языке: керамика из частного собрания Л. П. Тургановой (жена областного прокурора).

Просим восстановить справедливость и вернуть святыне реликвии мусульман в Сардобу.

С уважением...» — и далее следовала хорошо известная в крае подпись.

Удар был нанесен тонко, ловко, вовремя — Амирхан Даутович понял это, как только прочитал первые строки

жалобы в ком не вызовет возмущения и протеста подобное конду тво по отношению к вере. Такого варварского поступка, как изъятие из мечети святых реликвий, не одобрили бы даже атеисты. А чей справедливый гнев призван в союзники? Духовного управления, ЦК партии, обкома... Да, слаб оказался Азларханов в стратегии против клана Бекходжаевых — о таком ударе он и подумать не мог. Искал какие-то «пятна» в своей жизни, а оказывается, здесь не просто «пятна», тут и злодеем предстать недолго, если кому-то уж очень надо. Конечно, Амирхан Даутович ни на секунду не поверил, что клан Бекходжаевых подобрал ключи к Духовному управлению, а тем более — к секретарю обкома, они просто использовали известный прокурору прием: умелую подтасовку фактов — в данном случае ход просто изощреннейший, изустский. Да, они сделали ход, на который ответить было совсем не просто, оттого Азларханов сидел некоторое время молча, ничего не отвечая озадаченному первому секретарю обкома.

Нарушил затянувшееся тягостное молчание сам хозяин кабинета:

— Не пойму, Амирхан Даутович, кому и зачем все это понадобилось? Кому-то необходимо свалить тебя? Понадобился кому-то твой пост? Но я пока этого не замечал, и если это так, узнаю. Тут, конечно, не эти черепки важны, что-то другое, но я никак не возьму в толк, что именно? Мы тут решали с заведующим административным отделом... Да ты и сам понимаешь: без разбирательства не обойтись, письмо на контроле в ЦК партии, и ответ туда мы обязаны представить. Случай с Ларисой Навловой вызвал огромный общественный резонанс, ты лежал в больнице и не можешь вообразить, что тут творилось. Мы очень благодарны начальнику милиции полковнику Иргашеву и тамошнему прокурору Исмаилову: они оперативно провели расследование и суд, сурово наказали убийцу, тем самым успокоив народ. И когда пришло предложение поощрить их за оперативность, я не возражал, и теперь оба они работают в области. Им я и поручил расследовать историю с Балан-мечетью.

Затем, после небольшой паузы, отхлебнув глоток чая, он спросил, разглядывая цветной снимок, приложенный к письму:

— А сосуды эти — пропади они пропадом — где: у тебя дома или в нашем краеведческом музее, я помню, Лариса Павловна устраивала там свою выставку?

— Дома, — ответил Амирхан Даутович.

— Вот и хорошо, очень хорошо, я беспокоился, что они пропали, а это уже был бы скандал. Пожалуйста, пусть твой шофер немедленно привезет их сюда, ко мне. А я попрошу, чтобы пригласили имама Балан-мечети, и верну ему их лично. Главное, появится возможность дать лаконичный ответ в Духовное управление и в ЦК партии: реликвии возвращены мечети, — может, тем и отделаемся. — И, считая, что разговор окончен, секретарь обкома поднялся.

Амирхан Даутович ничего объяснять не стал. Он понял, что ему предстоит это делать не один раз, и устно, и письменно, потому что клан Бекходжаевых неожиданно получил еще один козырь. Комиссия во главе с полковником Иргашевым и прокурором Исмаиловым, конечно, постарается раздуть историю с сосудами из Балан-мечети, уж кому-кому, а им проигрывать единоборство с прокурором было нельзя.

Подавленный новостью, прокурор медленно спустился вниз и долго сидел в машине, раздумывая: потом, вспомнив просьбу секретаря обкома, велел ехать на Лахути. И тут Амирхан Даутович благодарно оценил прозорливость первого: еще не зная всей ситуации, тот почувствовал, что за сосудами из мечети что-то кроется и пропажа их может неблагоприятно отразиться на судьбе прокурора. Азларханов впервые с ужасом подумал: а ведь действительно, пропади не дай бог эти чертовы плошки, какую бы только напраслину не возвели на Ларису, вплоть до того, что она не привезла их обратно из Швейцарии. Тем более что они были главным экспонатом ее последней выставки и вызвали там пристальный интерес у коммерсантов, как отмечала пресса. Сейчас, осознав это все, Амирхан Даутович усомнился и в правильности своего ответа секретарю обкома, потому что в комнаты, где располагалась коллекция Ларисы, он не заходил ни разу после своего возвращения домой. Но то, что Лариса привезла свои любимые сосуды обратно из Швейцарии, он помнил точно. Не без волнения переступил Амирхан Даутович порог комнаты, где Лариса собрала керамику девятнадцатого века. Сосуды Якубходжи стояли на обычном, отведенном им с первого дня месте, фоном служила деревянная панель из трех старых резных створок дверей. Амирхан Даутович и сейчас нехотая отметил, что сосуды смотрелись прекрасно и без ухищрений фотографа, без огромной шкуры гиссарского волка и кремневого ружья.

Он вспомнил, как любовался, не скрывая восхищения, этой фотографией секретаря обкома.

Снимая тяжелые сосуды с полки, Амирхан Даутович горько усмехнулся: теперь ему нужно думать вовсе не о том, как смотрятся эти сосуды или какое они произвели впечатление на секретаря обкома, а что следует ему предпринять в связи с жалобой, ведь он ясно представлял, кто стоял за всем этим. Но как бы ни гнал он от себя эти мысли, перед глазами отчетливо стояла страница из альбома, изданного в Локарно. И вдруг сам собой выплыл такой логичный вопрос: «Откуда у них появилась эта страница, где они взяли альбом, изданный в Швейцарии?» Ведь альбом выпускался специально к выставке, небольшим тиражом, и даже Ларисе удалось добыть всего три экземпляра. Один они подарили по возвращении в Москву дальним родственникам, рьяным поклонникам Ларисиных увлечений, а два других находились у них дома. И вряд ли даже при большом желании можно было так скоро отыскать столь редкое издание. Азларханов, оставив сосуды, прошел в кабинет, который он делил с женой и где у них была библиотека. Книги по искусству, репродукции занимали отдельную полку, и альбом, изданный в Локарно, сразу бросился в глаза — он стоял не торцом в ряду, а был развернут обложкой.

Прокурор снял альбом с полки и торопливо перелистал страницы, снимок керамики из Балан-мечети был на месте, цел. Амирхан Даутович поставил альбом на полку и начал искать второй экземпляр. Посмотрел на полках, в ящиках стола... И вдруг он вспомнил, что брал его в прошлом году на службу, когда рассказывал о поездке в Швейцарию, о последней выставке Ларисы. Вспомнил, что видел его недавно среди бумаг в сейфе, когда интересовался, целы ли его амбарные книги по каждому району, что вел он в течение последних десяти лет.

Отправив машину с сосудами Якубходжи в обком, Амирхан Даутович пешком вернулся к себе в прокуратуру. Он думал, может, прогулка по весеннему городу наведет его на мысль об ответном ходе, который ему следовало сделать без промедления. Но мысли приходили какие-то вялые, разрозненные, и, только вспомнив про альбом в кабинете, прокурор оживился — многое могло проясниться, если снимок взят из альбома, хранившегося в сейфе. Эта мысль и заставила его ускорить шаг.

В приемной его никто не дожидался, не нужно было никуда срочно звонить, и Амирхан Даутович открыл

сейф. Альбом лежал в глубине, на второй полке, и яркий его корешок заметно выделялся среди тяжелых, уже потрепанных амбарных книг. Амирхан Даутович достал альбом, почему-то машинально пересчитал амбарные книги и, закрыв сейф, вернулся за стол.

Открыл альбом наугад — получилось как раз там, где была керамика из Балан-мечети, но от страницы остался лишь корешок — обрезали весьма аккуратно. «Значит, предчувствие не обмануло меня. — Амирхан Даутович захлопнул альбом. — Так вот какой, выражаясь шахматным языком, оказалась домашняя заготовка Бекходжаевых. Что ж, зря они времени не теряли, пока я кочевал из больницы в больницу, прямо-таки гроссмейстерский ход придумали. А сколько у них таких ходов про запас приготовлено или уже сделано, а я еще не знаю?»

Прокурор размышлял, что же ему теперь предпринять. Конечно, он мог наперед рассчитать кое-какие их ходы, да что толку, Бекходжаевы не сидели полгода сложа руки и каждую попытку прокурора, конечно, готовы встретить во всеоружии. Амирхан Даутович снова вернулся к сейфу и достал книгу по району, где находилась Балан-мечеть. Прочитав пять-шесть записей по Сардобскому району, не стал листать дальше и положил ее обратно в сейф. Даже этих беглых, наугад взятых записей, с фактами, а главное, с его предположениями, вполне хватало, чтобы Бекходжаевы, торгуя этими сведениями, заполучили из района любую удобную для них версию исчезновения сосудов из Балан-мечети. И становилось ясно, что комиссия во главе с полковником Иргашевым и прокурором Исмаиловым представит секретарю обкома документ, где он будет выглядеть совсем не лестно и может, даже подведут его действия под Уголовный кодекс — в том, что Бекходжаевы не будут придерживаться никаких правил, Азларханов теперь не сомневался.

Оценивая положение, Амирхан Даутович просидел, не выходя из кабинета, до позднего вечера, но ответа, равного ходу Бекходжаевых, так и не придумал. Все сходилось на том, что необходима встреча с прокурором республики, где он должен был выложить теперь все как есть: и о Ларисе, и о могущественном клане Бекходжаевых, и о сосудах из Балан-мечети, и об исчезнувшей из сейфа странице альбома, и о своих амбарных книгах, за которыми уже давно охотятся, и о полковнике Иргашеве, и о прокуроре Исмаилове, неожиданно получивших повышение, и о заключенном Азате Худайкулове, которого сле-

довало перевести куда-нибудь подальше и взять под особый надзор. И встреча эта, наверное, выглядела бы убедительнее, если бы на ней присутствовал и капитан Джураев.

Конечно, рассчитывая только на встречу с прокурором республики, Амирхан Даутович, по сути, расписывался в собственном бессилии, но какие бы он ни строил планы, он понимал, что Бекходжаевы имели огромный выигрыш во времени и готовы теперь ответить на любой его ход.

Поздно вечером того же дня на Лахути раздался неожиданный междугородный телефонный звонок. Звонил из Ташкента прокурор республики. Расспросив о здоровье, жите-быте, он так же, как и секретарь обкома, долго не переходил к главному, ради чего позвонил в столь поздний час. И Амирхан Даутович, как и утром в обкоме, почувствовал это.

— Ты, конечно, догадался, что неспроста я звоню тебе среди ночи, да еще домой. Но с работы мой звонок тебе могли бы и не понять, такая уж у меня должность. Впрочем, тебе ли об этом говорить, — наконец-то решил-ся он. — Но я знаю тебя уже больше десяти лет и по-человечески, думаю, просто обязан поставить тебя в известность. Тут в последние три недели пошли потоком на тебя анонимки. Первые откладывал в стол, а вот последние не могу придержать и я, потому что направлены они в два адреса, в ЦК и к нам, в республиканскую прокуратуру. Чуть вроде бы, а реагировать мы обязаны. Одна пришла из Ялты, оттуда один отдыхающий из санатория, где ты лечился, сообщает, что ты предлагал за семьдесят пять тысяч интересную коллекцию керамики XVIII и XIX веков, которая неоднократно выставлялась за рубежом и указана в большинстве известных в Европе каталогов по искусству. Якобы в поисках клиентов ты ежедневно ходил в модное и дорогое кафе «Восток», где про-сиживал долгие часы. Тут даже написано, что официанты нашли тебе клиента за шестьдесят тысяч, но ты не уступил, и есть намек, что анонимка — в отместку за твою жадность и неуступчивость в цене.

Другая анонимка куда более подробна и написана с большим знанием твоей жизни, наверняка консультировали люди, близко знавшие и тебя, и Ларису Павловну. Там тоже ваша коллекция оценивается, но гораздо выше, цитирую: «По самым скромным подсчетам, коллекция,

собранный прокурором, стоит от ста до ста двадцати тысяч...»

Там пишут, опять же цитирую: «...скромная жизнь прокурора области Азларханова лишь ширма, главная цель его — обогатиться за счет уникальной коллекции». Обращают внимание, что ты ни разу в своей жизни не пользовался бесплатной обкомовской путевкой в отпуск, а проводил эти дни в экспедициях с женой, чтобы, используя свое служебное положение, ускорять поиски необходимых для коллекции предметов. Пишут, что Лариса Павловна, при нашем содействии, специально издала альбом музея под открытым небом в вашем саду на Лахути, чтобы разрекламировать свое частное собрание и позже выгоднее его реализовать. Пишут, что и в зарубежных альбомах, особенно последних, она старалась подать керамику только из своего собрания, и что, мол, вывозила свою личную керамику за рубеж, чтобы прицениться, сколько же это будет стоить. И что главной ее целью в будущем было показать свое частное собрание за границей полностью, и при удобном случае остаться там, разбогатев на продаже известной коллекции.

В общем, чушь несусветная, там еще много всяких небылиц, вроде той, что вы с женой собирались остаться в Швейцарии на последней выставке Ларисы Павловны, да что-то там вам помешало, или Швейцария вас не устраивала, тем более у Ларисы Павловны через год намечалась выставка в Америке, в Нью-Йоркском Центре современного искусства.

Короче, восемь страниц убогистого текста на машинке... Ты же знаешь, у нас жалобы и анонимки на судей и прокуроров одни — взятки, потому и раздумывали, как это обвинение классифицировать, как подступиться. Тут нам рекомендовали сверху создать комиссию, включили и экспертов по искусству, чтобы оценить ваше собрание, — в общем, ждите ее на днях. Трудные вам предстоят дни, Амирхан Даутович, но я от души желаю вам выпутаться из этой нелепой истории...

И разговор неожиданно прервался. Амирхан Даутович не успел даже слова в ответ сказать, впрочем, о чем бы он говорил? О том, что никогда не только не предлагал никому коллекцию жены за семьдесят пять тысяч, но даже и не подозревал, что она может стоить таких денег? Или спросить, в здравом ли уме люди, берущие на контроль подобные анонимки, — до денег ли, пусть даже и семидесяти пяти тысяч, человеку, только что потерявшему

любимую жену и чудом оправившемся от двух подряд тяжелейших инфарктов, человеку, месяц не покидавшему реанимационной палаты?

В эту ночь Амирхан Даутович не сомкнул глаз. Нет, не оттого, что испугался коварных анонимок, или лихо-радошно прикидывал ответы на вопросы, да во все инстанции, или мысленно готовился к встрече с комиссией, которая должна была вот-вот нагрянуть. После неожиданных разговоров в один день с секретарем обкома и прокурором республики, особенно после ночного звонка из Ташкента, Амирхан Даутович понял, что он уже не контролирует положения, утлое суденышко его жизни сорвало с причала и понесло в открытый штормящий океан. В бессонную ночь он меньше всего оценивал серьезную опасность, нависшую над его репутацией честного человека. Как прокурор, охраняющий права граждан, он думал о том, что закон несовершенно: одной умело написанной анонимки достаточно, чтобы закопошились вокруг тебя комиссии, проверяющие, уполномоченные, и откуда только сразу и люди, и средства на подобные мероприятия находятся. И даже кристально честный человек обязан в таких случаях едва ли не выворачивать карманы перед комиссией, оставаться в нижнем белье, показывать свою спальню, кухню, кладовки, дабы уверились, что он живет по средствам.

И даже если комиссия подтвердит твою кристальную честность, не велика ли плата за доставленное анонимщику удовольствие? Как же дальше смотреть в глаза друг другу и тому, кто проверял, и тому, кто велел проверять, и тому, кого проверяли? Делать вид, что ничего не произошло? Если находятся люди, так легко раздевающиеся перед другими, кто гарантирует, что они в ином случае не будут раздевать догола следующих, причем ссылаясь на собственный пример и подавая его уже как образец поведения.

Не давала ему покоя и такая мысль: два человека, наделенных высокими полномочиями, — и первый секретарь обкома, и прокурор республики — проявили сегодня человеческое участие в его судьбе. Так что выскажи он при случае им какую-то обиду на несправедливость, они едва ли теперь поймут его, потому что, даже выказывая ему сочувствие, они как бы совершали героический поступок, ибо преступали некую запрещающую линию, прочерченную анонимкой. Значит, на открытую помощь этих людей, хорошо знавших и даже ценивших его, Азларха-

нов рассчитывать не мог, и тому подтверждение — полутайный ночной звонок; но, как говорится, и на том спасибо.

6

А дальше события развивались куда стремительнее, чем предполагал Амирхан Даутович. Комиссия, возглавляемая полковником Иргашевым и прокурором Исмаиловым, управилась с делами в Сардобском районе за один день и к вечеру представила в обком материалы об изъятии областным прокурором Азлархановым сосудов Якубходжи из Балан-мечети. Любопытные документы... Выходило, что прокурор Азларханов трижды посещал Балан-мечеть, и даже были точно указаны даты, которые совпадали с теми днями, когда Амирхан Даутович действительно проверял Сардобский район. И все три раза он, Азларханов, якобы требовал от имама мечети подарить ему сосуды Якубходжи, побывавшие в Мекке, на что имам всегда отвечал отказом. Была якобы однажды в мечети, в отсутствие имама, и Лариса Павловна, жена прокурора. Она, мол, тоже долго восхищалась керамикой Талимардана-кулала, гончара эмира бухарского, и очень хотела приобрести кувшины для своей коллекции. Она даже оставила собственноручно написанную записку имаму. На страничке из блокнота было написано ее стремительным почерком: «Очень понравились ваши кувшины, думаю, они украсили бы любую выставочную коллекцию. Готова приобрести их по разумной цене. Жаль, не застала вас, заеду еще раз на этой неделе.

С уважением, Л. П. Турганова».

Такие записки Лариса не раз оставляла в домах, если не оказывалось в этот час хозяина или хозяйки интересовавшей ее керамики.

А изъяс сосудов Азларханов якобы собственноручно, при следующих обстоятельствах. Понимая, что имам мечети добровольно никогда не отдаст святыне реликвии мусульман в частную коллекцию, Азларханов вроде наказал работнику районной прокуратуры Шамирзаеву следить за работой Балан-мечети и при первой же маломальски противоправной деятельности тут же поставить его, Азларханова, в известность. И такой повод скоро представился. При ремонте мечети завезли два кубометра пиломатериалов и машину кирпича, первоначально предназначенных для строительства школы в соседнем

кишлаке. И Шамирзаев согласно распоряжению областного прокурора завел уголовное дело на имама мечети, купившего ворованный материал.

Вывод был таков: путем угроз, шантажа старого больного человека, имама мечети, областному прокурору удалось заполучить желанные сосуды для своей коллекции. За ними он якобы приезжал лично в сопровождении работника районной прокуратуры Шамирзаева. И дата «изъятия» тоже документально подтверждалась: Амирхан Даутович действительно в этот день проезжал Сардобу и был в прокуратуре, где провел короткое совещание.

Ознакомившись с заключением комиссии в административном отделе обкома, Амирхан Даутович лишь спросил у заведующего:

— Нельзя ли вызвать в обком Шамирзаева из Сардобы?

На что завождем грустно закатил глаза и развел руками:

— Умер, умер, к вашему и нашему сожалению, Шамирзаев, еще в позапрошлом году. А имам — год назад.

Не заставила себя ждать и высокая комиссия из Ташкента, о которой предупредил Амирхана Даутовича ночным звонком прокурор республики. Прибыли они впятером, два незнакомых Амирхану Даутовичу искусствоведа-эксперта, работник из прокуратуры республики — из новеньких, важный чиновник, представляющий народный контроль на республиканском уровне, и представитель из парткомиссии при ЦК партии Узбекистана.

Комиссии, да еще столь солидного состава, не ожидали ни в обкоме, ни в прокуратуре, не ожидал такого внимания к себе и Амирхан Даутович.

В обкоме, понятное дело, были рады, что заключение своей, областной комиссии по жалобе насчет сосудов из мечети в Сардобе у них уже имелось. И приезжие, еще не увидев частного собрания Тургановой, были тут же ознакомлены с выводами комиссии полковника Иргашева. Об их прибытии в обком Амирхану Даутовичу сообщили на работу и просили через полчаса быть дома, чтобы показать проверяющим коллекцию керамики, собранную его женой.

Амирхан Даутович не стал вызывать машину, а отправился домой пешком, полчаса ему вполне хватало, чтобы не заставлять себя ждать.

Было начало апреля, и весна день ото дня набирала

силу. Подойдя к дому, он на секунду залюбовался подстриженной живой изгородью, сочная зелень радовала глаз. Оставив калитку распахнутой, Амирхан Даутович прошел во двор. За эти двадцать пять дней после возвращения из Ялты он с помощью нанятого садовника привел двор в порядок. Возвращаясь с работы, прокурор до полуночи проводил время в освещенном саду, подбеливал, обрезал, окучивал, и сегодня, после обильных мартовских дождей, двор, кусты роз, сирени выглядели так, словно нарочно были подготовлены для осмотра. И Амирхан Даутович невольно залюбовался творением рук Ларисы — все здесь до мелочей было продумано ею и напоминало о ней. Увлечшись, он и не слышал, как комиссия появилась у него за спиной.

— Впечатляюще! — сказал представитель народного контроля.

Оба эксперта-искусствоведа разбежались по двору, их восторженные возгласы раздавались то у одного экспоната, то у другого. Амирхану Даутовичу приходилось каждому из них давать объяснения, чаще всего о том, в каких каталогах и где была представлена эта керамика. Все, что им говорил областной прокурор, они тщательно вносили в затрепанные толстые тетради; запись вел и представитель из народного контроля, следовавший за Амирханом Даутовичем по пятам, — он словно боялся, что Азларханов о чем-то сговорится с экспертами. Два других члена комиссии, по всей вероятности заядлые садоводы, проявили искренний интерес к карликовым деревьям, редким кустарникам и цветам, к английским лужайкам, и если задавали вопросы, то они касались только сада.

Пробыв в саду более часа и осмотрев все экспонаты «музея под открытым небом», перешли в дом. Две самые большие комнаты коттеджа, отданные под коллекцию, Амирхан Даутович успел тоже привести в порядок, после того как вернул сосуды Балан-мечети секретарю обкома. Здесь гости пробыли гораздо меньше, чем во дворе, и тут он тоже отвечал только на вопросы искусствоведов-экспертов и важного чиновника из народного контроля, у которого их оказалось всего три. Указывая на ту или иную вещь, он спрашивал: «А это за сколько приобретено?», «Где приобретено?», «У кого приобретено?» Вот на эти вопросы отвечать Амирхан Даутович затруднялся, особенно на первый — за сколько приобретено? — потому что он точно знал, что редко какое изделие покупа-

лось за деньги. Большинство предметов было принесено незнакомыми людьми, подарено друзьями, соседями, коллегами по работе. Он и говорил об этом, но по глазам видел, что его ответ не вызывал веры у представителя из народного контроля, который, наверное, и был председателем комиссии, потому что слишком уж надменно и официально держался.

В комнатах, несмотря на теплый весенний день, было прохладно, тянуло из углов сыростью, видимо, и керамика хранила еще зимний холод нежилых помещений, и комиссия выразила желание посмотреть альбомы, каталоги выставок, книги Ларисы Павловны во дворе, на весеннем солнышке. На открытой летней веранде уже стоял стол, и Амирхан Даутович вынес туда все то, что попросили проверяющие. Разобрав альбомы, члены комиссии стали внимательно разглядывать их, время от времени делая какие-то выписки в свои записные книжки и тетради. По тому, как увлеченно рассматривали альбомы искусствоведы-эксперты, Амирхан Даутович понял, что некоторые из них, в основном изданные за рубежом, они видели впервые. Особенно быстро и шумно одолевал альбомы и каталоги тот, которого Амирхан Даутович внутренне признал председателем комиссии. То и дело слышалось:

— Во дает, в Испании издалась...

Или:

— Смотри, смотри, вот тот хум, что под дубом лежит. Напечатан в швейцарском альбоме!

Разглядывая композицию с сосудами из Балан-мечети, он сказал:

— Это ж надо, какого огромного волка охотник подстрелил из такого древнего ружья... — И долго сокрушенно качал головой.

Передавая друг другу, приезжие рассматривали альбомы и каталоги дольше, чем всю коллекцию керамики. Представитель из парткомиссии, видимо зная, что Амирхан Даутович сопровождал Ларису Павловну в двух зарубежных поездках, спрашивал о том, как проходили эти выставки, какой вызвали интерес, какие экспонаты представляли особую ценность, впрочем, ценность он подразумевал не эстетическую и не научную, но это не сразу дошло до областного прокурора. Они, наверное, задержались бы у него во дворе еще с часик, но неожиданно за высокими проверяющими прибыли две машины, и человек, приехавший за ними, объяснил Амирхану Даутови-

чу, что обед в загородной резиденции обкома уже готов. Пригласили на обед и Амирхана Даутовича, не очень настойчиво, правда, но Азларханов отказался. С тем комиссия и отбыла, и о ее выводах Амирхан Даутович узнал только через неделю на бюро обкома партии, собранном по его персональному делу.

Если быть точнее, с заключением ташкентской комиссии его ознакомили перед началом бюро, которое было перенесено по каким-то причинам на более позднее время. Путаное, неконкретное заключение, как и все, что выдвигалось и вменялось в вину Азларханову. Не смогли эксперты-искусствоведы и правильно оценить коллекцию керамики, собранную Тургановой, но тумана в этом вопросе напустили немало. Дважды в заключении ссылались на лондонский аукцион «Сотби», где в последние годы участилась продажа частных собраний керамики из разных стран. И приводили в пример коллекцию господина Кемаля из Анкары, которая была продана за восемьдесят четыре тысячи фунтов стерлингов; называлась и коллекция генерала Чарлза Грея, которую тот, в начале века, вывез из Египта, ее на аукционе «Сотби» оценили в сто тысяч. Эксперты проводили такую параллель, потому что, на их взгляд, коллекция Тургановой не уступала собраниям господина Кемаля и генерала Грея, и ссылались при этом на высказывания зарубежных газет о керамике, которую Лариса Павловна демонстрировала за границей. Ссылались также на статью, где приводилось сравнение частного собрания Тургановой с коллекцией Чарлза Грея и предпочтение отдавалось керамике Средней Азии, она оказалась представлена куда шире. Не преминули эксперты указать и на тот факт, что в рецензиях о выставках Тургановой западные журналисты не раз оценивали стоимость экспонатов, а газетчики оценивали коллекцию щедро, тем более что знали — она не продается. Оттого предполагаемая цена, называемая восторженными журналистами, была куда выше, чем назначил аукцион «Сотби» за коллекции из Анкары и Порт-Саида. Эксперты переводили фунты, доллары, западно-германские марки, японские иены, французские франки, в которых хоть однажды оценивалась коллекция, по официальному курсу на рубли, и сумма получалась астрономическая, что-то около ста пятидесяти тысяч, превышая даже цену, названную анонимщиками. И эта, гипнотизирующая любого советского человека, живущего на зарплату, цифра витала в стенах обкома задолго до начала

бюро, она определила тон и настроение его. Наверное, слух опережает скорость света, обрастая деталями или, наоборот, теряя их, и уже скоро не говорили, что коллекция керамики оценивается экспертами примерно в сто пятьдесят тысяч, а говорили, что областной прокурор собрал сто пятьдесят тысяч или просто называли эту потрясающую цифру, увязывая всяк на свой лад с его фамилией такие большие деньги. Но все эти слухи распространялись и ширились после бюро, на котором и решилась судьба Амирхана Даутовича.

Конечно, и до бюро обкома его члены знали и о заключении комиссии полковника Иргашева, и о выводах проверяющих из Ташкента. Комиссия из Ташкента еще отметила, что иметь в домашнем саду «музей под открытым небом» для такого должностного лица, как областной прокурор, — вызывающая нескромность, и партийная, и должностная.

Однако, обшарив чуть ли не все углы коттеджа, комиссия даже мельком не упомянула о спартанской скромности жилья областного прокурора, где не было ни одной вещи, которые принято называть предметами роскоши.

Членом бюро обкома оказался и один из младших братьев Суюна Бекходжаева, из тех, что носили другую фамилию. Он не стал выступать первым, но, видя, что собравшиеся не вполне разделяют выводы двух комиссий, взял слово.

— Я бы хотел, чтобы меня поняли правильно. Мне совсем не просто сказать слова правды человеку, перенесшему такое большое горе, потерю жены, и едва оправившемуся после двух тяжелых инфарктов, но долг коммуниста обязывает к этому. Я тоже, можно сказать, косвенно соприкоснулся с бедой товарища Азларханова, убийца-маньяк, так быстро пойманный и сурово наказанный органами правосудия, угрожал жизни моего родственника, студента, будущего коллеги нашего прокурора. Поверьте, если он не пострадал физически, то психологическую травму он получил на всю жизнь, я знаю это точно. Так что мне, больше чем кому-либо, понятна беда товарища Азларханова. Беда неожиданно высветила и другое, но я убежден, даже не случись беды, рано или поздно ситуация с частной коллекцией в доме областного прокурора выплыла бы наружу. И тут мы подходим к сути дела. Я хочу сказать о корысти, какие личины она может принимать. Если раньше на бюро мы обсуждали

людей, наживших несправедливым путем дома, машины, дачи, ковры, хрусталь, сегодня мы сталкиваемся с более изощренной формой стяжательства. Меня поразила оценка уважаемых и авторитетных экспертов из столицы — сто пятьдесят тысяч! В такую астрономическую цифру оценивается собранная семьей Азлархановых редкая керамика нашего края. На такую сумму у нас не тянул еще ни один хапуга.

Я не знаю всех методов, посредством которых собрана коллекция, и не хочу знать, копаться в грязи, но, например, изъятие святых для мусульман реликвий Баланмечети из Сардобы не разделяю даже я, убежденный атеист. Этот факт дискредитирует товарища Азларханова и как коммуниста, и как должностное лицо. Это большой политический вопрос, и, я думаю, бюро обкома даст принципиальную оценку такому поступку.

Но вернуться к корысти. Она шла под руку с неумным тщеславием жены товарища Азларханова, и в лучах этой славы, как я знаю, любил покрасоваться и сам товарищ прокурор. Партийной нескромностью я считаю и то, что он дважды сопровождал жену в ее зарубежных поездках. Сегодня, когда была названа сумма в сто пятьдесят тысяч, я понял, наконец, объяснил для себя ее действительно неумную энергию, подвижничество. Убежден, ею двигали только тщеславие и корысть, это отчасти и привело ее к гибели...

Амирхан Даутович, хладнокровно выслушавший всех выступающих, неожиданно вскочил с места.

— Прекратите свои подлые измышления, товарищ Бекходжаев, и не касайтесь грязными руками имени моей жены, иначе я... — Амирхан Даутович, как тогда, в день задержания преступников, вышел из-за стола и, не помня себя, угрожающе двинулся на Бекходжаева.

Такое на бюро обкома случилось впервые, и дядя Анвара Бекходжаева взвизгнул от страха точно так же, как некогда племянник. Амирхана Даутовича под руки вывели из кабинета секретаря обкома, где проходило бюро, и заседание закончилось уже без него.

Бюро обкома началось во второй половине дня; когда Амирхан Даутович покинул приемную, рабочий день в старинном особняке давно закончился, и он брел по пустым, гулким коридорам, спускался по устланной коврами лестнице, не встречая ни единого человека. Между вторым и третьим этажом у Амирхана Даутовича сновахватило сердце, и он, присев прямо на ступеньке лестни-

цы, принял нитроглицерин. Нашел в себе силы подняться только потому, что чувствовал — заседание бюро вот-вот закончится, а он не хотел, чтобы его видели в таком жалком состоянии — ни друзья, ни враги. Осторожно, держась за широкие, отполированные временем перила мраморной лестницы, Амирхан Даутович спустился вниз.

Уже сгущались весенние сумерки, и в воздухе заметно посвежело — Амирхан Даутович даже поежился, но, наверное, знобило его не от холода. Он не спеша пересек нарядную площадь перед обкомом и направился к стоянке служебного транспорта. Несмотря на поздний час, машин на стоянке оказалось много. Обычно, когда Амирхан Даутович еще пересекал площадь, его машина уже вырубивала навстречу, но на этот раз «Волга» не спешила к нему, и Амирхан Даутович подумал, что его шофер заговорился с коллегами. Подойдя ближе, он не увидел своей машины и стоял некоторое время в растерянности, заметив, как из других машин наблюдают за ним. Он уже хотел повернуть назад, как из «Волги», крайней в ряду, вышел пожилой шофер и направился к нему. Амирхан Даутович узнал Усмана-ака, несколько лет назад тот возил его. Усман-ака подошел к Амирхану Даутовичу, поздоровался и, жестом пригласив к машине, не скрывая смущения, сказал:

— Бежал как крыса с тонущего корабля. Пронюхал где-то, что Азларханов уже не областной прокурор и у вас крупные неприятности, и уехал, как только ушли на бюро... Такая нынче молодежь пошла практичная, а небось у вас характеристику в институт подписывал, заочник... — И Усман-ака от злости сплюнул.

Амирхан Даутович, поблагодарив старого шофера, от его услуг отказался и отправился домой пешком — пройти ему не мешало.

Была суббота, последняя суббота апреля, и на улицах большого города вечерняя жизнь вступала в свои права, люди шли в кино, в парки, просто гуляли. Многие раскланивались с Амирханом Даутовичем, оборачивались ему вслед: после смерти Ларисы Павловны вряд ли в городе был человек, не знавший его историю. Не знали они только о сегодняшнем бюро обкома, о выводах которого Амирхан Даутович догадывался еще до заседания. Особых иллюзий он не строил: после ночного звонка прокурора республики понял, что Бекходжаевы обложили его основательно, после таких обвинений едва ли кого оставили бы на столь ответственном посту.

О своем несдержанном поступке на бюро обкома Амирхан Даутович не жалел, потому что знал: не останови он Бекходжаева, тот продолжал бы поливать грязью Ларису, а домашних заготовок у них на этот счет, наверное, имелось немало, безошибочно высчитали, как дорога для него память жены. Не жаль ему было и должности, которую наверняка потерял надолго, если не навсегда, — обидно было сознавать, что проиграл борьбу, считай, без боя. Растоптали, как мальчишку, и пикнуть не позволили. Эта мысль и не давала покоя ни по дороге домой, ни дома.

«Если Бекходжаевы думают, что дискредитировали меня как прокурора и лишили меня должности, власти, и теперь я им не опасен, — рассуждал Амирхан Даутович, — так зря они успокоились. Может, мне без чинов и легче будет отстоять свою честь. И может, то, что они считают концом, будет только началом».

Амирхан Даутович расхаживал по пустому, неуютному дому, не зажигая света, затем вышел в сад. Весенние сумерки быстро перешли в ночь, и бурно разросшийся по весне сад пугал темнотой. Прокурор долго стоял на открытой веранде, не желая возвращаться в дом и не включая огней в саду, мысль о том, что он сдался без боя, не давала покоя.

И вдруг он представил себе, как Бекходжаев, по паспорту Садыков, вернулся после бюро обкома домой, где его наверняка дожидались и остальные родственники, включая и самого Суюна Бекходжаева, и сейчас они за столом празднуют победу, упиваясь своей властью, вседозволенностью; ведь не шутка, отстояли убийцу и заодно стерли в порошок областного прокурора. Это ли не показатель мощи их клана.

Азларханов так ясно увидел это торжество самодовольных людей, что, не задумываясь, решил испортить им преждевременный праздник.

Он вошел в кабинет и поднял трубку прямого телефона, потому что такой же аппарат с двузначным номером стоял и на квартире члена бюро обкома Садыкова. Звонить по городскому телефону Амирхан Даутович не стал, знал, что трубку поднимут домашние, и вряд ли задуманный разговор в этом случае состоялся бы, а к обкомовскому Садыков наверняка подойдет сам. Так оно и вышло, ответил сам, в голосе довольство, ликование. Амирхан Даутович понял, что поднял Садыкова из-за стола, тот что-то торопливо дожевывал, но к телефону поспешил, на-

верное, ждал поздравлений по поводу своей бескомпромиссной речи на бюро.

— Это Азларханов, — представился Амирхан Даутович и услышал, как на другом конце провода человек от неожиданности икнул и тяжело засопел, куда и веселость, с какой он поднял трубку, девалась.

— Товарищ Бекходжаев, — Амирхан Даутович упорно называл Садыкова Бекходжаевым, и тот ни на бюро, ни сейчас не возразил. — Мне кажется, вы рано празднуете победу. Если я сегодня и потерял должность, это не означает, что смирился с решением суда. Я хорошо знаю, кто убил мою жену, и есть люди, которые помогут мне доказать это. Если я не найду правды здесь, в республике, я дойду до Генерального прокурора страны. И раненый зверь куда опаснее здорового, примите это к сведению. Меня поставить на колени не так просто, бороться буду до последнего дыхания... — Амирхан Даутович чувствовал, с каким напряженным вниманием слушают его на другом конце провода, и, наверное, увидев, как изменился в лице хозяин дома, к нему уже подошли его братья и сестры или старшие сыновья Суюна Бекходжаева.

Видимо, Амирхан Даутович в своем предположении не ошибся, Садыков вдруг нервно сказал:

— Подождите две минуты, не кладите трубку. — Прикрыв микрофон, он, вероятно, совещался с набежавшими родственниками.

Через несколько минут он ответил Амирхану Даутовичу:

— Я буду у вас через два часа, нам необходимо переговорить с глазу на глаз.

Амирхан Даутович посмотрел на часы, и в этот момент городские куранты отбили десять; значит, ровно в полночь в коттедж на Лахути должен был прибыть Акрам Садыков, родной дядя убийцы его жены.

Амирхан Даутович прошел на кухню и поставил на газовую плиту чайник, за весь день он не выпил и пиалушки чая, такой суматошной выдалась суббота.

«Полгода им не хватило, еще два часа понадобится», — подумал зло прокурор о Бекходжаевых. В том, что у них поубавился аппетит за столом, Азларханов не сомневался.

«Для чего им понадобились эти два часа?» — думал он, но сколько ни перебирал варианты, к единственному выводу не пришел. Но в том, что им действительно необходимы эти два часа, Амирхан Даутович не сомневался,

все их поступки до сих пор оказывались точно выверены, просчитаны, и чувствовалось, что мозговой трест клана работает четко и оперативно.

«Один придет Акрам Садыков или вместе с братом, Суюном Бекходжаевым, а может, заявится вся мужская половина рода?» — продолжал размышлять Амирхан Даутович. И опять ни в чем уверенности не было, все ходы этого семейства для него оказались непредсказуемы, не стоило и голову ломать. Один ли придет Акрам Садыков, или заявится сам Суюн Бекходжаев, прокурор был готов к разговору и действию, чаша терпения переполнилась. Конечно, не мешало бы, чтобы сейчас в его квартире оказался Эркин Джураев, единственный свидетель, на чью помощь мог рассчитывать теперь прокурор. Но в эти же самые минуты в доме Акрама Садыкова, словно читая мысли прокурора, тоже говорили о капитане Джураеве, зная, что тот упрямец, не убоавшийся арестовать Анвара Бекходжаева в доме его отца, всесильного Суюна Бекходжаева, — единственная надежда Азларханова.

Так в бесплодных размышлениях и пролетели два часа...

7

Едва городские куранты начали отбивать полночь, по сонной Лахути тихо прошуршала черная «Волга» с выключенными огнями и остановилась у ворот дома прокурора. Хлопнула дверца машины, и по слабо освещенной дорожке сада к дому двинулся человек. Один...

На бетонных плитах дорожки от калитки к веранде четко отдавались уверенные шаги. Ритм шагов, уверенная поступь сразу подсказали Амирхану Даутовичу, что это не Акрам Садыков и уж тем более не Суюн Бекходжаев — братья были в теле, каждый за сто килограммов, и при ходьбе от ожирения шумно дышали.

Амирхан Даутович поднялся навстречу полуночному визитеру. В ярко освещенной прихожей стоял подтянутый молодой мужчина, лет тридцати пяти — тридцати семи, хорошо одетый, можно даже сказать элегантно, в правой руке он держал новенький кожаный «дипломат» с цифровым кодом. Встретить Амирхан Даутович ночного гостя на улице пять часов назад среди празднично одетой вечерней толпы, принял бы его если не за иностранца, так за москвича, настолько он не вписывался в улицы их провинциального областного города.

— Добрый вечер, — сказал незнакомец и нервным жестом поправил свой безукоризненный пробор — на его крепком запястье сверкнули золотом не то «Картье», не то «Роллекс», дорогие и редкие швейцарские часы, особо престижные, прокурор это знал.

Амирхан Даутович ничего не ответил и только жестом пригласил пройти в дом. Незнакомец сделал шаг и задержался в дверях, пропуская вперед прокурора. «Осторожный», — отметил Амирхан Даутович.

В кабинете, не дожидаясь приглашения, незнакомец занял кресло, ближе к входной двери, тем самым оставляя Амирхану Даутовичу место у письменного стола.

Люстра свисала как раз над креслом, где расположился ночной гость, и прокурор хорошо видел его. Гость чувствовал это, но не отодвигал кресло, потому что оттуда просматривался и коридор. Внешне гость был спокоен, сдержан, не суетлив, но Азларханов чувствовал в нем собранность, готовность к любой неожиданности.

— Считайте, что я Акрам Садыков или Суюн Бекходжаев, все равно, как вам будет удобнее, — у меня самые широкие полномочия от семьи, — заговорил пришелец, усаживаясь поудобнее в кресле, и попросил разрешения закурить. — Разговор нам, товарищ прокурор, наверняка предстоит долгий, — добавил он, но тут же, погасив зажигалку, неожиданно попросил: — Ради бога, простите мне мое любопытство, но прежде чем мы начнем разговор, я хотел бы одним глазом взглянуть на вашу коллекцию — много наслышан. Вряд ли у меня будет еще возможность появиться в гостях у областного прокурора, да и вообще в Средней Азии. Признаюсь, я не люблю Восток, здесь люди непредсказуемо коварны, и не все поступки объяснимы даже изощренному европейскому уму. — Гость поднялся...

Амирхан Даутович расценил его просьбу как возможность проверить соседнюю комнату: нет ли там какой-нибудь приготовленной для него опасности, засады. И чтобы гость успокоился — а Амирхану Даутовичу побольше хотелось выведать у него, и, похоже, можно было рассчитывать на удачу, потому что человек явно принадлежал к породе упивающихся собственным красноречием, — прокурор пригласил его в зал.

Керамика, видимо, несколько не интересовала гостя — в комнатах он задержался не более двух-трех минут. Вернулся он в кабинет более спокойный и сказал разочарованно:

— И эти черепки оценили в сто пятьдесят тысяч?! Впрочем, хорошо, что остановились на этой сумме, потому что на лондонском аукционе в последние годы продано несколько известных коллекций керамики, и гораздо дороже, чем коллекции из Анкары и Порт-Саида. Эти коллекции, доложу вам, также сравнивались с коллекцией вашей жены, особенно с той, что выставлялась в последний раз в Цюрихе, и некоторые искусствоведы отдавали предпочтение вашей. Что и говорить, хорошо поработали люди в Москве, горы газет перелопатили, копии со статей в зарубежных журналах и газетах снимали, они-то и подали идею исходить из оценки лондонских аукционов. Все статьи, где указывалась достаточно высокая предполагаемая цена коллекции или отдельного экспоната, были высококачественно отсняты на японской копировальной машине и тут же, рядом, давался перевод на русский язык. Эти документы, а их набралось немало, прилагались к каждой анонимной жалобе на вас. Так что бедным экспертам ничего не оставалось, как следовать по указанному нами пути и видеть коллекцию глазами восторженных западных журналистов, иначе бы их заподозрили в симпатиях к вам, необъективности, некомпетентности. Хотя я убежден, надумай какой наш музей приобрести у вас эти черепки, вряд ли предложил бы более тысячи рублей. Но тысяча нас не устраивала, какой от тысячи резонанс, что она для общественного мнения — нуль! Вот сто пятьдесят тысяч — это масштаб! Сто пятьдесят — это хапуга, за сто пятьдесят во всех смертных грехах можно любого обвинить... Но в то же время, оцените, и не миллионы — цифра должна быть реальной.

Амирхан Даутович внимательно слушал ночного пришельца: тот явно хотел дать понять, что он в курсе всех неприятностей прокурора, и даже больше — он выдавал себя за одного из стратегов, организующих эти неприятности.

Амирхан Даутович пытался вспомнить, где-то он видел это жесткое, волевое лицо, характерный прищур пугающих холодом глаз, высокий лоб с едва заметными залысинами — то ли в картотеке особо опасных преступников, то ли встречал фотографию в документах, когда просматривал личные дела, инспектируя колонии на территории области. И вдруг, то ли желая сбить с него спесь, то ли проверяя, все ли он знает, Амирхан Даутович спросил:

— Не вы ли вскрыли у меня в прокуратуре сейф?

Для незваного гостя вопрос не оказался неожиданным, он сделал презрительную гримасу:

— Не мой профиль, шеф. Берите выше, я работаю не отмычкой, а головой. — И опять он поправил свою безукоризненную прическу. — А что касается вашего сейфа, то конечно, открыл его человек, отбывающий тут срок, но он о нашем деле, то есть о вашем, ни гугу. Ему сказали, что областной прокурор потерял ключи и его надо выручить. В сейфе нас прежде всего интересовали ваши амбарные книги по каждому району. В обмен на информацию из этих книг мы хотели получить содействие должностных лиц против вас. И, как видите, план вполне удался. Суд в районе, где случилось преступление, прошел без сучка и задоринки, и в Сардобском районе, где расположена Балан-мечеть, тоже оказали всяческую поддержку, судя по заключению комиссии полковника Иргашева. А за то, что повредили альбом, вы уж извините, у нас другого выхода не было. В вашей дыре нет копировальной машины, передающей цвет, а Духовное управление могла тронуть, вызвать праведный гнев только подлинная фотография.

— Почему вы мне все это рассказываете? Не бойтесь, что каждое ваше слово в определенной ситуации я могу повернуть против вас? Организованная преступность у нас карается сурово.

Незнакомец зло рассмеялся в ответ:

— Не боюсь, товарищ прокурор, не боюсь. За это и деньги получаю. «Организованная преступность»... Как вы боитесь произнести это определение, как вообще боитесь что-либо сообщать народу о преступлениях и преступниках, все тешите себя иллюзией: этого у нас нет, этого быть не может. Скажу вам, раз выпала мне такая честь — пообщаться с самим прокурором, попавшим в беду: преступность в основном и есть организованная, и так организована, что вам и представить трудно, иначе бы вы успешнее боролись. Вы же умный человек, разве вас не пугает такая компания: Суюн Бекходжаев, Герой Труда, депутат Верховного Совета, председатель колхоза, Акрам Садыков, член бюро обкома, крупное должностное лицо, тоже депутат, Иргашев, начальник областной милиции, прокурор Исмаилов, и я, профессиональный преступник, будем называть вещи своими именами.

Вот вы прокурор, из тех, что не идут на сделку с совестью, уж мы-то знаем, кто есть кто. Наверное, о том, что вы достойный человек, знают и люди на высоких пос-

тах, — почему же они оставили вас одного против Бекходжаевых, почему на бюро не приехал прокурор республики, чтобы защищать вас? Честно говоря, строя планы, мы не были уверены, что удастся растоптать прокурора области такими сомнительными анонимками и демагогическими выступлениями, но Садыков оказался прав, он, конечно, лучше знает вашу среду — у нас, в преступном мире, так легко оболгать человека не удалось бы. Воистину — тут, у вас, сместились все понятия о нравах.

— Ну, какие у нас нравы, позвольте разобраться нам самим, обойдемся без благородной помощи преступного мира. Не все так мрачно, как вам видится, молодой человек. А союз ваш — ненадолго, не так уж много в наших рядах Иргашевых, Бекходжаевых, иначе бы вы сейчас не отбывали срок, — прервал Амирхан Даутович философствующего преступника и заметил, что ночной посетитель нервно среагировал на его последнюю фразу. Значит, угадал...

— Много ли, мало, а вам они испортили жизнь, сломали карьеру. Ваша песня спета, прокурор, вы проиграли. А впрочем, давайте не будем препираться, мы люди полярных взглядов, проговорили уже с полчаса, а к делу и не приступали...

А прокурор, глядя на удобно устроившегося в кресле человека, думал о закрытых совещаниях в прокуратуре республики, где его коллеги не раз пытались поднимать вопрос о сращивании организованной преступности с органами правопорядка у них в крае, и как такие разговоры круто пресекались, а то и поднимались на смех, хотя примеры приводились далеко не смешные. Глядя на уверенно державшегося ночного визитера, Амирхан Даутович сейчас не поручился бы, что он «гастролер» и прибыл откуда-то из Ростова или Грозного, Москвы или Тбилиси. Он вполне мог быть выпущен полковником Иргашевым на время операции из мест заключения на территории области.

Если бы он мог, если бы он только мог задержать этого незваного гостя! Но Азларханов понимал, что сделать ему это не удалось бы. Во-первых, того наверняка подстраховывали, возможно, сообщник стоял в тени летней веранды и в мгновение ока оказался бы в комнате; во-вторых, преступник был вооружен. Амирхан Даутович сразу, еще в прихожей, отметил едва заметную ремennую лямку пистолета под мышкой, тонкий модный пиджак гостя не очень годился для такого снаряжения. А глав-

ное — что он мог сделать после двух инфарктов и тяжелой пневмонии с человеком безусловно сильным, да и жестоким. Глупо было бы погибнуть от пули, от приема каратэ или конфу, которыми, несомненно, владел этот человек, — не исключено, что ощущение этой власти силы над другими подтолкнуло его стать преступником. Обиднее всего, что убийство такое, случись оно, вряд ли когда-нибудь и раскрылось бы: преступник к утру вернулся бы к месту заключения, и какая светлая голова догадалась бы искать убийцу за тюремной решеткой?

Гость достал новую сигарету из длинной золотистой пачки, щелкнул дорогой зажигалкой.

— Бьюсь об заклад, вы никогда не догадаетесь, зачем я к вам пришел...

Амирхан Даутович не перебивал, давая возможность ему вновь разговориться.

— Скажу коротко: передать вам этот французский «дипломат», кстати, модную ныне вещь, и заручиться вашим честным словом. И ничего больше. Но прежде чем расшифровать свое скромное поручение, я должен передать вам от всей огромной семьи Бекходжаевых искреннее соболезнование по поводу гибели вашей жены.

Видя удивление Амирхана Даутовича, гость повторил:

— Да-да, самые искренние соболезнования. Не станете же вы утверждать, что вашу жену убили... специально... Это тот самый случай, который принято называть трагическим. В данном случае и для вас, и для Бекходжаевых трагичнее не придумаешь. Но от судьбы не уйти ни вам, ни им. Мне понятна и ваша утрата, понятна и позиция Суюна Бекходжаева. Он рассуждает так: понесет ли их сын наказание или нет, вашу жену уже не вернуть, и стоит ли губить еще одну судьбу? Цинично, но для такого цинизма есть причины. Суюн Бекходжаев имеет в этих краях определенную власть, и многие люди на высоких постах обязаны своим восхождением ему. В конце концов семейство не отрицает своей вины и готово нести ответственность, скажем, материальную, готово на определенную компенсацию. Против вас лично у них нет никаких предубеждений, и, не затевай вы столь решительно пересмотр дела, вы до сих пор оставались бы на своем посту областного прокурора. Так что поста вы лишились благодаря собственным усилиям, таковы жесткие условия игры: или вы нас, или мы вас, другого не дано. В случае вашего успеха понесли бы суровое наказание и полковник Иргашев, и прокурор Исмаилов, игра зашла слишком

далеко, и назад хода нет. Впрочем, извините за откровенность, мало кто думал, что вы выкарабкаетесь из двух инфарктов. Но опять же, повторяю, ни у кого не было мысли лишать вас поста областного прокурора, и в подтверждение — вот эта компенсация.

Незнакомец поднял на колени стоявший на полу вишневого цвета кожаный «дипломат», быстро набрал шифр. Раздался легкий щелчок, и крышка стала сама медленно подниматься. Как только «дипломат» открылся, гость развернул его к Амирхану Даутовичу.

— Здесь ровно сто тысяч, это компенсация за организованную нами потерю должности областного прокурора и вытекающих из этого благ: служебной машины, бесплатных путевок, буфета и т. д. Учли и предстоящую разницу в зарплате, и потерю коттеджа с великолепным садом, который наверняка у вас отнимут, вот до чего может довести упрямство...

Незнакомец неожиданно захлопнул «дипломат», ловким жестом опустил на пол, подтолкнул легонько ногой к креслу Амирхана Даутовича.

Амирхан Даутович молча, правда, не так ловко, как ночной гость, отпихнул носком ботинка «дипломат» обратно.

— Не устраивает сто тысяч? Мало? Впрочем, я бы тоже за потерю такой должности потребовал лимон.

Амирхан Даутович знал, что на жаргоне «лимон» означает миллион и что у них в крае есть подпольные миллионеры.

— У меня повышенная кислотность, и лимон мне противопоказан, не нужно мне и ста тысяч, да еще в таком роскошном «дипломате». Должность свою, на ваш манер, я никогда не оценивал в деньгах, так что напрасно думаете, что я лью слезы, потеряв место областного прокурора. Хотя, честно говоря, очень жалею, что потерял его в такой момент, когда у меня на многое открылись глаза, сегодня я работал бы уже по-другому. Моя личная трагедия высветила жизнь совсем по-иному. И поймите наконец вы со своими компаньонами, что не все потери в жизни компенсируются, не за все в жизни можно расплатиться деньгами...

Незнакомец вдруг хищно улыбнулся и похлопал в ладоши:

— Браво, прокурор, браво!

— Перестаньте паясничать! — оборвал Амирхан Даутович.

— Я не паясничая. Я сейчас выиграл пари в двадцать тысяч, — почему бы не поаплодировать себе? Поясню. Идея с этим «дипломатом» не моя, я сразу сказал — деньги он не возьмет, не тот человек. С ним, то есть с вами, по-другому надо говорить, вплоть до крайней меры, извините за откровенность. А братья смеются, говорят, кто же от ста тысяч откажется. Тогда я предложил каждому из них пари, в счет своего будущего гонорара за особые услуги... Так что на вашей порядочности я заработал двадцать тысяч...

— Тяжелый у вас хлеб, — прервал Амирхан Даутович посланника Бекходжаевых, — и я честно хочу предупредить: если наши пути пересекутся, а они пересекутся рано или поздно, я приложу максимум усилий, чтобы вы никогда больше не жили среди нормальных людей, вы крайне опасный человек, настолько опасный, что у нас даже статьи для таких нет.

Незнакомец поправил галстук и, улыбаясь, ответил:

— Я на вашу милость никогда и не рассчитывал и отдаю себе отчет, что мы с вами враги, настоящие враги — и стоим по разные стороны баррикад, как у вас говорится. Но ваша убежденность, вера мне нравятся, как это ни парадоксально, особенно, наверное, на ваш взгляд... Знаете, критерии человеческих отношений ныне настолько размыты, что настоящих врагов не осталось, наверное, только вы и я, товарищ прокурор, теперь, правда, уже бывший, поэтому давайте будем уважать друг друга. И, заканчивая нашу беседу, я хочу заручиться вашим честным словом, что вы отныне не будете настаивать на пересмотре дела по убийству вашей жены.

— Это тоже ваша идея? — спросил язвительно Амирхан Даутович.

— Да, моя, и она намного благоразумнее, чем те, на которых настаивают другие, назовем их «радикалами».

— И каковы же планы ваших «радикалов»?

— А вот этого я вам сказать не могу, чужие секреты. Но уверяю вас, жестокие планы, они пугают даже меня. Будьте благоразумны, прокурор, и примите мои условия. Вам сегодня не выиграть схватку, слишком неравные силы, и моральные и материальные, время на стороне Бекходжаевых. К тому же каждый ваш ход мы можем рассчитать наперед, или, точнее, рассчитали еще полгода назад и, как видите, до сих пор ни разу не ошиблись. Мы имели фору в полгода и, поверьте, не сидели сложа руки. Наши действия для вас непредсказуемы, как не-

предсказуемы и силы, что мы можем ввести по ходу дела. Ваши тетради оказывают нам бесценную помощь, слишком уж большому количеству уважаемых ныне людей выгодно лишить вас поста и дискредитировать.

Да и на что вы можете рассчитывать? У вас есть единственный шанс, или, точнее, единственный человек, на чью помощь и свидетельство вы можете рассчитывать. Тут вы нас немного опередили, успели перевести его в Ташкент, а жаль, у полковника Иргашева в отношении Джураева был интересный план, не успели реализовать, иначе не было бы сейчас у вас и этого шанса. Не скрою, мы проделали огромную работу и установили того, кто помог Джураеву так быстро задержать убийц. Установили и человека, с кем встречался капитан после суда. На них можете не рассчитывать, их и запугали и задобрили одновременно, припомнили им их собственные грешки, не получившие огласки в свое время. Если они до суда отказывались вам помочь, то теперь тем более. С Джураевым несколько посложнее, его не запугаешь и не купишь. Вам, наверное, известно, что однажды он задержал человека в бегах, у которого денег с собой было гораздо больше, чем в этом «дипломате». Задержанный просил в обмен на эти деньги отпустить его, но Джураев отказался.

Амирхан Даутович помнил этот случай не из-за денег, а потому что Джураев задержал особо опасного рецидивиста, на чьей совести было три убийства.

— Так вот... Джураев... А что, собственно, Джураев? Работа сыщика — опасная работа, и в ней всякое может случиться, вы это хорошо знаете, прокурор. Больше всего милиция теряет людей в уголовном розыске. Нам известны радиопозывные и рабочая частота его рации в машине. Ну, например, капитан, поздно вечером возвращаясь домой, проезжает мимо одного особняка, где частенько собираются люди, чьи биографии он бережно хранит в нагрудном кармане, и вряд ли, учитывая его храбрость и благородство, он избежит искушения встретиться с ними. Он не станет осторожничать, ведь там будут люди, за которыми он давно охотится. Но у нас есть возможность предупредить и тех, кто в особняке.

— И пусть выживет более удачливый?

— Нет. Капитан не выживет, потому что в суматохе, если надо будет, его пристрелит тот, кто будет страховать эту трогательную встречу. А поскольку там без вы-

стрелов не обойдется, он погибнет честно, на боевом посту, и смерть его ни у кого не вызовет подозрений.

Я логично рассуждаю, прокурор? У этого плана есть несколько страховочных вариантов, такому отчаянному человеку, как Джураев, несложно организовать встречу с пулей или ножом в темном переулке или подьезде. И последнее. Предугадываю, вы скажете: есть Азат Худайкулов, и, может, в нем заговорит совесть и он расскажет начистоту, как все было? Не расскажет. Потому что на снисхождение суда ему рассчитывать не приходится, а правда для прокурора его не волнует, его волнует его жизнь, когда он выйдет на свободу, а она целиком зависит от Бекходжаевых, как и жизнь его больной матери.

К тому же он не капитан Джураев и тревоги у нас не вызывает. Если надо будет, чтобы он замолчал навсегда, для полной гарантии, то он замолчит, будьте уверены. Он как раз работает на строительстве высотного дома, в третью смену, и ходит как сонная муха, того и гляди — сам улетит в монтажный проем.

Наверное, беседа затягивалась, и гость нервно глянул на свои часы.

— Теперь, надеюсь, и вы понимаете, в обмен на что я прошу вашего честного слова.

Амирхан Даутович сидел, понутив голову, он поверил сразу в этот иезуитский план клана — они хотели получить его молчание в обмен на две жизни, а в том, что они, спасая свои шкуры, не остановятся ни перед чем, прокурор не сомневался. Как ни парадоксально, оставалось только радоваться, что «радикалы» в группировке не одержали верх, и эти люди оставались живы до сих пор.

У Амирхана Даутовича перед глазами встала семья Джураевых, его двое маленьких детей. Вспомнился и сам Эркин, надежный и верный товарищ. Нет, какие бы цели ни преследовал Амирхан Даутович, он не мог сейчас собственной рукой подписать ему смертный приговор, как не мог рисковать и жизнью Азата Худайкулова, которому только недавно исполнилось восемнадцать лет.

Мысль прокурора работала лихорадочно, искала хоть какой-то просвет в тупике, но выходило, что загнали его основательно, не шевельнуться.

«Давать честное слово этому подонку, значит, стать перед ними на колени, признать их правоту...» — в отчаянии рассуждал Амирхан Даутович, не замечая, что гость уже нервничает и торопится.

И вдруг посланник Бекходжаевых, словно прочитав его мысли, сказал:

— Кажется, я допустил какую-то бестактность, требуя от вас дать честное слово, извините, я не буду настаивать на такой форме решения вопроса. Сделаем так. Я оставляю вас одного, взвесьте мои предложения и свои шансы. Ровно через полчаса, если вы приняли наши условия, включите в зале свет. Если нет, бог вам в помощь, дальше события будут контролироваться «радикалами».

— Вы числите себя в «либералах»? — еще нашел силы для иронии Амирхан Даутович.

— Представьте себе, да. И ваше счастье, что с вами говорят не они. — И гость, подхватив «дипломат», быстро выскользнул из кабинета.

Когда он проходил бетонной дорожкой вдоль летней веранды, Амирхан Даутович ясно уловил шаги еще двух человек.

Прокурор еще долго сидел, понутив голову, не находя в себе сил встать и что-то предпринять, потом он неожиданно вскочил и бросился к телефону. Поднял трубку одного, второго — телефоны не работали.

И впервые за долгую ночь чувство страха охватило его. Ведь у них могли быть варианты куда короче и надежнее...

Он прокручивал в памяти долгий разговор с ночным гостем, и порою казалось, что это сцены из детектива, причем детектива зарубежного; настолько все было нереально для нашей жизни, что поведай Амирхан Даутович кому-нибудь об этом разговоре, вряд ли его рассказ приняли бы всерьез. Но в том-то и ужас, что все было всерьез, прокурор знал это. И знание это не облегчало душу, он понимал: в том, что страшные люди, подобные ночному гостю, полковнику Иргашеву, прокурору Исмаилову и Бекходжаевым, здравствуют и считают себя хозяевами положения, есть и его прямая вина.

Но долго рассуждать ему о своей вине не пришлось: раздался слабый звук автомобильной сирены — с улицы напоминали, что время, отпущенное ему, истекло.

Амирхан Даутович тяжело поднялся, шатаясь, прошел в зал и на секунду включил огни.

В ответ клаксоны двух машин сыграли радостный марш и, разрывая ночную тишину, «гости» резко рванули по сонной Лахути.

Глава V

АЙСБЕРГ

1

С этой ночи, накануне Первомая, жизнь Амирхана Даутовича круто изменилась. Лишился он и должности, и получил суровое взыскание по партийной линии. Но подкосила его не тяжесть и несправедливость наказания, подкосила его откровенность и уверенность ночного посланника Бекходжаевых, открытие для себя неконтролируемого участка жизни. Выходило, что он все эти годы жил в каком-то изолированном и надуманном мире, а в жизни меж тем процветали слои, пласты ее, которые были неведомы ему даже как человеку, не то что прокурору. Куда его не допускали. А ведь он-то считал, что прочно стоит на земле и смотрит на жизнь глазами реалиста; выходит, действительность оказалась куда реальнее, многозначнее и мрачнее, чем он себе представлял. Спроси его кто до гибели Ларисы, знает ли он жизнь своей области, контролирует ли ее полностью, Амирхан Даутович, наверное, обиделся бы. Теперь он понимал: его знания были неполными, а точнее — в основном бумажными, телефонными, газетными, победные бумаги, рапорты застили ему саму жизнь. И даже останься Амирхан Даутович на своем прежнем посту, он все равно почувствовал бы свою надломленность — переход из веры в неверие никогда не проходит бесследно для людей честных.

Оставили его работать в прокуратуре на должности, с которой он некогда начинал в этом здании. Осенью он попал в больницу с нервным расстройством и пробыл там более двух месяцев.

— Вы потеряли какие-то жизненно важные для себя ориентиры... — говорил Амирхану Даутовичу лечащий врач.

И хотя пожилой врач считал, что нервное расстройство бывшего областного прокурора связано только с его личной трагедией и неожиданными последствиями после нее, диагноз он поставил точно. Но Амирхан Даутович, соглашаясь с доктором и признавая его диагноз, все же до конца откровенным с ним не был.

А расстройство, видимо, началось из-за того, что в стенах прокуратуры ему стал повсюду чудиться подвох: казалось, здесь идет какая-то двойная жизнь. Тайный пласт по-прежнему оставался скрытым от него, а открытый не внушал доверия. Он уже не мог, как прежде, с верой выслушивать на заседаниях своих коллег; за каждым выступлением пытался найти подтекст, понять, что стоит за их словами: корысть, скрытый расчет или все же интересы справедливости, закона. Раньше он не обращал внимания, когда шушукались по углам, — мало ли у людей личных забот. Не задевало его внимания, и кто навещается в прокуратуру и с кем общается. Теперь же ему казалось, что вся работа бывшего в его подчинении аппарата состоит из каких-то тайных встреч, шушуканий не только по углам, но и за закрытыми дверьми. Еще год назад он вряд ли обращал особое внимание на то, с кем дружат его коллеги, подчиненные. Теперь же он замечал, что многие из них на дружеской ноге с завмагами, директорами, и люди эти, которым, по расхожему мнению, следовало бы за версту обходить здание прокуратуры, не таясь заезжали сюда на собственных машинах за своими приятелями, уверенно держались в коридорах. Раньше Амирхану Даутовичу как-то не бросалось в глаза, что даже у самых молодых сотрудников прокуратуры есть собственные «Жигули». И хотя он получал в три раза больше, чем владельцы личных машин, они с Ларисой едва сводили концы с концами. Правда, немалую толику средств тратили они на коллекцию, на альбомы и книги. Но все равно о «Жигулях» и не помышляли, хотя машина Ларисе в ее разъездной работе была просто необходима.

А приглашения на свадьбы и иные частые торжества? Почему так настойчиво зазывались работники прокуратуры и к кому? И этих связей никто не тайл, даже с гордостью рассказывали наутро, что были у того-то или того-то, и какие роскошные столы были накрыты на пятьсот

человек, и какие щедрые подарки им там преподнесли, якобы по национальному обычаю. А ведь хлебосольный хозяин, так восхищавший коллег, был всего лишь заведующим складом с зарплатой в сто двадцать рублей.

Когда Амирхан Даутович попытался завести разговор о профессиональной этике работника правосудия, его подняли на смех:

— Ах, вот как вы заговорили, сменив кабинет? Что же вы вчера молчали, когда сидели этажом выше?..

Как бы ни противилась его душа тому, чтобы подозревать своих коллег, но ведь кто-то же помогал Иргашеву вскрывать сейф, рыться в его бумагах. Кто-то помогал отыскать в давно прошедших днях даты, когда он посещал Сардобский район. Возможно, кто-то из ближайших коллег консультировал как юрист несправедливое дело Бекходжаевых, помог ускорить суд, свести концы с концами. Оттого его нервы были натянуты до предела. И в одном из нелюдских разговоров с коллегами он сорвался, в результате чего и очутился в психо-неврологической больнице.

Корпуса больницы, бывшей когда-то военным госпиталем, возводились давно, одновременно со зданием, где ныне располагался обком партии, и оттого здание окружал ухоженный парк, предусмотрительно разбитый не то архитекторами, не то первым медицинским персоналом. Окна палаты Амирхана Даутовича выходили на дубовую аллею, и могучие дубы уже роняли желуди, с сухим треском падавшие на асфальт садовых дорожек. Лежал он в одноместной палате, светлой, с высоким потолком и большим окном. Палата правилась Амирхану Даутовичу, она действовала на него успокаивающе. Старые мастера строили не только добротнo и на века, но и наверняка знали какие-то особые секреты, чтобы храм получился как храм, театр как театр, а госпиталь как госпиталь.

— Мне кажется, даже стены здесь дышат милосердием, — сказал Амирхан Даутович главному врачу больницы. Наверное, он знал, что говорил, потому что в последний год достаточно имел дела с больницами.

Главврач Зоя Алексеевна Ковалева, хорошо знавшая Ларису и даже бывавшая в свое время у них в доме, по-женски участливо отнеслась к Амирхану Даутовичу. Он был окружен заботой и вниманием — оттого и одноместная палата, которая ныне по рангу вроде и не была ему положена. Больница отличалась строгим режимом, но у Амирхана Даутовича уже через две недели наладился

свой распорядок. Осень в тот год выдалась без дождей, теплой, и он подолгу гулял в парке; старые дубы, мирно ронявшие желуди, действовали на него успокаивающе. Тем летом как раз вышло новое двухтомное издание «Опытов» Монтеня в серии «Литературные памятники», и Амирхан Даутович подолгу просиживал наедине с книгой где-нибудь в беседке — укромных уголков в парке было много, и Амирхан Даутович не переставал удивляться, отыскивая их почти на каждой прогулке.

Наверное, в больнице Амирхан Даутович задержался бы не более трех-четырех недель, если бы главный врач случайно не узнала, что уже готово решение отобрать у Азларханова коттедж на Лахути. Еще одна неожиданная крутая перемена в жизни могла непредсказуемо повлиять на психику ее больного, и Ковалева постаралась продержат его в стенах больницы подольше. Зная, что вопрос с коттеджем решен окончательно, она исподволь готовила Амирхана Даутовича к мысли, что ему нужна маленькая, уютная квартира, наподобие его палаты, где он будет чувствовать себя увереннее. Настойчиво внушаемая врачом мысль сделала свое дело — Амирхан Даутович вполне искренне стал соглашаться, что ему действительно нужно отказаться от дома на Лахути. Впрочем, для него важнее было другое: слишком многое напоминало там ему о Ларисе.

Жалея Амирхана Даутовича, щадя его здоровье и психику, а главное — самолюбие, главврач уговорила его написать заявление о том, что он добровольно отказывается от коттеджа, и пообещала, пока он лечится, через горисполком подыскать ему необходимое жилье; она уже знала, где определили Амирхану Даутовичу однокомнатную квартиру. Когда Азларханов написал заявление — отказ от коттеджа на Лахути, сам по себе встал вопрос: как же быть с коллекцией Ларисы Павловны?

Амирхан Даутович вполне резонно заметил, что отныне собрание жены для него существует только в альбомах и каталогах, с которыми он не намерен расставаться, а саму коллекцию, которую ташкентские эксперты оценили в сто пятьдесят тысяч, готов безвозмездно передать местному краеведческому музею, где начинала свою работу Лариса Павловна.

Но вот с передачей коллекции музею вышла заминка... Амирхана Даутовича попросили не указывать в дарственной, которая заверяется юридически у нотариуса, стои-

мость коллекции в сто пятьдесят тысяч, иначе музею придется брать на баланс такую огромную сумму.

Азларханов же настаивал на указании в дарственной полной стоимости, ссылаясь на недавнее заключение экспертов, и дело на время застопорилось. Тогда директор музея предложил компромиссное решение: он сказал, что приобретет коллекцию по цене, которую определяют свои, местные эксперты-искусствоведы. Под уговорами врачей — а дело вершилось, пока Амирхан Даутович находился в больнице, — Азларханов дал согласие на такой вариант. И вскоре в больницу принесли заключение местных экспертов, где коллекция Ларисы Павловны Тургановой оценивалась в одну тысячу четырнадцать рублей шестьдесят две копейки.

Амирхан Даутович, держа в руках бумагу, долго смотрел на это заключение, не в силах вымолвить ни слова... Может быть, ему виделось бюро обкома, загнипнотизированное суммой в сто пятьдесят тысяч, а может, припомнился страшный ночной гость, угадавший цену с поразительной точностью, хотя и был экспертом совсем иного рода. Затем, взглянув на Зою Алексеевну, стоящую рядом с директором музея, бывший прокурор поставил свою размашистую подпись, означавшую, что он согласен с такой оценкой.

Полковник Иргашев уже несколько раз звонил в больницу, чтобы Амирхана Даутовича поторопили с освобождением жилплощади: коттедж на Лахути переходил к нему, и он спешил переехать до зимы.

Как только музей, с помощью Иргашева, вывез коллекцию Ларисы Павловны в свои запасники, Зоя Алексеевна объявила Амирхану Даутовичу, что вопрос с обменом жилплощади решен и необходимо срочно переезжать. Сказала, что хлопоты по переезду решили взять на себя его коллеги по прокуратуре, хотя на самом деле все обстояло иначе. Иргашев доставил на Лахути милицейский взвод, и молодые ребята за два часа перевезли весь нехитрый скарб бывшего прокурора на квартиру в новом микрорайоне, причем милиционеров крайне удивила бедность (по их понятиям) хозяина особняка на Лахути; этот же взвод помогал весной переезжать полковнику Иргашеву в областной центр, и там уж пришлось потрудиться!

Чтобы не вызвать у Амирхана Даутовича подозрений в отношении квартирного обмена, и после того, как его вещи находились уже на другом конце города, Зоя Алек-

сеевна продержала бывшего прокурора в стенах больницы еще две недели. И эти две недели упорно добивалась для него путевки в неврологический санаторий где-нибудь подальше. Подальше, в центральные санатории, не получилось — Амирхан Даутович уже не числился номенклатурным работником; нашлась путевка в местный санаторий Оби-Гарм, в горах Таджикистана. В том, что Азларханову необходимо срочно сменить обстановку, Ковалева была уверена как врач. Гулявшие в городе слухи, что у прокурора отобрали коттедж и коллекцию, могли вызвать новый рецидив болезни, и оттого путевка оказалась как нельзя кстати. Переночевав на новой квартире всего один раз, Амирхан Даутович уехал продолжать лечение в санатории...

2

Так сложилась жизнь, что Азларханов никогда не бывал раньше ни в горах, ни на море, а тут в один год судьба забросила по весне в Ялту, а поздней осенью в горы Таджикистана. Ни организовать, ни отменить ни ту, ни другую поездку Амирхан Даутович не мог — так распорядилась жизнь: весь последний год он, считай, жил в тисках обстоятельств. «Год потерь, — однажды горестно вырвалось у него. — Потерял Ларису, потерял дом. Потерял сад, который холил и лелеял десять лет. Потерял работу, потерял честное имя... Потерял коллекцию, музей под открытым небом... Потерял не только Ларису, но и все, что она создала. Потерял здоровье...»

Но сама жизнь питает человека надеждой, верой... Осень в горах в тот год выдалась на удивление долгой, теплой. Лес на крутых склонах Гиссарского хребта еще не обронил листву и стоял, полыхая багряными всплесками кленов. Сады на горных трассах, виноградники одарили урожаем, доносило запах спелых яблок, груш, айвы, хурмы. По вечерам в горах заметно свежело, и оттого с наступлением темноты, на пионерский манер, за территорий санатория жгли костры. Амирхан Даутович любил, закутавшись в чапан, просиживать у огня часы перед отбоем. У костра обычно не вели шумных разговоров, не веселились, и это вполне устраивало его.

Днем он подолгу гулял в окрестностях санатория, иногда пропускал обед, но никогда не жалел об этом, жалел о том, что так запоздало в жизни общается с природой. Иногда приходила в голову отчаянная мысль бро-

силье город, прокуратуру, найти в горах посильное дело где-нибудь в заповеднике или лесничестве и так дожить оставшиеся дни.

Но потери, случившиеся в последний год, были столь велики, что он не мог не думать о них, как бы ни гнал от себя эти мысли. И оттого однажды на прогулке он принял решение все же подробно написать о том, что случилось с ним и его семьей, прокурору республики. В горах у него уже было облюбовано место, где он подолгу просиживал с книгой, время и ветры так обработали горную породу, что получился как бы настоящий письменный стол с креслом. Целую неделю он провел за этим каменным столом, сотворенным природой, и исписал своим аккуратным почерком толстую общую тетрадь; подробно обо всем, что произошло с ним за последний год, и что он обо всем этом думает. Не забыл написать и о том, что нашумевшую коллекцию жены недавно оценили в тысячу рублей и что он ее безвозмездно передал в местный краеведческий музей. Написал и о «дипломате» со ста тысячами, и о ночном госте, и его друзьях — полковнике Иргашеве, прокуроре Исмаилове, депутатах Бекходжаевых. Просил обезопасить жизнь капитана Джураева и заключенного Азата Худайкулова.

Отправив в Ташкент тетрадь ценной бандеролью, Амирхан Даутович несколько воспрянул духом, повеселел. Тогда, накануне Первомая, уступив жестким условиям клана Бекходжаевых, он посчитал свое решение капитуляцией. И этот поступок тоже жег ему душу, не давал покоя. Но вот спустя чуть более полугода он нашел в себе силы, чтобы снова начать борьбу.

Отчаянная исповедь Амирхана Даутовича благополучно дошла из соседней республики до Ташкента и попала в канцелярию прокурора республики. Более того, попала в руки человека, хорошо знавшего и уважавшего Азларханова, и тот, начав ее читать, не смог уже остановиться до самого конца. Прочитав послание, он тут же позвонил в областную прокуратуру, где работал Азларханов. Трубку поднял человек, некогда помогавший полковнику Иргашеву вскрывать сейф Амирхана Даутовича.

— Я получил очень странное и страшное до неправдоподобия письмо от Азларханова, как бы мне с ним связаться?

Но отвечавший не растерялся:

— Странное? Да каким же должно быть письмо из психушки...

На другом конце провода возникла тягостная пауза.
— Как из психушки?

— Да так, к сожалению, из настоящей психушки. Держали тут его чуть ли не три месяца в отдельной палате для тяжелобольных, а теперь отправили подальше, в горы.

И остальная часть телефонного разговора была о превратностях жизни, о печальной судьбе некогда известного в крае прокурора...

Начальник канцелярии прокуратуры республики после разговора долго сидел в растерянности и недоумении. «Какая странная и страшная судьба и как непредсказуемы обстоятельства — за год сломали и разметали жизнь человека, у которого, казалось, такие блестящие перспективы», — думал коллега Амирхана Даутовича. Затем профессиональная привычка и осторожность взяли верх, он понимал, что самое лучшее не только доверять, но и проверять. Тут же связался с неврологическим диспансером. К сожалению, сообщение человека из областной прокуратуры, что Азларханов после больницы продолжает лечение в горах, подтвердилось. Он долго раздумывал, как поступить с тетрадью, положил на время в нижний ящик стола, месяца через два вспомнил, хотел официально сдать в архив, но ее на месте не оказалось.

А в областном городе человек полковника Иргашева, говоривший с начальником канцелярии, довольно потирал руки, что так ловко ввернул про неврологическую больницу. Затем, возбужденный удачей, он выскочил в коридор и с печалью в голосе поведал первому же встречному сотруднику, что, мол, сейчас звонили из Ташкента и намекнули: почему, мол, держите душевнобольных в прокуратуре. И пошла гулять по прокуратуре новая волна слухов...

3

Вернулся из Оби-Гарма Амирхан Даутович домой, на новую квартиру, накануне Нового года. Уже второй Новый год встречал он без Ларисы: уходящий провел в реанимационной палате областной больницы, а этот предстояло встретить на необжитой квартире. Выходило, что у него два праздника сразу, новоселье и Новый год, но не было у него праздника в душе. Вспомнил он, как прежде с Ларисой наряжал в эти дни голубую ель в своем саду на радость окрестной детворе.

«Как там новые, незнакомые хозяева на Лахути, догадуются ли нарядить ель?» — мелькнула на секунду и пропала мысль — заботы обступали его со всех сторон. Ведь он даже не разложил вещи толком, с тех пор как перевезли их с Лахути. На новой квартире не было у него привычного и столь необходимого в быту телефона, может, кто-нибудь справился бы о его здоровье, поздравил, пожелал ему более удачного года. Не был он знаком и с соседями, не удалось ему даже включить телевизор — в областях нужна мощная наружная антенна, а у него не было даже комнатной, все осталось на Лахути, в прежней жизни. Единственным утешением оказалось для него, что к полуночи он более или менее удачно растолкал свои вещи, квартира обрела жилой вид. Когда местные куранты отбивали начало 1980 года, он сидел на кухне, за скромно накрытым столом, и надеялся, что наступающий год будет для него удачнее и счастливее, чем два последних.

Но не стали более милосердными ни наступающий, ни следующие за ним годы... К тому времени, как он вернулся из Оби-Гарма, слух о том, что якобы Ташкент настаивает на его увольнении из областной прокуратуры, давно витал в ее стенах. Сделали даже попытку заполучить в неврологической больнице бумагу о том, что Азларханову работа в органах правопорядка противопоказана. Но Зоя Алексеевна выдержала давление и на подлог не пошла, объяснив ретивому начальнику отдела кадров, что подобное нервное расстройство может произойти с каждым, даже не испытывавшим того, что довелось вынести Амирхану Даутовичу.

В прокуратуре Азларханов проработал до лета, пришлось уйти, слишком уж нервная обстановка складывалась вокруг него. Способствовало и то обстоятельство, что он был прежде прокурором требовательным, и теперь всяк пытался при случае припомнить ему давние обиды. Может, это случилось и оттого, что травля его как бы поощрялась новым руководством.

Устроился он на завод, откуда приходил к нему когда-то жаловаться токарь-эстонец, которого несправедливо обошли с наградой. Работа юриста на небольшом заводе не была обременительна для Амирхана Даутовича, но через год у него начались неприятности: к тому времени он разобрался в технологии производства, сбыте, себестоимости и плановых затратах на продукцию.

Производство было настолько несложным, бесхитрост-

ным — ассортимент изделий не менялся десятки лет, — что только абсолютно равнодушный человек не мог вникнуть в суть дела. А вникнув, Амирхан Даутович даже несколько растерялся: на новой работе от него требовали одного — отстаивать только интересы предприятия, а они, по глубокому убеждению Амирхана Даутовича, разобравшегося с производством, противоречили интересам государства и потребителя, а если уж быть до конца откровенным, зачастую наносили только вред. Это-то и попытался объяснить он своему новому руководству, доказывая необходимость перестройки дела во благо и предприятия, и государства, и потребителя. Но его не захотели ни выслушать серьезно, ни понять, более того, когда за ним закрывалась дверь, крутили пальцем у виска: ненормальный, сам себя без премии хочет оставить. После одного крупного скандала, когда Амирхан Даутович отказался подписывать акт на списание, ему пришлось уволиться.

Новую работу он искал долго... Мучился, переживал и оттого частенько навещался к Зое Алексеевне. Она же благодаря своим связям помогла ему найти работу на кирпичном заводе в пригороде. Эта работа оказалась для Амирхана Даутовича еще более тягостной, чем прежняя, потому что к тем же проблемам и разногласиям с администрацией завода, что существовали и прежде, добавились новые...

Больше половины рабочих завода были из досрочно освобожденных заключенных, давших согласие оставшийся срок отработать в горячих цехах кирпичного — так называемые вольнопоселенцы. И тут как юрист Амирхан Даутович видел явные промахи закона. Ведь чтобы выйти из заключения на вольное поселение, осужденные соглашались на все, но согласие отнюдь не подкреплялось желанием и умением работать в горячих и опасных цехах. Странное это было социалистическое предприятие, и Амирхан Даутович откровенно жалел и рабочих, и администрацию, и самого себя, потому что ему нередко приходилось подменять то мастера, то технолога, учетчика или кладовщика — текучка была здесь невероятной, больше увольнялось, чем принималось, недостающий персонал пополнялся досрочно освобожденными... Не проходило недели без каких-либо происшествий или несчастных случаев. Работа Амирхана Даутовича осложнялась тем, что уже на другой день после его появления на территории все вольнопоселенцы знали, что он бывший об-

ластной прокурор; это, мягко говоря, не вызвало симпатий у издерганных, озлобленных людей.

И Зоя Алексеевна с новой энергией принялась искать работу Амирхану Даутовичу, но повсюду встречала то вежливый, то холодный отказ, хотя знала, что юристы на тех предприятиях, куда она обращалась, были нужны.

— Стена, заговор какой-то против человека, — говорила она в отчаянии своим подругам, тоже в свое время хорошо знавшим Ларису Павловну и Азларханова.

Однажды Амирхан Даутович вернулся с работы поздно вечером — вышла из строя обжиговая печь, и вся администрация принимала участие в ремонте, потому что большинство рабочих не интересовал ни заработок, ни производительность, ни качество, им лишь бы день прошел, им среднее все равно выведут, и пусть за все голова у начальства болит, им даже было лучше, если завод не работал. Задержался он и на остановке, более часа прождал автобус, хотя тут же висел график движения и объявленный интервал не превышал десяти минут. Поведай ему кто в его бытность областным прокурором, что автобусы в области ходят с часовым перерывом, что есть предприятия, подобные кирпичному заводу, он бы наверняка сказал: сгущают краски, обобщают частные, не типичные случаи.

И к той горестной вине, что признал он за собой в апрельскую ночь, после ухода ночного посланника Бекходжаевых, он без жалости к себе прибавлял и горе-завод, и автобус, который люди дожидаются часами. Ведь все это должно было находиться под контролем прокуратуры, а он возглавлял ее десять лет; ведь это он, прокурор, должен был отстаивать интересы граждан, вынужденных пользоваться подобными маршрутами и работать на таких дышащих на ладан предприятиях.

Наверное, на кирпичном заводе у него впервые и зародилась мысль продолжить свою теоретическую работу в области права, но уже не для докторской, как рассчитывал когда-то. Нет, не волновала его теперь ни докторская, ни какая другая ученая степень; но как человек, как гражданин он не имел права не обобщить опыт последних трех лет жизни.

В почтовом ящике вместе с газетой лежало письмо. Писем Амирхан Даутович ни от кого не ждал, потому удивился. Не имело письмо и обратного адреса.

На миг ему подумалось — может, Бекходжаевы еще чем-нибудь решили порадовать, но он ошибся. Письмо

оказалось от доброжелателя, от анонимного доброжелателя. Это обрадовало и огорчило Амирхана Даутовича одновременно. Если даже добро люди пытаются делать тайно, это еще раз говорило о неблагополучии нравственной атмосферы вокруг. В письме была вырезка из газеты и краткая записка, отпечатанная на машинке. Амирхан Даутович сразу узнал пишущую машинку из прокуратуры, потому что часто сам печатал на ней и видел сейчас четкий дефект, свойственный только ее шрифту: у буквы «ф» не хватало одного кругляша. В записке говорилось, что отправитель письма знает о трудном положении Амирхана Даутовича; ему вряд ли найти в области подходящую работу, потому что его недоброжелатели широко распространили слух о его первом заболевании — оттого-то ему везде и отказывают.

Доброжелатель предлагал обратить внимание на объявление в газете, вырезку из которой прилагал.

Более того, он сообщал, что Амирхан Даутович туда уже рекомендован и там его ждут. Объявление в газете гласило: «Консервному заводу срочно требуется опытный юрисконсульт. Оплата по штатному расписанию. Предоставляется жилплощадь в ведомственном доме».

Амирхан Даутович долго мял в руках письмо и понимал, как оно оказалось кстати: после двух инфарктов и тяжелой пневмонии работать в горячих цехах среди пыли, да еще среди озлобленных людей у него уже не было сил. Иногда среди дня ему казалось, что он сейчас упадет или на узкоколейку, или на вагонетки с горячими кирпичами и уже больше никогда не поднимется. Пробегая трижды на дню по территории склада готовой продукции, он каждый раз думал: вот сейчас этот криво-косо уложенный штабель кирпича рухнет на него, и это будет конец. Но как ни странно, он не испытывал страха, хотя знал, что такие происшествия бывали, и все списывалось — несчастный случай на производстве. Да и попробуй отыскать виновника, когда над территорией склада целый день не опадает пыльный туман, а от лязга и скрежета старых вагонеток не слышно ничего уже в двух шагах, и народ тут тертый, найдет время и место поудачнее, чтобы свалить на голову что-нибудь потяжелее, если задумает.

Да и был ли смысл, ради чего стоило держаться за такую работу? Тому, что он попал сюда, могли радоваться только Бекходжаевы.

Поэтому, долго не раздумывая, утром из заводоуправ-

ления он позвонил в соседнюю область по телефону, указанному в газетном объявлении. По тону разговора сразу уловил, что о нем кто-то ходатайствовал и там его действительно ждали. Не возникло проблем и с переездом: машина с консервного завода через день доставит сюда на областную базу свою продукцию и может перевезти вещи прокурора хоть в один прием, хоть в два, как будет удобно самому Азларханову, пусть только назовет день. На том и согласились.

Амирхан Даутович поспешил подать заявление, и уже через день получил расчет, потому что в понедельник он ждал машину с консервного завода.

В воскресенье, упаковав книги и сложив свои нехитрые пожитки, Амирхан Даутович поехал на кладбище попрощаться с Ларисой.

Ему правился этот памятник из темно-зеленого с красными прожилками гранита, сделанный братьями Григорьянами. Как и обещали, поработали они от души. Памятник Григорьянов вряд ли напоминал кладбищенское надгробие, он вполне мог быть выставлен на любой художественной выставке — чувствовалась твердая рука и вкус настоящих скульпторов. Хороша была и низкая, отлитая по их эскизам, бронзовая ограда. На кладбищенской земле и деревья растут быстро, и сейчас вокруг могилы тополя и дубы заметно поднялись, а кусты роз так щедро разрослись, что скрывали соседние ограды.

Амирхан Даутович бывал здесь часто, почти каждое воскресенье, потому могила Ларисы Павловны была ухожена. У памятника он пробыл долго и спустился с кладбищенского холма, когда начало смеркаться.

Возвращаясь, он решил заглянуть на Лахути, попрощаться с домом, где он вырастил сад, где прожил почти десять лет и где был так счастлив с Ларисой. Все эти годы, послушный совету Зои Алексеевны, он избегал не только разговоров, даже мыслей о своем бывшем доме.

Кто живет или жил там в эти трудные для него времена?

Свернув на Лахути, Амирхан Даутович не увидел привычной высокой стены живой изгороди. И это так ошеломило его, что он невольно замедлил шаг. Кусты ограды, так радовавшие его и Ларису, были безжалостно выкорчеваны, а двор со всех сторон окружала мощная бетонная ограда из плит перекрытия, поставленных вертикально: прямо-таки железобетонная крепость возникла перед прокуром.

«Видно, большой начальник живет, раз целую пятиэтажку оставил без панелей перекрытия», — подумал Амирхан Даутович, подходя к своему бывшему дому.

Азларханов долго ходил вокруг коттеджа, ему хотелось заглянуть во двор, но это оказалось не просто. Прежней зеленой калитки, обычно не запертой, теперь не было, ее заменили мощные железные глухие ворота, выкрашенные в зловещий черный цвет. Все крепко, надежно, на века, нигде ни щелочки — ни в заборе, ни в воротах.

У соседнего дома в переулке стояла пустая железная бочка, и Амирхан Даутович подкатил ее к бетонной ограде. Освещение во дворе, видно, не убрали, и сейчас кое-где на дорожках уже горели огни. Двор свой Амирхан Даутович не узнал. От того двора, задуманного Ларисой, не осталось и следа, да и зачем он был нужен новому, наверное, с крепкой хваткой, хозяину. Не осталось ни одного карликового деревца, с такими трудами собранных отовсюду и так долго приживавшихся. Не было уже и бассейна, выложенного голубым кафелем, исчезли и английские лужайки. Спилили могучий дуб в углу двора, в тени которого по весне расцветали крокусы, ни одного редкого, экзотического дерева, которыми так гордилась Лариса. Сказать, что двор пришел в упадок, зачах, Амирхан Даутович не мог; здесь царил новый порядок: грядки, грядки, грядки — и ни одного бесполезного цветка.

Дом сиял огнями, из распахнутых настежь окон слышалась музыка.

«Наверное, смотрят телевизор, — подумал Амирхан Даутович, оглядывая напоследок безлюдный двор. — Надо будет спросить, кто же это оградился от мира таким железобетонным забором?»

Но в этот момент щелкнул выключатель на открытой веранде, и в свете огней Азларханов увидел знакомую фигуру в полосатой пижамной паре. Амирхан Даутович поначалу подумал, что обознался, но тучный человек властно крикнул кому-то в доме, чтобы выносили самовар, и последние сомнения прокурора развеялись. Да, он не ошибся, в его доме жил и здравствовал полковник Иргашев

4

Вот какой бы долгий разговор мог состояться, встречайся Амирхан Даутович в тот вечер в «Лидо» со своими бывшими коллегами.

Вряд ли Азларханов собирался кому-нибудь жаловаться на свою судьбу, а ведь рассказ о себе, о Ларисе иначе и выглядеть не мог и ничего, кроме жалости и сострадания, не вызвал бы. Поверженные, побежденные редко вызывают другие чувства, такова уж человеческая психология — Амирхан Даутович знал это, поэтому и не хотел встречаться ни с кем из бывших знакомых. Теперь он понимал, что прав оказался тот ночной гость, когда сказал, нынче время Бекходжаевых, и все его попытки добиться справедливости заранее обречены на провал. На справедливость он мог рассчитывать только при изменении общей обстановки в стране, когда само время больше не сможет терпеть Бекходжаевых и насаждаемых ими порядков и нравов.

Совершая каждодневные вечерние прогулки по улице Буденного, Амирхан Даутович больше не заходил ни в один из ресторанов — не хотел ни с кем встречаться, даже случайно.

Неожиданная ревизия собственной жизни как бы укрепила его дух, утвердила еще раз в мысли, что работа его над юридическим исследованием необходима, нужна людям.

И он понимал, что должен спешить, спешить из-за здоровья — все чаще и чаще сердце давало знать о себе. Была еще одна причина, почему он торопился. Чувствовал Амирхан Даутович — особенно после того, как оставил пост областного прокурора и жил жизнью большинства людей, разделяя с ними тревоги и заботы, — что в стране на первый план неожиданно выдвинулись люди, подобные Бекходжаевым. Правда, в газетах и по телевидению еще продолжали восхищаться «бегом на месте» под бурные аплодисменты, и Бекходжаевы еще крепко сидели в своих креслах, но недовольство все растущей социальной несправедливостью уже витало в воздухе, и Амирхан Даутович не мог этого не замечать. Да и как не заметишь день и ночь переполненные рестораны городка, пьяные оргии, картежную игру по-крупному и все растущую вольность нравов — словно пир во время чумы.

И если Амирхан Даутович при всем желании не мог укоротить время царствования Бекходжаевых, то к новому, грядущему времени он хотел прийти не с пустыми руками — он понимал, что придется перестраивать многое.

Прошла неделя, вторая, и Амирхан Даутович, поглощенный работой, постепенно забыл о музыке давних юношеских времен, заставившей его в воспоминаниях заново прожить жизнь, забыл и о посещении ресторанчика «Лидо», где незнакомцы так учтиво раскланялись с ним, — хотя ежевечерние прогулки по улице Буденного продолжались.

Но пришел день, и его размеренная жизнь нарушилась.

Как-то вечером, когда он вернулся с прогулки, у двери раздался звонок. Время было позднее, гостей он не ждал — в этом городе почти ни с кем не общался, — поэтому ночной звонок удивил. Все же дверь он открыл. В полутьме на лестничной площадке стояли двое — из тех, что раскланялись с ним недавно из-за соседнего столика в «Лидо».

— Добрый вечер, Амирхан Даутович, — приветствовали ночные гости хозяина дома. — Проезжали мимо, видим огонек, решили зайти проведать, не возражаете?

Теперь, лицом к лицу увидев этих мужчин — каждому едва ли было за сорок, — Амирхан Даутович убедился еще раз, что он их не знает. Нельзя сказать, чтобы бывший прокурор обрадовался ночным визитерам, но он не испугался и не растерялся. Терять ему в этой жизни больше было нечего, все дорогое уже потеряно или отнято. Поэтому он шире распахнул картонную дверь своей квартиры и пригласил неожиданных гостей в дом.

Те прошли в комнату, представились. Повыше ростом, голубоглазый, уверенный, назвался Артуром Александровичем, а другой, чернявый, вертлявый — Икрамом Махмудовичем. Амирхан Даутович предложил сесть, но гости усаживаться не спешили. Оглядев более чем скромную обстановку в комнате, Артур Александрович сказал:

— Что ж так бедно живете, Амирхан Даутович?.. — Видимо, вопрос был приглашением к разговору, но Амирхан Даутович промолчал. — Не жалеете, что отказались от компенсации в сто тысяч?

Наверное, гость ожидал, что Азларханов удивится неожиданному вопросу, но прокурора уже ничего не удивляло после того, что произошло с ним, поэтому он ответил бесстрастно:

— Нет, не жалею... — Усмехнувшись, в свою очередь, спросил: — И много вы знаете таких подробностей из моей жизни. Артур Александрович?

Гость оживился, довольный тем, что сумел заинтересовать хозяина дома.

— Думаю, что много. Пожалуй, ничью биографию я не изучал так досконально — ни в школе, ни в институте, как вашу...

— За что же мне выпала такая высокая честь? — поинтересовался Амирхан Даутович — разговор начинал вызывать у него интерес.

— Не спешите, все узнаете в свое время. Одно могу сказать, прокурор... — не возражаете, если я буду вас так называть? — изучал я вашу биографию по личной инициативе и, не скрою... с симпатией. Хочу надеяться, что мы с вами будем друзьями, по крайней мере нам этого очень хочется.

Амирхан Даутович не понимал, куда клонит гость, но то, что он сразу попытался расположить к себе, настораживало. Ему уже ясно стало, что никакие это не бывшие его коллеги и не работники партийного или советского аппарата, за кого он принял их тогда в «Лидо». Но вот кто они, он и предположить не мог.

Артур Александрович, видимо, желая быстрее перейти к делу, выложил еще один козырь:

— Мы даже знаем, кто убил вашу жену, и можем сообщить, что Анвар Бекходжаев с прошлого года работает прокурором в районе, где некогда совершил преступление. Ну а чтобы вы не сомневались, что мы знаем о вас все, Икрам зачитает то, что нам удалось собрать о вас. Пожалуйста, Икрам.

Чернявый, подвижный Икрам Махмудович, все время вырвавший глазами по сторонам, явно отрететированным жестом открыл кожаную папку и достал бумаги.

— Итак... Азларханов Амирхан Даутович, родился в 1933 году, в Сибири. Воспитывался в детском доме, так как родители, юристы, были репрессированы в 1937 году. Служил четыре года в военно-морском флоте на Тихом океане. Закончил в родном городе университет с отличием и аспирантуру в Москве. Был женат. Жена — Лариса Павловна Турганова, искусствовед, собравшая частную коллекцию восточной керамики, которая неоднократно выставлялась за рубежом. В 1978 году...

Амирхан Даутович остановил жестом чернявого — читать тому еще предстояло много, и бывший прокурор не сомневался, что знают о нем все или почти все.

— Зачем вам это? — спросил он устало. — Вряд ли

я нынче представляю для кого-то интерес, даже шантажировать меня нет смысла...

Артур Александрович нетерпеливо перебил хозяина:

— Мы не шантажисты. И, пожалуй, вы правы, что едва ли для кого-то представляете нынче интерес. Время такое, интерес, внимание только к тем, кто на коне, то есть в кресле. Однако хотелось бы, чтобы вы не принимали нас и за филантропов, у нас совсем другие цели, но они не могут принести вам худого, наоборот, изменят вашу жизнь в лучшую сторону. А то, что нам пришлось столь тщательно изучить вашу биографию, этого требовали обстоятельства, вы потом это поймете и, надеюсь, не будете в претензии. Слишком многое мы собираемся вам вверить, оттого и не хотели бы подвергать себя неоправданному риску.

— Нельзя ли яснее? — перебил незваного гостя Амирхан Даутович.

— Нет, яснее пока нельзя. Только в общих чертах, яснее и подробнее, когда получим ваше принципиальное согласие на сотрудничество.

— Что же вам от меня нужно?

— Не гоните лошадей, прокурор, дело серьезное. Я представляю местную промышленность. Нам позарез нужен юрисконсульт, если уж вы так настаиваете на краткости.

— Юрисконсульт? — удивился Амирхан Даутович. — Да нашего брата сейчас развелось хоть пруд пруди, разве это проблема?

— Не скажите. Проблема, да еще какая. — Артур Александрович тяжело вздохнул, удивляясь непонятливости бывшего прокурора, и пояснил: — Нам ведь не всякий юрист требуется. Нужен юрист с большим опытом, юридическим и жизненным. Больше того, человек, изощренный в законах, знающий и понимающий их противоречия. И притом человек не робкий, привыкший к коридорам власти, знающий дорогу в Москву, — и туда простираются наши интересы. Нужен человек немолодой, внушающий доверие и уважение, образованный и эрудированный. В общем, нужен человек с умом и характером. Отсюда и столь подробное ваше досье, прокурор... Признаемся, доля риска, и немалая, свяжись мы с вами, имеется. Но в случае удачи, если мы найдем пути к сотрудничеству, — выигрыш для нас несомненен: ваш юридический опыт, ваши связи сослужили бы нам неоценимую пользу.

— И что же все-таки толкнуло вас на риск? — спросил Амирхан Даутович, еще не понимая, чего от него хотят ночные гости.

Видимо, Артур Александрович ожидал такой вопрос, поэтому ответил не задумываясь:

— Логика, уважаемый прокурор, логика... и обстоятельства вашей жизни. — Гость выразительно повел взглядом.

— Не понимаю вашей логики, нельзя ли конкретнее.

— Что ж, можно и подробнее, если уж так настаиваете. Я даже рад: вы, кажется, не утратили прокурорской хватки. Но мы ведь не зря зачитали ваши анкетные данные. А логика такая, хотя и придется кое в чем повториться. Нам кажется, государство никогда не ценило и теперь уже вряд ли когда оценит вашу верность идее или долгу, затрудняюсь, как это точнее назвать. Как не оценили в свое время ваших родителей, скажем так. Они сгинули без следа, сами вы росли сиротой. Вашу жену убили, вас лишили дома, работы, честного имени, здоровья... Убийца и его покровители не только на свободе, но и процветают на тепленьких постах. Так что у вас, на наш взгляд, должны уже сложиться свои взгляды на отношения личности с государством. В то же время то, что вы не взяли сто тысяч у Бекходжаевых, вызывает наше уважение.

Амирхан Даутович, выслушав это откровенно циничное признание, опешил, мелькнула даже мысль показать гостям на дверь. Но какое-то внутреннее чувство удержало его от такого поступка. Кто знает, может, жизнь предоставляет ему редкий, последний шанс послужить правосудию, и хоть запоздало, но искупить, пусть частично, свою вину перед обществом? Вину эту Амирхан Даутович, как прокурор, с себя не снимал. А выгнать непрошенных гостей он всегда успеет, не в этом геройство.

Ему кстати или некстати припомнился один толковый хозяйственник, поднявший разваленное предприятие, не вылазившее из прорыва лет десять. Привлекался он за то, что без документации, без государственных строительных организаций построил ремонтную базу и утепленные гаражи для своего автохозяйства. Нарушение с точки зрения закона было налицо, хотя корыстных целей он не преследовал. Так этот хозяйственник сказал ему однажды с горечью:

— У нас никогда не судили за неделанное, судят постоянно за сделанное.

Так и в данном случае: легче всего и, видимо, безопаснее было бы, пылая праведным гневом, указать припешельцам на дверь, и это был бы искренний поступок; но разумнее выходило сдержаться, ждать, слушать, вникнуть в суть — ведь он даже не знал еще сути дела, в котором ему отводилась роль, и немалая, судя по откровению ночного гостя. А что касается логики Артура Александровича, которую тот считал неотразимой, единственно верно рассчитанной, бьющей в десятку, в сердце, так был ли смысл ее оспаривать — все равно каждый из них останется при своем мнении, в таком возрасте им обоим поздно менять свои убеждения. Разве понял бы ночной гость, что для Амирхана Даутовича Бекходжаевы, Иргашевы никак не олицетворяли ни Советскую власть, ни партию, ни государство, как не олицетворяли эти понятия и те, что сгубили его родителей. Беда его родителей была одним из осколков общей беды, и сейчас, на новом витке истории, случившееся с ним также нельзя было считать только личной бедой, это тоже было одно из лиц общей беды — и только так понимал события вокруг Амирхан Даутович. Сейчас было ясно — его втягивали в какое-то крупномасштабное предприятие, и дело это скорее всего напоминало айсберг: верхняя, надводная, часть имела легальный статус, а основная, подводная, была темна, как океанские глубины, и она-то требовала определенного юридического прикрытия.

Не исключено, что этот Артур Александрович является представителем новой волны советских миллионеров, ворочавших «теневою» экономикой, о существовании которой проникательные люди не только догадывались, но и ощущали ее присутствие повсюду. И идти добровольно в объятия такого синдиката, где царят свои жестокие законы, было небезопасно. Уж об этом Амирхан Даутович знал. Но была и другая мысль: «С юности я поклялся посвятить жизнь борьбе за справедливость и оказался вдруг не нужен закону и правопорядку. Так, может, ценной такого риска я послужу в последний раз тому, чему и собирался отдать жизнь?»

Эта неожиданная мысль как-то сразу сняла начинавшее подниматься раздражение. Внутренне он был готов рискнуть, поэтому стал внимательнее слушать Артура Александровича, боясь пропустить хоть слово. Да, похоже, жизнь звала еще раз послужить правосудию, и отступать, по его понятиям, не следовало.

Он даже задал Артуру Александровичу вопрос, в ко-

тором как бы крылось не то его согласие, не то сомнение:

— Вот вы сказали — поездки в Москву... коридоры власти. Вы считаете, что такие нагрузки мне по силам? Вы, я думаю, знаете, я перенес два инфаркта и тяжелейшую пневмонию, которая и до сих пор дает себя знать. Не переоцениваете ли вы мои способности?

Артур Александрович вдруг так искренне и весело рассмеялся, словно сбросил с себя какую-то тяжесть.

— Дорогой Амирхан Даутович, как вы нас до сих пор еще не выставили за дверь, если считаете, что пришли два нахала и пытаются все свои заботы спихнуть на вас? Не волнуйтесь, мы прекрасно осведомлены о вашем здоровье и, уверяю вас, будем всячески оберегать его. Что касается вашей работы, она будет носить вполне официальный характер, и вам никогда и нигде ничего отстаивать ценой здоровья не придется. Все, что внешне будет напоминать защиту интересов разных сторон, скажем, бурные прения, вас не должно волновать. Куда бы вы ни пришли, все или почти все будет predetermined заранее, и это уже не ваши заботы. Ваша работа заключается совсем в другом. Не знаю, понравится ли сравнение, но вы будете, скажем так, послом по особо важным поручениям и юридическим советником. Но сегодня, я думаю, о подробностях работы мы говорить не будем, важно ваше принципиальное согласие. А что касается поездок в Москву или другие города, они, конечно, будут. Но опять же, вряд ли у вас возникнут там какие-то проблемы... не придется даже нести свой чемодан, вас всюду будут сопровождать наши люди. Но, я думаю, на сегодня деловых разговоров хватит, и нам следовало бы обмыть наш союз, не правда ли?

Амирхан Даутович впервые за вечер растерялся.

— У меня только чай, да и то азербайджанский, второго сорта.

Но тут в разговор вступил Икрам Махмудович — наверное, остальное было по его части:

— Не волнуйтесь, прокурор, мы предусмотрели и это. Знали о вашем спартанском быте и ваших возможностях... — Он распахнул окно, выходящее во двор, и поддал какой-то знак.

Прошло несколько минут, и раздался осторожный звонок. Икрам Махмудович поспешил к двери сам. В квартире появился официант, тот самый, из «Лидо», где единственный раз ужинал Амирхан Даутович. В руках он держал две тяжелые корзины, накрытые не то скатер-

тью, не то салфетками. Ловкий Икрам Махмудович тут же перехватил у него одну из корзин. Официант сдержанно поздоровался с хозяином и прошел в комнату вслед за Икрамом Махмудовичем — видимо, такое выездное обслуживание было ему не в диковинку. Вдвоем они ловко выдвинули стол на середину комнаты, и официант, достав из корзины туго накрахмаленную скатерть, быстро усталил ее тарелками, бокалами и прочим, привезенным из ресторана. Затем, попросив у Амирхана Даутовича разрешения воспользоваться газовой плитой, подхватил корзины и скрылся на кухне. Прокурор чуть ли не больше, чем своим неожиданным гостям, подивился расторопности молчаливого официанта и ночной скатерти-самобранке.

Через несколько минут из кухни поплыли аппетитные запахи. Пока на сковороде что-то скворчало, официант бесшумно ставил на стол закуски, зелень, «Боржом», который Амирхан Даутович в последний раз пил лет пять назад в обкомовском буфете.

Артур Александрович, не обращавший внимания на суету официанта и Икрама Махмудовича у стола, долго стоял у фотографии Ларисы Павловны, висевшей на стене.

— Красивая была женщина. Талантливая. У меня есть два альбома.

Наблюдая за ночным гостем, прокурор почувствовал: Артур Александрович ждал от него вопросов; Азларханов не стал торопить события, и тут его выручил официант, внесший на большом лягане жареных перепелок с грибами; внимание всех переключилось на роскошное блюдо, украшенное зеленью и помидорами. Официант, поставив ляган посередине, поправил кое-что на столе, словно художник, добавляющий штрихи на готовой картине, затем вопросительно глянул на Артура Александровича. Тот, видимо, мысленно еще продолжавший разговор с Амирханом Даутовичем, машинально ответил:

— Спасибо, Адик, можешь идти, Ашот отвезет тебя домой.

Официант попрощался, пожелав приятного застолья, и тут же удалился. Такого вышколенного официанта Амирхан Даутович видел впервые.

— Ну что ж, прошу за стол, — пригласил Артур Александрович, едва за расторопным Адиком захлопнулась дверь. Чувствовалось, что в любых ситуациях он привык быть хозяином положения.

Икрам Махмудович разлил предусмотрительно открытый официантом коньяк, несмотря на возражения Амирхана Даутовича, налил и ему.

— За взаимопонимание и успех, — таков был первый тост Артура Александровича, и Амирхан Даутович пригубил коньяк вместе со всеми; гости больше не настаивали на том, чтобы он выпил. Правда, Амирхан Даутович с большим удовольствием выпил бокал темного чешского пива «Дипломат», похвалил.

Икрам Махмудович среагировал сразу:

— Нет проблем, Амирхан Даутович, завезу как-нибудь пару коробок финского баночного, в жаркий день нет напитка лучше.

Сидели долго, но ни о работе, ни о каких-то проблемах больше не говорили; хотя Икрам Махмудович дважды пытался получить у прокурора консультацию по каким-то конкретным делам, Артур Александрович мягко, но настойчиво уводил разговор в сторону. Чувствовалось, что он образован, во всяком случае начитан.

Бывал Артур Александрович, оказывается, и за границей, в том числе в Японии, и они обменялись с Амирханом Даутовичем своими впечатлениями о тамошней жизни и порядках.

Расстались далеко за полночь, уговорились встретиться на другой день за обедом в «Лидо».

После ухода гостей Амирхан Даутович еще долго размышлял о необычном визите, о своей жизни, в которой с завтрашнего дня, похоже, начинается новый этап. Вновь и вновь он возвращался памятью к сказанному Артуром Александровичем и к редким репликам Икрама Махмудовича.

Что крылось, например, за фразой: «Мы отдаем себе отчет в том, что идем на большой риск, посвящая вас в свои дела»?

Одно было ясно: дело, в которое он вступит завтра, или, точнее, уже вступил с этой полуночи, — крупномасштабное, солидное, оттого они и шли на риск. И Амирхан Даутович понимал, что еще какое-то время, пока он не выдержит изощренной проверки или чем-то особенным не привяжут его к делу, за ним будет глаз да глаз, уж он-то, как юрисконсульт, будет знать гораздо больше, чем даже Икрам Махмудович. Ясно, что Артур Александрович не из тех, что любят посвящать лишних людей в свои дела, а вот с юристом, хочешь не хочешь, придется консультироваться. Но какую бы опасность, риск Азларханов

ни предвидел, ни предчувствовал, ему хватило мужества не отказаться — обстоятельства сложились так, что он еще раз проверялся жизнью и как юрист и как гражданин. Думал он и о том, что новые его знакомые как будто переоценивают его физические возможности — а может, и наоборот: знают, что врачи обещали ему месяцы — не годы? Может, деловые люди и это взяли в расчет — знакомство обещает быть недолгим, и именно недолгий срок их устраивает, гарантирует, так сказать, действительно безопасность? Точно сказать он сейчас не мог.

Артур Александрович ничего не сказал ему о требованиях на будущей работе, но прокурор знал: они вряд ли будут отличаться от тех, что предъявляются на теперешнем заводе, да и повсюду, где ему пришлось работать юрисконсультom.

Парадокс заключался в том, что и дельцы подпольных трестов, и директора официальных предприятий требовали одного — соблюдать интересы своей фирмы, даже если они идут вразрез с государственными и народными, хотя, если быть объективным, подпольная экономика так или иначе учитывает интересы потребителя и никогда не работает ради пресловутого плана на склад-свалку.

Дойдя в своих рассуждениях до такой горькой истины, Амирхан Даутович успокоился и отправился спать — назавтра ему тоже предстоял нелегкий день.

5

В назначенное время Амирхан Даутович появился в ресторане «Лидо». У входа его встретил вчерашний официант и проводил его к тому самому столику, за которым он уже однажды ужинал здесь. Артур Александрович появился неожиданно, откуда-то из-за спины, наверное, он вошел в другую дверь, что вела прямо из ресторанного зала в гостиницу. Выглядел собранным, подтянутым, наверное, он был из тех, кто никогда не дает себе расслабиться. Зал уже почти заполнился, и Амирхан Даутович видел, как многие тянутся взглядом к их столу, желая поздороваться или хоть попасть на глаза Артуру Александровичу, но тот словно ничего не замечал вокруг, все свое внимание уделял собеседнику за столом.

— Ну как, товарищ прокурор, не переменили вчерашнее решение? А то вольному воля, я предпочитаю в делах добровольные начала, — начал Артур Александрович.

вич, разливая «Боржом» в бокалы, — он по своей привычке сразу захватывал инициативу.

— Нет, не передумал. Старость не за горами, и, как вы правильно заметили, я оказался к ней не готов. Однако я задам вам встречный вопрос — будет ли у меня возможность скопить на маленький уютный домик в Крыму, скажем, в Ялте? Это то самое место, что рекомендуют мне врачи.

— Не только на маленький, но и на самый что ни есть роскошный, какими владеют в Крыму некоторые отставные генералы. Я тоже люблю Крым, Ялту и рад помочь вам, чтобы было куда пойти в гости по старой дружбе, а может быть, я и сам куплю что-нибудь по соседству, наверное, наступит день, когда и мне наскучат дела. Все зависит от вас, Амирхан Даутович, повторяюсь еще раз: ваш опыт, знания, прежние связи нам необходимы позарез. Но давайте спокойно пообедаем, а разговор наш о делах перенесем наверх, ко мне в номер.

Когда они выходили из-за стола, Амирхан Даутович осторожно подсказал Артуру Александровичу:

— Обратите, пожалуйста, внимание на того молодого человека в красной рубашке, что сидит недалеко через проход. Мне кажется, он слишком тщательно выбирал место, чтобы лучше просматривался наш столик, и все время не сводит с вас глаз.

Артур Александрович, не повернув головы в ту сторону, куда кивком указал Амирхан Даутович, улыбаясь, ответил:

— Я не ошибся в вас, прокурор! Есть еще порох в пороховницах, не утратили хватки. Вы правы, он не сводит с меня глаз и место выбрал с умом, но он так и должен поступать, потому что это мой телохранитель.

Видя, что своим сообщением явно огорошил сдержанного, владеющего собой Амирхана Даутовича, Артур Александрович рассмеялся:

— Да, да, телохранитель, не удивляйтесь. У вас тоже будет свой, впрочем, он уже есть, подыскиали нам подходящего человека, прибудет недели через две-три. Ну а с Ашотом, я надеюсь, вы подружитесь, надежный парень, не подведет.

Поднялись на третий этаж, номер Артура Александровича расположен был в конце коридора. Еще когда входили, Амирхан Даутович обратил внимание на тяжелую дубовую дверь и два финских замка особой секрет-

ности — такие замки были врезаны некогда у него в кабинете областной прокуратуры.

Двухкомнатный «люкс» на первый взгляд ничем особо не отличался: маленькая спальня, в которой едва умещался спальный гарнитур, и небольшой зал, наверное, служивший Артуру Александровичу кабинетом и приемной. Бесшумно работал кондиционер, и оттого в комнатах стояла приятная прохлада. Чувствовалось, что здесь живут давно, уют больше походил на домашний, чем на гостиничный.

Оглядевшись, Амирхан Даутович увидел в углу большой японский телевизор «Шарп», а рядом, на специальной подставке, плоскую серебристую деку, похожую на магнитофон, но понял, что это видеоприставка.

Артур Александрович, поймав взгляд Азларханова, подтвердил:

— Да, домашнее кино. Интересные есть фильмы, «Крестный отец» Копполы, например. Жаль, времени не хватает смотреть, впрочем, у вас со временем будет лучше. Так что при желании можете смотреть здесь или систему поднимут к вам в номер.

Амирхан Даутович вопросительно глянул на хозяина «люкса».

— Да, да, к вам в номер, я не оговорился, просто забежал немного вперед, к слову пришлось. Мы с Икрамом Махмудовичем решили, что ваше жилье не подходит ни вам, ни нам. Прежде всего оно не подходит вам, далеко-далеко для ваших каждодневных пеших прогулок, да потом, что это за квартира, не по вашим заслугам, Амирхан Даутович. Поскольку однокомнатные здесь дефицит, как и в любом другом городе, мы подыскали вам обмен на двухкомнатную, от гостиницы недалеко, в соседнем квартале. Я был там и уверен, она вам должна понравиться. Не скажу, чтобы квартира особо нуждалась в ремонте, но решили все же обновить ее, тем более в этом городе есть настоящие мастера. Через два часа мы закончим с вами кое-какие дела, а затем вы с Икрамом Махмудовичем поедете и посмотрите новое жилье. Там вас будет ждать человек, чьи люди будут делать ремонт, — на месте все и обговорите. Месяца два вы будете мне нужны ежедневно: накопилось много дел, по которым хочу получить у вас консультацию или обсудить, как законнее поступить. Вашу квартиру в Черемушках надо будет освободить, а на новой, на Красина, будет пока идти ремонт. Поэтому на четвертом этаже, надо мной, вам зарезервиро-

ван точно такой же номер, и вы сегодня или завтра должны переехать в гостиницу.

Слушая Артура Александровича, Азларханов невольно усмехался. Хозяин номера тут же среагировал:

— Я что-нибудь не так говорю, Амирхан Даутович?

— Ремонт, «люкс» на четвертом этаже... вы слишком оптимистичны насчет моих финансовых возможностей, Артур Александрович.

Тут уж рассмеялся хозяин «люкса»:

— С вами не соскучишься, прокурор. Знаем ваши возможности, знаем. Мы ведь не прежнее ваше руководство: приглашая человека, ожидая от него отдачи, думаем прежде всего о нем. Какова забота, такова и работа — это наш девиз. Оттого и идут к нам охотно, хотя и элемент риска не скрываем...

Артур Александрович выдвинул незапертый ящик письменного стола и, не глядя, достал пачку денег в банковской упаковке.

— Вот получите. Это вам на первое время. Не хватит, обращайтесь, не смущаясь. Повторюсь, я не филантроп, и, как всякий деловой человек, умею считать деньги, но ваша работа будет оплачиваться высоко, так что вы вправе брать вперед любые суммы. Помните из классики: в старой России могли выдать жалованье за год вперед — у нас приблизительно такая же отжившая система, но не для всех, конечно.

Амирхан Даутович взял протянутую ему пачку пятидесятирублевых и небрежно сунул в карман. Видимо, обтрепавшийся рукав его пиджака напомнил Артуру Александровичу что-то, и он добавил:

— И последнее, прежде чем перейти к делу. После встречи со строителями поедете с Файзиевым на торговую базу соседней области, там вас тоже ждут, звонили перед обедом. У них крупное поступление. Вам следует капитально обновить свой гардероб, что называется, от и до. Солидность, респектабельность... По одежке встречают, по уму провожают — это придумал не я.

Наверное, Артур Александрович еще о чем-нибудь неожиданном вспомнил бы, прежде чем перейти к делу, но тут раздался междугородный телефонный звонок. Хозяин номера долго выслушивал кого-то на другом конце провода, изредка вставляя непонятные Амирхану Даутовичу реплики; чувствовалось, что разговор не доставляет ему удовольствия. В конце концов, не дослушав до конца, он сказал:

— Сегодня буду, ждите, — и бросил трубку.

Артур Александрович заходил по комнате, заглянул зачем-то на минутку в спальню; вернулся в зал по-прежнему спокойным, уравновешенным, он умел владеть собой.

— Не люблю, когда срываются планы. Сегодня я собирался ввести вас в курс дела, но не хочется впопыхах. Отложим на послезавтра. Я должен срочно, сейчас же, выехать в Ташкент. А вы решайте пока свои личные дела с Икрамом Махмудовичем, устраивайтесь. — Артур Александрович взял со стола ключ и протянул его прокурору. — Это от номера надо мной, посмотрите и оформляйтесь. — Он помолчал. — И вот что я вам скажу на прощанье... Я специально не затронул этой темы вчера, считал, что ваше согласие работать с нами должно быть добровольным. — Он посмотрел Амирхану Даутовичу прямо в глаза. — Я думаю, у вас есть еще одна причина сотрудничать с нами и, насколько я знаю вас, более важная, чем деньги, но вы о ней еще не подозреваете. Так вот, я думаю, теперь у вас появится возможность свести кое с кем счеты... Доберемся и до Бекходжаевых, дайте только срок. А пока — всего хорошего.

Когда Азларханов вышел из номера, у окна в коридоре курил тот самый молодой человек в красной рубашке. Увидев Амирхана Даутовича, он соскочил с подоконника, отбросив сигарету, улыбнулся как старому знакомому, но Азларханов, словно не замечая его, прошел к лестнице, ведущей на четвертый этаж.

Вернулся Амирхан Даутович с Файзиевым из соседней области поздно вечером, затемно. День выдался напряженный, и от каждодневной прогулки пришлось отказаться. Так устал, что и покупки разглядывать не стал, свалил коробки, свертки, пакеты в прихожей, все равно завтра придется перевозить в гостиницу.

Отказался Амирхан Даутович и от ужина в «Лидо», предложенного Икрамом Махмудовичем, хотелось побыть одному, обдумать еще раз крутые перемены в своей жизни. В том, что Артур Александрович с компаньонами всерьез рассчитывает на его помощь и кое-какие прошлые связи, он не сомневался, потому такая щедрость, желание быстрее благоустроить его быт, желание спешно расположить к себе и своему делу.

Из каких побуждений Артур Александрович уверял его, что появится возможность свести кое с кем счеты? Чтобы заинтересовать в сотрудничестве? А может, дела

Артура Александровича где-то перехлестнулись с кланом Бекходжаевых и ему нужен еще более заинтересованный в мести, чем он сам, сообщник, и по каким-то соображениям именно он, Азларханов, подходит более всего?

Странно, казалось, только войдет в дом, рухнет на неразобранную постель и от усталости и напряжения тут же заснет мертвым сном. Но сон не шел, какая-то тревога зрела в душе; Амирхан Даутович встал и заварил чай, хороший чай, осталась пачка от ночного визита Артура Александровича. За чаем ему всегда думалось лучше. Нет, он не копался в прошлом, мысли его нацелились на будущее. Из минувшего сейчас вспоминалась только встреча с посланником Бекходжаевых, и то потому, что тогда ночью он признался себе, что недооценивал преступный мир, плохо знал его возможности, или, точнее, современный уровень его. Сегодня же, готовясь к сотрудничеству и борьбе с Артуром Александровичем, он признался себе и в другом — что знает жизнь куда абстрактнее, чем Шубарин и Файзиев: не знал ее толком, когда был областным прокурором, не узнал ее как следует и в последние четыре года. Почему он так решил? Да потому, что еще в бытность его областным прокурором уже постунали сигналы о набирающих силу артельщиках, цеховиках, хозяевах подпольной экономики, об их влиянии в округе, но он вместе с другими отмахивался от этих проблем, не считая их серьезными, как отмахивались, когда заходил разговор об организованной преступности, наркомании, проституции, сращивании преступности с законом.

За демагогическими фразами — «у нас этого не может быть» или «у нас нет социальных причин для подобного рода преступлений» — проглядел реальную жизнь и сейчас откровенно признавался себе в этом.

Да и как не признаться, если, едва столкнувшись, даже еще не войдя в курс дела, прокурор уже почувствовал, каким огромным влиянием обладает тот же Артур Александрович.

Только заикнулся о номере на четвертом этаже, дежурная расплылась в улыбке, и мигуты не держала у окошка, лишь глянула в паспорт.

Позвонил в ЖЭК по поводу обмена квартиры, там тоже были предельно внимательны, все решалось заочно и быстро.

А на торговой базе сам директор водил из склада в склад, показывая дефицит из самых потаенных углов.

И все потому, что упоминалась, как волшебный «сезам», фамилия Артура Александровича. Мог ли он считать себя знающим жизнь, если не разглядел вовремя две раковые опухоли на теле общества, чьи права, покой, здоровье он обязан был защищать по долгу службы.

И теперь он понимал, что его долг — помочь удалить эти опухоли, разорвать связи клана Бекходжаевых и осветить тайную жизнь подпольной экономики и тех, кто стоит за нею, потворствует, прикрывает.

Нет, конечно, не только возможность свести счеты с Бекходжаевыми толкала Амирхана Даутовича в синдикат Шубарина: он чувствовал за Артуром Александровичем еще более разветвленный и могучий клан, чем тот родоплеменной бекходжаевский, так сказать местного значения, с которым он столкнулся — и потерпел поражение. Рука Артура Александровича, подсказывали ему опыт и интуиция, доставала куда как дальше и выше.

Осознавал Амирхан Даутович и всю опасность своей затеи. Если уж Бекходжаевы ни перед чем не останавливались, то Артур Александрович тем более. Азларханов на миг представил лицо Ашота, бывшего чемпиона страны по самбо; этот думать не станет, если поступит приказ...

И всплыло в памяти предупреждение копвоя для особо опасных преступников: «Шаг в сторону считаю за попытку бегства и стреляю без предупреждения...»

Да, на предупреждение теперь он рассчитывать не мог, не та игра и не с теми...

«С волками жить — по-волчьи выть», — вспомнилась вдруг пословица, и кстати, — наверное, это и было ответом на мучившие его вопросы — так и следовало поступать, чтобы войти в доверие и стать незаменимым человеком для Шубарина.

Это решение приободрило Амирхана Даутовича. Он распаковал несколько свертков и коробок, и через десять минут в щербатом зеркале гардероба отражался высокий, элегантно одетый мужчина в светло-серой тройке, серебристой рубашке с голубым галстуком, в модных итальянских ботинках. «Да, пожалуй, этот тип, что в зеркале, уже ближе к Шубарину и Файзиеву, могут принять за своего», — с усмешкой подумал Амирхан Даутович и пошел спать.

На другой день, впервые за полтора года жизни в «Лас-Вегасе», Амирхан Даутович завтракал не в чайхане. Утром он прошел обычным своим вечерним мар-

шпрутом и был у «Лидо» к восьми — он уже знал расписание своих новоявленных шефов. И действительно, когда он вошел в зал, Икрам Махмудович был там. Линию поведения Амирхан Даутович уже выстроил окончательно и оттого уверенно, не дожидаясь приглашения Адика, сразу пошел к столу.

— Доброе утро, — приветствовал Азларханов растерявшегося Икрама Махмудовича — тот явно не ожидал встретить прокурора здесь поутру, да еще так неожиданно преобразившегося.

— С утра такой парад, решили нанести визит в горком, горисполком? — поинтересовался на всякий случай Икрам Махмудович.

— Нет, никаких официальных визитов. Артур Александрович не разрешил никакой самостоятельности.

— Да, он этого не любит, — подтвердил Икрам Махмудович.

За завтраком неожиданно пришла мысль и о линии поведения с Файзиевым. За два дня общения, из разговоров, коротких реплик, Амирхан Даутович понял, что хотя Файзиев вроде и является вторым лицом в деле после Шубарина, но вся власть, принятие важных решений остается за Артуром Александровичем, и не исключено, что не во все планы посвящал он своего помощника. Значит, ему следовало прибиваться к одному берегу, откуда могла исходить вся информация, и не бояться, даже если кому-то покажется, что он оттирает Икрама Махмудовича и претендует на особое положение возле Шубарина. Такое поведение в подобном кругу вполне объяснимо и логично: кто владеет большей информацией и причастен к стратегии дела, тот и весит больше. Чем алчнее, бесцеремоннее он будет выглядеть, тем естественнее покажется его поведение — нравы дельцов он знал хорошо.

Поэтому под конец завтрака, давая понять, что над ним властен лишь один Шубарин, Азларханов сказал:

— Пожалуйста, распорядитесь, Икрам Махмудович, чтобы телевизор и видеомаягнитофон перенесли с третьего этажа ко мне в номер. Артур Александрович рекомендовал мне посмотреть несколько фильмов, боюсь, когда он вернется, мне будет не до домашнего кино. А я пока схожу к себе на новую квартиру и встречу со строителями. Я решил все же отделать прихожую пенопленом, а не деревом, так, кажется, будет уютнее. — И считая, что разговор окончен, встал.

Икрам Махмудович, еще не привыкший даже к внеш-

нему преобразению Амирхана Даутовича и явно не знавший, как истолковать неожиданное поведение Азларханова, ответил:

— Делайте как хотите, Амирхан Даутович. Квартира ваша, лишь бы она вас радовала. А насчет видика я сейчас же дам команду. Верно вы сказали: когда вернется Артур Александрович, вам не до кино будет, слишком много для вас накопилось дел.

Из ресторана Амирхан Даутович вышел в хорошем настроении — он чувствовал, что одержал первую маленькую победу, радовался, что выбранная линия поведения оказалась верной. В просторном холле «Лидо», обставленном на старый (напманский, подумалось Азларханову) манер фикусами и оранжерейнными пальмами в кадках, отражавшимися в зеркальных стенах, Амирхан Даутович увидел Факира. Сурик Мирзоян, дожидавшийся кого-то, окинул Амирхана Даутовича цепким взглядом, но прокурора в нем сразу не признал — только когда Азларханов уже дошел до выхода, резко развернулся и бросился к стеклянной двери зала: наверное, хотел предупредить Икрама Махмудовича на всякий случай.

В квартире у него уже вовсю кипела работа: в одной из комнат поверх деревянных полов настилали паркет, в ванной и кухне хозяйничали слесари — меняли сантехнику.

Вчера, получив от Артура Александровича нераспечатанную пачку пятидесятирублевых, Амирхан Даутович подумал: «Зачем мне такая сумма, куда я буду девать деньги?» Но после визита на торговую базу у него осталось даже меньше половины. Один кожаный бельгийский плащ, который ему навязали, стоил ровно тысячу рублей только в кассу. Но сейчас он не жалел о вчерашних тратах, показавшихся вначале бессмысленными: в окончательно выбранной стратегии подобным тратам отводилась не последняя роль. Соря деньгами, тратя их направо и налево, он скорее сократит дистанцию недоверия. Да и плащ, надо отдать должное, хорош и сидит на нем, словно шит на заказ.

Новая стратегия натолкнула его на неожиданную мысль, и он пешком, не спеша отправился в мебельный магазин.

Магазин принадлежал областной потребкооперации и, как все построенное в последние годы, поражал размахом. Наверное, следовало бы кое-кому заинтересоваться волшебством сельских кооператоров, как это им удалось

и столь короткий срок настроить столько ресторанов и кафе, одно богаче другого, или вот таких магазинов. Или попросить бы их поделиться опытом с органами здравоохранения и просвещения, чьи здания, даже вновь отстроенные, не могут сравниться по качеству с предприятиями торговли и общепита.

Богатым оказался магазин и внутри. Откровенно говоря, Амирхан Даутович заходил в мебельный магазин последний раз лет пятнадцать назад, когда, став областным прокурором, получил коттедж на Лахути. Лариса тогда затащила его посмотреть немецкий спальный гарнитур, очень уж он нравился ей, но купить его так и не удалось. Затеяли музей под открытым небом, и все свободные деньги, что откладывала Лариса на мебель, как-то расталяли. Позже купили две отдельные кровати, и вопрос о спальном гарнитуре отпал сам собой.

Глядя на это деревянное изобилие, Амирхан Даутович невольно подумал: «Да-а, выходит, теперь не только песни другие, но и другая мебель».

Площадь магазина позволяла, и товар подавали, что называется, лицом: жилые комнаты, спальные гарнитуры, кухонная мебель, зеркала, ковры — все представало перед покупателем в продуманном интерьере, дизайнеры поработали на славу. Но больше, чем сама мебель и работа художников-оформителей, Амирхана Даутовича поразила цена. Тот некупленный спальный гарнитур, ставший для них с Ларисой семейной легендой, стоил всего семьсот рублей — Амирхан Даутович хорошо запомнил цену. Теперь на эти деньги он мог бы приобрести только письменный стол настоящего дерева, да и то не всякий, или пару кресел, и тоже с оговоркой, потому что стояли кресла и по пятьсот, и по шестьсот рублей.

Ныне спальные гарнитуры стоили от двух до шестнадцати тысяч, кухонные от шестисот рублей до двух тысяч, а жилых комнат здесь меньше пяти тысяч не было ни одной. «Это на кого же рассчитаны такие цены? — думал Амирхан Даутович. — Ведь не все состоят на службе у Шубарина и могут высокое жалованье получить за год вперед».

Что и говорить, и сами гарнитуры, и выбор поражали, хотя Амирхан Даутович заметил, что глянувшаяся мебель вся оказалась импортной. Расхаживая по огромному залу, он размышлял о странной своей задаче — истратить как можно больше денег. Но даже замыслив опеломить Артура Александровича своим неожиданным

жизненным энтузиазмом, он не предполагал, что могут предстоять такие расходы. Нет, он вовсе не собирался приобретать ни резную венгерскую спальню «Чаба» за четырнадцать тысяч, ни жилую комнату «Сибилла» за двенадцать или шведский кухонный гарнитур «Викинг» за пять тысяч, но, даже надумай он кое-что купить по самым средним ценам, это обошлось бы ему не менее чем в десять тысяч. Сделав кое-какие заметки в записной книжке, Амирхан Даутович покинул ошеломивший его магазин.

На другой день, после обеда, когда Амирхан Даутович смотрел у себя в номере «Репетицию оркестра» Феллини, раздался неожиданный стук в дверь.

Амирхан Даутович нажал на клавишу «пауза» и хотя пошел к двери. На пороге стоял Шубарин.

— Извините, что помешал, — сказал Артур Александрович, увидев на экране застывший кадр.

— Нет, что вы, проходите, пожалуйста. Вы знаете, в том и состоит прелесть домашнего кино, что можно прервать и возобновить в любое время...

— А вы осваиваетесь в новой жизни куда быстрее, чем я предполагал, — улыбнулся Артур Александрович. — Строители говорят, подгоняете их, сообщили, что и к мебели проявляете интерес?

Амирхан Даутович отметил, что Артур Александрович невольно проговорился, значит, как он и предполагал, фиксировался каждый его шаг. Наверняка Файзиев сообщил уже о крутой перемене в настроении и привычках прокурора, и, как бы подтверждая наблюдения Икрама Махмудовича, Азларханов решил развить успех: он достал записную книжку и, вырвав страничку, заполненную в мебельном магазине, протянул ее Шубарину.

Артур Александрович прочел вслух:

— 1. Жилая комната «Лувр» (Югославия) — 5400 рублей.

2. Спальный гарнитур «Рижанс» (Румыния) — 2900.

3. Кухня «Комфорт» (Югославия) — 1700.

Итого — 10 тысяч рублей.

Неплохой аппетит для начала, неплохой, — сказал он, продолжая улыбаться.

— Поэтому я готов сегодня же приступить к своим обязанностям, — пошутил Амирхан Даутович.

— Сегодня не получится, конец недели, я не стал брать из сейфа документы. К тому же часа через два

я с Икрамом Махмудовичем уезжаю на свадьбу, к директору торговой базы в соседней области, где вы были недавно. Он выдает дочь замуж за сына одного влиятельного человека в крае.

— Вы такой любитель восточных свадеб или вам там необходимо быть, вы ведь только с дороги? — посочувствовал прокурор.

— Да, вы попали в точку, я не поклонник свадеб — ни восточных, ни европейских и вообще многолюдных торжеств. И я с большей пользой провел бы вечер с вами у себя в номере, и Адик накрыл бы нам стол не хуже свадебного, но я должен быть там непременно. Прожив так долго в Средней Азии, вы, я думаю, знаете не хуже меня: на подобных мероприятиях и решаются зачастую дела и судьбы. Но дел у меня на сей раз немного, я всего лишь должен потушить небольшой огонь, пока он не разросся в пожар, оттого и вынужден ехать, хотя, как вы правильно заметили, я чертовски устал в Ташкенте, Амирхан Даутович. Так что я желаю вам приятного времяпрепровождения с Феллини. — И Артур Александрович направился к выходу.

У самой двери он, однако, остановился, словно вспомнив о чем-то, а потом спросил:

— Вы, кажется, сказали, что готовы немедленно приступить к работе, не так ли, Амирхан Даутович?

— Да, я так и сказал и готов отложить «Репетицию оркестра» до более благоприятного времени.

Артур Александрович с минуту о чем-то раздумывал, потом махнул рукой, точно принял неожиданное решение:

— Начнем репетицию нашего оркестра. Даю вам два часа на сборы, как и себе. Икрам Махмудович доложил, что вы купили какой-то сногшибательный костюм, так что жду вас у себя при полном параде. На свадьбу едем втроем. — И, видя недоумение в лице прокурора, повторил: — Да, да, на свадьбу. Работать... Помните: «Весенний день год кормит»? Не знаю, как поэтично перевести эту пословицу на наш деловой язык, но ситуация приблизительно такая... Так что я вас жду — ровно через два часа.

Амирхану Даутовичу ничего не оставалось делать, как начать собираться.

— Ну вот, вид вполне преуспевающего человека, — одобрил Артур Александрович, когда в назначенное вре-

мя Азларханов спустился на третий этаж. — Только держаться посоветовал бы несколько увереннее, вальяжнее, — так, словно ничего страшного в вашей жизни не произошло и ничто не сломило вас, вы снова на коне. Даже хорошо, если кто-то подумает, что это мы с Файзи-евым возле вас, а не вы возле нас. Понимаете?

— В такое мне самому трудно поверить, не то что внушить другим. Впрочем, я постараюсь, — пообещал Амирхан Даутович, не понимая, что там еще задумал новоявленный великий комбинатор.

Но Артур Александрович больше ничего не сказал, и они спустились вниз, где у машины дожидались их шофер-телохранитель Ашот и Икрам Махмудович.

Когда вырвались из города на шоссе, Ашот хотел было включить магнитофон, но Артур Александрович, сидевший рядом, остановил его. И тут Амирхан Даутович увидел рядом с магнитофоном телефонную трубку и удивленно спросил:

— У вас в машине телефон?

— Да, совсем недавно удалось купить японскую автономную установку на десять номеров. Действует в радиусе ста километров. Когда у вас в доме закончится ремонт и уйдут посторонние люди, поставят и у вас такой телефон, он свяжет вас в любое время со мной в машине или в моем номере; но учтите, о такой связи знают немногие.

Ехали больше молча, редкие реплики, обрывочные фразы были малопонятны Амирхану Даутовичу, и он сам ни о чем постороннем не расспрашивал, чтобы разговор не ушел далеко от дел; все надеялся, что Артур Александрович вот-вот прояснит, какая же ему отведена роль на свадьбе.

Но Артур Александрович, видимо, только сейчас всерьез обдумывал свою затею взять на свадьбу прокурора, а может быть, даже и жалел о своем поспешном решении. По лицу Шубарина ни о чем нельзя было догадаться. Амирхан Даутович в бытность свою областным прокурором редко ходил на свадьбы и подобные мероприятия, столь частые в этом краю, в последние годы его даже приглашать перестали, зная, что у него на этот счет свои взгляды. И потому только сейчас, в машине, ему пришло в голову, что на свадьбе у директора торговой базы будет, конечно же, весь цвет местного общества, а может, надо брать и повыше, потому как сказал же Артур Александрович, что его друг выдает дочь за сына

влиятельного человека в крае. «Так кому же хочет меня представить Шубарин на этой знатной свадьбе? Или удивить кого, что я вновь поднялся, и если не при власти, то при деньгах, что для этих людей означает одно и то же?» Такие вот мысли завертелись в голове Амирхана Даутовича, и он даже обрадовался, что едут молча и есть возможность просчитать кое-какие варианты. В том, что он нащупал что-то реальное, Амирхан Даутович не сомневался.

А может, он хочет припугнуть Бекходжаевых? Глядите, мол, с кем я вошел в союз, видите, оправился от невзгод скинутый вами с кресла прокурор и готов к борьбе, сам пришел к вам в логово напомнить о себе.

И, словно подтверждая мысли Амирхана Даутовича, Шубарин спросил:

— Амирхан Даутович, вы знакомы с Хаитовым, тамошним областным прокурором?

— Да, был знаком.

— Отношения у вас были нормальные, признает он вас теперь?

— Думаю, что да. В свое время я помог ему кое в чем. Он даже несколько раз приезжал ко мне советоваться в трудные для себя дни.

— Ну что ж, это обнадеживает, значит, не зря я оторвал вас сегодня от Феллини.

«Хаитов, Хаитов... Адыл Шарипович...» — Амирхан Даутович пытался припомнить, но ничего скандального с этой фамилией увязать не мог, прокурор как прокурор. На него, как и на других, постоянно оказывали давление сверху, но, судя по делам, по которым Амирхан Даутович консультировал когда-то Хаитова, тот не из тех, что готовы плясать под любую дудку. Впрочем, когда это было — последний раз они виделись лет семь назад, а семь лет — это срок. Кто бы мог еще пять лет назад предсказать Азларханову такую судьбу? Семь лет, когда правят бал люди, подобные Бекходжаевым, могли поколебать и убеждения Адыла Шариповича.

«Адыл Шарипович, Адыл Шарипович...» — мысленно повторял он, словно это имя должно было натолкнуть его на что-то важное. Почему Шубарин спросил, признает ли его Хаитов теперь? Какие у него планы, чего он хочет от Адыла Шариповича?

Но таких вопросов можно было задавать себе десятки, и вряд ли хоть одна отгадка оказалась бы верной — ди-

апазон интересов Артура Александровича, похоже, был столь широк, что гадания казались излишней тратой сил. И он признал, что пока это для него чужая игра, а он стоит у кромки поля, готовый вступить в нее, ведь назад хода уже не было.

Вдали показались пригороды областного центра, и Амирхан Даутович подумал, что вступать ему в игру придется уже через полчаса; поэтому он откинулся на сиденье, закрыл глаза и попытался сосредоточиться, снять напряжение. Но последние полчаса ему так и не удалось побыть наедине со своими мыслями — Артур Александрович вдруг сказал, не поворачивая головы:

— А теперь, Амирхан Даутович, слушайте меня внимательно. Нас с Икрамом Махмудовичем в этих краях хорошо знают, по крайней мере в последние шесть лет, и ваше появление в компании с нами не останется незамеченным. Впрочем, не меньший интерес вы бы вызвали, даже появившись один. Ваша задача такова: показать, что вы крепко стоите на ногах, дать понять своим старым знакомым, что вы при деле, что преуспеваете и готовы вернуть себе положение в обществе. Если будут спрашивать, где вы работаете, — отвечайте, в управлении местной промышленности, не вдаваясь в подробности. Если Хаитов не будет избегать встречи с вами, при первой удобной возможности представьте меня ему, я давно ишу с ним личных контактов, лучшего шанса, чем сегодня, кажется, у меня не будет. Ну, остальное по ходу свадьбы, я подскажу, с кем из ваших прежних знакомых следует поддерживать отношения. Вот и все заботы, Амирхан Даутович, гуляйте, приглядывайтесь к жизни по-новому, и в новом качестве — ее хозяина. Не исключено, что и ваши враги будут здесь; в этом случае я представлю вас двум-трем людям, которых вы, возможно, и знаете, но лучше, если я все-таки заново рекомендую вас. Эти лица находятся в серьезной конфронтации с Бекходжаевыми, не могут поделить кое-какие сферы влияния, нашла коса на камень. И ваш контакт не останется незамеченным, я за это ручаюсь.

Потом, после некоторого раздумья, словно взвесив известное только ему, Артур Александрович добавил:

— Хотя, мне кажется, у нас самих будет возможность поквитаться с Бекходжаевыми. Я думаю, вы не настолько тщеславны... Вряд ли вам нужно, чтобы все вокруг шумели — мол, это Азларханов нанес Бекходжаевым смертельный удар. Отдадим победу, Амирхан Даутович,

другим, для меня всегда был важен результат. — И, оборвав разговор на этой туманной фразе, Артур Александрович с азартом охотника воскликнул: — Приехали!

Машина свернула в зеленый проулок среди частных домов и садов. Далеко, насколько хватало взгляда, вдоль садов уже теснились машины, — судя по номерам, были здесь гости из разных областей. Ашот уверенно подрулил к самому дому, хотя уже квартала за два не оставалось свободного места для стоянки. У железных ворот, на улице, в тени деревьев, по местному обычаю, красовались накрытые столы. Возле этих столов и встречал приезжающих Джафаров — хозяин внушительного особняка. Увидев «Волгу» Артура Александровича, директор базы оставил гостей, с которыми разговаривал, на кого-то из родственников и поспешил к машине.

Артур Александрович обнялся с отцом невесты, вручил пухлый конверт от имени компании и представил Амирхана Даутовича, что-то сказав прежде тому на ухо.

Джафаров, видимо, понявший Шубарина с полуслова, взял Амирхана Даутовича под руку и сам повел во двор, где уже собралось много народу. Артур Александрович и Икрам Махмудович шли рядом, словно сопровождали очень важного человека.

Когда-то на Лахути Амирхану Даутовичу казалось, что у него огромный двор, но этот, куда он вошел, беседа с хозяином, оказался в четыре-пять раз больше; он словно был задуман для грандиозных приемов, где одновременно могут сесть за стол шестьсот-семьсот человек.

Редкий нынешний городской сквер мог тягаться с двором Джафарова, а об ухоженности и говорить не приходится, вряд ли один садовник мог управиться в такой усадьбе. Наверное, Джафаров продумывал планировку своего двора куда тщательнее, чем некогда Лариса, замысливая создать музей под открытым небом.

В самом центре двора красовался большой фонтан — судя по мрамору, его обновили к свадьбе. От фонтана разбегались дорожки, посыпанные влажноватым красным песком, по ним и прогуливались многочисленные гости. В глубине двора, у глухого дувала, затянутого ползучим вьюном, располагалась летняя кухня; прямо напротив, под кроной могучей орешины, сразу на двух вертелах жарили целыми тушами баранов, плотный аромат жареной баранины забивал другие запахи в огромном саду.

В разных местах были натянуты цветные тенты, под ними приготовлены уже накрытые столы, пока что под марлей. Хозяин дома показал приехавшим отведенные им места и вновь поспешил к воротам, гости подваливали дружно. По двору сновали какие-то молодые люди в на-ушниках, видимо, в последний раз проверяли усилители и микрофоны, дабы отовсюду можно было услышать и быть услышанным. Молоденькие девушки в кокетливых нарядных шальварах обносили гостей минеральной водой и пепси-колой. Понятно было, что в этом доме не впервой принимают такое количество гостей. На возвышении, устланном большим красным ковром, рядом с фонтаном, музыканты настраивали инструменты. Предчувствие праздника и веселья витало в дымном воздухе, будоражило гостей, отовсюду слышался смех, возгласы давно не видевшихся знакомых.

Хотя Амирхан Даутович и не суетился и не озирался по сторонам, тем не менее видел все происходящее вокруг; вот когда пригодился опыт его прошлой жизни. Видел он и реакцию гостей, когда Джафаров ввел его во двор; похоже, мало кого лично встречал и обхаживал этот человек; видел он и реакцию на как бы сопровождающих его Артура Александровича и Икрама Махмудовича. Чувствовалось, что многие знают и Шубарина и Файзиева, но не понимают, отчего те уделяют столько внимания бывшему прокурору соседней области. Слышал он и волной прошелестевший шепоток: «Азларханов... Азларханов... Азларханов...»

Узнали и теперь гадают, как, каким образом поднялся, как попал сюда, к избранным? Это были наблюдения только первых минут, пока они оставались втроем. Но тут же к ним стали подходить, — правда, поначалу больше знакомые и друзья Артура Александровича и Икрама Махмудовича, и те обязательно представляли всем Амирхана Даутовича. Однако вскоре начали обращаться и к самому Амирхану Даутовичу. Некоторых он припоминал с трудом, но попадались и очень знакомые лица — большинство из соседней области, где он некогда был прокурором. «Значит, могут оказаться здесь и Бекходжаевы», — решил Азларханов, правда, пока никого из представителей семейства он не видел.

Замечал он и реакцию Артура Александровича: тот, кажется, проверял правильность своей идеи и, видимо, пока не жалел, что захватил его на эту свадьбу и что вообще привлек к делу; но до разгадки замыслов Шуба-

рина ему, конечно, было далеко, особых иллюзий на этот счет Амирхан Даутович не имел.

Не забывал Амирхан Даутович и свою главную задачу — войти в контакт с Хайтовым и при возможности представить ему Шубарина. От первого успеха могло зависеть многое, прежде всего доверие Артура Александровича, ведь пока все, что выстроил умозрительно Шубарин, — теория, а ему важна практика, результат. И результат надо было дать сегодня, они оба проходили проверку на успех.

И вдруг — простая мысль (на секунду он поставил себя на место Хайтова): приехал бы он сам на свадьбу, на эту роскошную виллу, утопающую в цветах? Ведь не обязательно быть прокурором, чтобы догадаться об источнике такого благополучия. И он ответил себе: если Хайтов остался прежним — тем, который приезжал к нему консультироваться, чтобы отстоять законность, — конечно, он сюда никогда не придет. Убедительно на первый взгляд? Однако же ведь Артур Александрович рассчитывал встретить тут Хайтова, а уж Шубарин, это ясно было, ничего наобум не делал, не стал бы он тащиться сюда, за сто двадцать километров, чтобы отвесть свадебный плов да взглянуть на полуголых танцовщиц. Значит, видно, были у Шубарина основания ждать здесь Хайтова. Долго ломать над этим голову Азларханову не пришлось. Гостей пригласили за стол, и в самый последний момент, когда они, оглябая фонтан, направлялись к ярко-красному тенту, к своим местам, к Шубарину подошел человек и что-то тихо шепнул.

Артур Александрович негромко сообщил:

— Ну вот, прибыл и наш долгожданный Хайтов, — и замедлил шаг. Теперь Хайтов никак не мог миновать их, не увидеть, разве только демонстративно отвернуться; наверное, Шубарин сразу хотел прояснить для себя ситуацию.

Если бы Амирхан Даутович специально не поджидал Хайтова, то вряд ли признал бы его — за семь лет, что не виделись, Адыл Шарипович раздобыл, прибавилось седины, а ведь он был моложе Азларханова. Он появился во дворе в сопровождении хозяина дома и в окружении друзей, с которыми приехал на свадьбу.

Но он узнал Азларханова, хотя Амирхан Даутович изменился сильно с тех времен, когда они часто общались. Цепок прокурорский взгляд, цепок, он безошибочно выхватил из толпы Амирхана Даутовича, хотя тот и не

лез на глаза бывшему коллеге; Хаитова окликали со всех сторон, приглашая за свои столы.

— Кого я вижу! — воскликнул он и, оставив Джафарова, поспешил к Азларханову, обнял его. — Амирхан Даутович, какими судьбами?! А впрочем, какая разница, расскажете потом. Я рад вас видеть живым, здоровым, — и, сделав шаг назад, с улыбкой оглядел его и добавил: — И преуспевающим. Вальяжно смотрите, я сразу приметил вас, думаю, кого это к нам запесло в наше захолустье, взгляделся — вы! Сюрприз, настоящий сюрприз! Джафаров меня предупредил; говорит, Адыл Шарипович, у меня для вас сюрприз, ваш старый друг приехал ко мне на свадьбу, но не объяснил кто. — И, уже обращаясь к Джафарову, сказал: — Спасибо, обрадовал душу мою. Ты не ошибся, Амирхан Даутович действительно мой старый друг и много для меня сделал, давай усаживай нас где-нибудь рядом, мы очень давно не виделись... — И, забыв про свою свиту, обнял Амирхана Даутовича, направился под красный тент.

Артур Александрович отошел несколько в сторону и наблюдал за встречами как бы сбоку, но он все видел и все слышал, однако ему были важны не только слова, а скорее интонации. И за столом он не лез на глаза Хаитову, хотя сидел рядом с Амирханом Даутовичем, чтобы в любую минуту поддержать разговор.

Только они уселись за стол, с возвышения у фонтана грянула музыка — свадьба началась. Но два областных прокурора, один из них бывший, увлеченные разговором, не следили за событиями вокруг, да их и не отвлекали, Артур Александрович зорко следил за этим. Икрам Махмудович, севший напротив, наблюдал за бокалами, подавал закуски, подкладывал зелень. Азларханов, сославшись на нездоровье, только пригубливал рюмку с коньяком, а Адыл Шарипович не пропускал ни одного тоста и пил с какой-то непонятной жадностью, словно что-то изнутри сжигало его.

Пригласили на красный ковер к микрофону и Адыла Шариповича — поздравлять молодых. Он сказал и о том, что сегодня счастлив вдвойне, потому что на этой свадьбе встретил своего давнего друга Азларханова Амирхана Даутовича, и очень рад видеть его здоровым и счастливым, среди своих друзей. Если первую половину тоста слушали вполуха, то сообщение, которым он закончил, вряд ли кто пропустил, не принял к сведению, оно вызвало новое оживление среди гостей.

Вскоре застолье поутихло: приехала на свадьбу самая известная и наиболее высокооплачиваемая в республике танцовщица; наверняка ей сегодня предстояло выступать еще на одной свадьбе, а то и на двух, и оттого она торопила свой выход. Специально для нее расстелили огромный ковер, чей-то подарок новобрачным, о чем объявили по микрофону. Что такое танцовщица на восточной свадьбе, в полной мере могут понять и оценить только люди, живущие в Средней Азии; поэтому застолье на время увяло, многие поспешили к отведенной для танцев площадке, и прежде всего мужчины.

Артур Александрович не успел предупредить Икрама Махмудовича, чтобы тот надоло не отлучался — мог понадобиться, а того уже и след простыл. Файзиев, как оказалось, был большой поклонник свадеб, просто фанатик, на манер театрала или футбольного болельщика, не пропускал ни одной в округе, и особенно обожал он пляски известных танцовщиц.

Трезвый и обычно практичный человек, Икрам Махмудович сделался рабом одной идеи, чуть не маньяком: он возмечтал, чтобы у него на будущей свадьбе сына присутствовало не менее тысячи гостей, и, конечно, уважаемых из уважаемых; оттого он и боялся пропустить хоть одну знатную свадьбу, полагая, что ему ответят тем же вниманием и вернут конверт не тоныше, чем вручил он, а вручал Икрам Махмудович всегда щедро.

Наверное, Икрам Махмудович был еще и тщеславен; он любил, чтобы его имя почаще упоминалось рядом с именами известнейших танцовщиц и певцов, а потому не давал остывать этим упоминаниям от свадьбы к свадьбе.

Дело в том, что на восточных свадьбах и танцовщицы, и певцы, приглашенные за вознаграждение хозяином дома, за свое исполнение получают подношения еще и от гостей. Если на кавказской, скажем так, свадьбе эта сумма идет затем новобрачным, то тут деньги гостей достаются исполнителю. И надо жить в здешних краях, чтобы понять, что популярные в народе певцы и танцовщицы могут быть людьми весьма состоятельными; на свадьбах не остается незамеченным не только мастерство исполнителей, но равно и щедроты тех, кто раз за разом поощряет их крупной купюрой. Редко на какой свадьбе в округе находились люди, выдерживавшие этот денежный «марафон» в соперничестве с Икрамом Махмудовичем, и потому, рассказывая о той или иной шумной свадь-

бе, где упоминались имена известных певцов и танцовщиц, непременно называли и имя Файзиева.

Артур Александрович не одобрял привычек своего помощника и поначалу даже пытался как-то бороться с этим, но потом махнул рукой. Сомнительная реклама Икрама Махмудовича порою приносила неожиданные положительные результаты.

Икрам Махмудович искренне считал, что он на свой лад совершает вложение капитала, и не раз объяснял Артуру Александровичу, что тот не понимает Востока. На что Шубарин обычно отвечал по-европейски рассудительно:

— Если я доживу до того времени, когда ты в один день соберешь, как рассчитываешь, все то, что ты вложил, считай, десять тысяч с меня...

6

Обоих прокуроров, настоящего и бывшего, так же как и Артура Александровича, танцовщица, даже такая известная, как Санобар, приехавшая за свадьбу на собственном «мерседесе», ничуть не волновала — у них были другие интересы и проблемы. Оставшись одни за столом, они тоже решили не сидеть, а прогуляться по просторному двору. Чувствовалось, что Адыл Шарипович здесь впервые, а вот Артур Александрович заглядывал сюда, и не раз — он уверял Амирхана Даутовича, что не знает кулинара более изысканного, чем хозяин этого роскошно-го особняка и сада.

Выйдя из-за стола, они не спеша направились в глубь двора, где, как подсказал Артур Александрович, через территорию Джафарова протекал широкий полноводный арык, отчего в саду возникал особый микроклимат. Прокурор взял Амирхана Даутовича под руку, и они шли ухоженной аллеей, разговаривая вполголоса. Артур Александрович пристроился чуть сзади, рядом с Азлархановым, и только очень внимательный человек мог бы заметить, что он в разговоре не участвует.

Выходя из-за стола, он шепнул Азларханову:

— Выводите разговор на меня, пока он не опьянел. Странно, что он сегодня так много пьет.

Возможно, Азларханов еще долго искал бы момент, чтобы перевести разговор в нужное для Шубарина русло, если бы Адыл Шарипович не спросил напрямик:

— Так кто же вам протянул руку помощи, Амирхан Даутович? Я ведь слышал, что у вас совсем плохи дела?

Азларханов приостановился и, считая, что вряд ли представится момент удобнее, объяснил:

— Да вот он, Артур Александрович, и протянул...

Шубарин, услышав последнюю фразу Амирхана Даутовича, шагнул поближе, надеясь, что сейчас произойдет то, на что он рассчитывал. Но прокурор не остановился, даже прибавил шаг и, в упор не замечая Шубарина, переспросил:

— Этот гангстер? Акула? Впрочем, я вас понимаю: у вас не было другого выхода и других предложений. А вот кто поймет когда-нибудь меня да и всех остальных, тоже не избежавших его сетей? Тех, кто попал в какашны ему подобных или ваших Бекходжаевых — много их нынче развелось у нас в крае, да и по стране тоже... Значит, говорите, Шубарин вам помог? — переспросил Адыл Шарипович, и Амирхан Даутович понял, что Хаитов вовсе не пьян.

— Да, он. Вот познакомьтесь, Адыл Шарипович. Наши дороги с ним теперь сошлись.

Артур Александрович подошел с достоинством, протянул руку, словно и не слышал последних слов Хаитова. И негромко, веско:

— Я думаю, Адыл Шарипович, ваш старый друг на нас не в претензии, я уверен, что в местной промышленности у него большие перспективы. Может быть, мы с вами еще увидим его министром нашей отрасли. Впрочем, если надумаете уйти в отставку, знайте, что и для вас у нас всегда найдется интересная работа.

— Ловко покупает, стервец! — мрачно рассмеялся Хаитов. — Всех купил, все у него пляшут, как Санобар, только пошибче — Артур Александрович ведь любит темп. Спрут, настоящий спрут, далеко щупальца запустил. Я ведь знаю, чего он хочет, — просить за Ахрарова. Пока просить, а если откажу, будет угрожать и принимать меры. Так ведь, Шубарин? Небось и материала на меня собрал предостаточно? — Прокурор ронял слова размеренно, не сбиваясь с шага, и даже как-то бесстрастно, но Азларханов чувствовал его внутреннее напряжение.

— Не совсем так, Адыл Шарипович, — возразил Шубарин. — Вы человек эмоциональный и сгущаете краски.

Гангстер... Акула... Спрут... Несерьезно все это. А просить я действительно хотел за Ахрарова, и если вы уделите мне завтра полчаса, то получите информацию из первых рук, и уверен, у вас будет иное мнение и обо мне, и о моих коллегах, в числе которых пребывает и уважаемый нами Амирхан Даутович.

Хаитов показал на скамейку под орешинной и сказал вяло:

— Давайте присядем, я сегодня устал. А что касается аудиенции, приезжайте завтра к концу дня, ваши покровители и опекуны, а точнее прихлебатели, обложили меня со всех сторон, считайте, что вы меня дожали.

Но посидеть спокойно у орешины им не удалось: прокурора разыскал дежурный по прокуратуре и сказал, что он должен немедленно связаться по телефону с Ташкентом. Хаитов приобнял на прощание Амирхана Даутовича, напомнил Шубарину о завтрашней встрече и быстро удалился.

Артур Александрович, откинувшись на покрытую яркой курпачой спинку скамьи, после ухода Хаитова о чем-то размышлял и на время забыл о существовании Амирхана Даутовича. Очнувшись, он заметил, что и Азларханов глубоко задумался, и мысли его, наверное, были не радостными: как-то постарел и увял сразу прокурор, куда и стать, с какой он так замечательно держался до сих пор, подевалась.

А думы бывшего прокурора были действительно невеселыми: он чувствовал себя подсадной уткой, к которой приваживали дичь, муторно было на душе. Шубарин, словно читая его мысли, вдруг сказал бодро, как человек, снявший с себя груз давних неразрешимых проблем:

— Что за печаль, прокурор? Выше голову, это только начало, и ради бога не думайте, что вы провоцируете своего друга на сомнительное дело. Свой путь он выбрал давно, еще три года назад, оттого и такой театральный монолог перед вами. Вечная проблема: выбор между долгом, совестью и такой малостью, как деньги, комфорт, блага жизни. На обратном пути, в машине, напомните, я расскажу, чего я от него хочу. А теперь, когда мы свою миссию выполнили, и я считаю — выполнили отлично, может, и погуляем на свадьбе от души? — И он поднялся со скамьи.

Возбужденные гости все еще теснились возле площадки, где танцевала Санобар. Гремела музыка, ухали не в такт карнаи, взвизгивали от восторга подвыпившие муж-

чины, раз или два Амирхан Даутович расслышал смех Файзиева.

Наверное, Санобар танцевала прекрасно, потому что вокруг буквально стонали от восторга, и она не успевала в танце выхватывать из тянувшихся к ней рук деньги. Конечно, она не заставляла долго тянуться тех, у кого в руках была сиреневая или зеленая купюра, возле таких она проделывала какие-то особые па, от которых взвизгивала в экстазе публика. Пройдя круг, она сбрасывала к ногам музыкантов мятые бумажки, и вся эта четко контролируемая Санобар бухгалтерия никак не мешала ее танцу, стремительному, азартному, успевала она и одарить улыбкой кого надо, и возле кого-то особо покачать бедрами.

Разглядели они и Икрама Махмудовича, он был так возбужден, словно сам участвовал в танце. За эти минуты Санобар дважды одарила его улыбкой и исполнила возле него свое коронное па. В руках он держал банковскую упаковку пятидесятирублевых, заметно отощавшую. От внимательного взгляда Артура Александровича не ускользнули мрачные лица других танцовщиц, которым предстояло выступать позже, и недовольные лица певцов, которых Шубарин знал лично, потому что все они были приятелями Икрама Махмудовича. Наверное, Санобар нарушала конвенцию, танцевала сверх лимита времени, вычищая кошельки до дна.

Артур Александрович попытался подать какой-то знак Икраму Махмудовичу, но тот, словно замороженный, не мог оторвать взгляда от Санобар.

— Файзиев сегодня для нас потерянный человек, — сказал Шубарин с улыбкой и вдруг неожиданно предложил: — Поедемте-ка, дорогой Амирхан Даутович, домой. Эти развлечения не про нас, да и дело свое, ради которого мы приехали, уже сделали.

Азларханов чуть замешкался с ответом, надеясь, а вдруг подъедут еще Бекходжаевы, потому что гости продолжали прибывать, и стояли кое-где рядами накрытые столы, дожидаясь запоздалых и дальних гостей, — знал он, что восточные свадьбы длятся до утра.

Но Шубарин уже в который раз за этот вечер будто прочитал его мысли:

— Я вижу, вам не терпится схлестнуться хотя бы взглядом с Суюном Бекходжаевым или с его братом Акрамом Садыковым. Но, увы, должен вас огорчить: вы не увидите сегодня с ними.

И в подтверждение своих слов Артур Александрович достал из кармашка ~~ниджака~~ аккуратно сложенный листок из записной книжки и протянул Азларханову.

— «Бекходжаевых не будет», — прочитал Амирхан Даутович торопливо написанную тонким фломастером строку.

— Да, да, это совершенно точно, — подтвердил Шубарин.

— Я не возражаю, а как же Икрам Махмудович? — поинтересовался Азларханов.

— Файзиев загулял, и завтра его кто-нибудь доставит в город, у него много приятелей, сочтут за честь. А теперь поспешим, пока танцует Санобар; может, удастся уйти по-английски, не привлекая внимания. — И он повернулся, ища взглядом Ашота.

Но Ашот подошел откуда-то сзади, словно слышал их разговор.

— Я здесь, шеф, — сказал он тихо.

Артур Александрович ничуть не удивился и так же тихо ответил своему телохранителю:

— Отведи машину незаметно на соседнюю улицу и дожидайся нас, мы решили с прокурором уехать.

Пока Шубарин разговаривал с Ашотом, Амирхан Даутович подумал: даже хорошо, что так сложилось и они уезжают пораньше со свадьбы, может, в дороге, в отсутствие Файзиева, довольный вечером и знакомством с Хайтовым, Артур Александрович разоткровенничается и кое-что прояснит ему наконец из сплошного тумана намеков и недомолвок. В дороге представлялась возможность и задать кое-какие вопросы как бы из любопытства, праздного интереса — он видел, что слишком уж разные люди спешили на свадьбе выразить свое уважение Шубарину и Файзиеву.

Глава VI

ЯПОНЕЦ

1

Со свадьбы они ускользнули незамеченными, хотя это далось не так легко; Ашоту пришлось еще дожидаться хозяина на соседней улице. И Азларханов отметил ловкость Шубарина, умение моментально раствориться и исчезнуть в толпе. Эта игра, когда удалось скрытно покинуть многолюдную свадьбу, позабавила их более всего за вечер, и в машину они садились в веселом настроении.

— С вами можно идти в разведку, — сказал довольный Шубарин, но Амирхан Даутович не поддержал эту тему, зная, что она выльется в разговор на общие темы, а то и в обсуждение какого-нибудь полицейского фильма, чьи десятки лежали в видеотеке Артура Александровича. Поэтому он задал вопрос, как будто волновавший его или вызывавший в нем ревность, хотя сам всего лишь втягивал Шубарина в нужный для него разговор:

— На что вам в деле понадобился еще один юрист, и именно прокурор?

Артур Александрович сначала не понял вопроса и даже переспросил:

— Не уловил, о каком юристе, каком прокуроре вы говорите?

По минутной растерянности Амирхан Даутович понял, что Шубарин не хитрит и не лукавит, поэтому напомнил:

— Вы сказали Хайтову, если он надумает в отставку,

то и для него найдется интересная работа. Разве я один не справлюсь с юридической стороной дела?

— Ах, вот вы о чем! Право, я уже забыл о своем предложении Хаитову. — Артур Александрович улыбнулся. — Страшное сочетание образованности, житейской мудрости, прокурорской хватки и почти детской инфантильности живет в вас одновременно, вы уж извините за откровенность. Нет, Хаитов мне вовсе не нужен как юрист — в юридических делах я буду полагаться на вас, и вам вполне по силам справиться одному с объемом предстоящей работы.

— Тогда зачем же вам понадобился Хаитов? — нажал Амирхан Даутович, показывая еще раз свою заинтересованность.

— Мне нравится ваше стремление быть хозяином в своей сфере, в этом мы с вами схожи: я люблю держать под контролем все сам. Даже если Файзиев и считает себя в синдикате вторым человеком, а ведь это далеко не так, он в курсе вовсе не всех дел, тем более касающихся перспективы нашего роста. Он нужен мне, так сказать, для связи с местной общественностью. О, тут меня охотно убрали бы с пути, да чувствуют, что свои кадры еще не доросли до нужного уровня, так что для меня это вынужденный альянс, как и для них. И Хаитов мне нужен не как юрист, я не уверен в его квалификации, а мне не нужны люди с полужнанием. Как в наших краях получают образование, я знаю по себе: закончил два курса политехнического в Ташкенте, а затем поступил на первый курс Бауманского в Москве. Так что у меня есть примеры для сравнения... К сожалению, полуинженеры, полуврачи, полужурналисты, полуспециалисты, которым преподавали опять же полупрофессора, полудоценты, только бы свои, местные — из-за ложно понятой национальной гордости рано или поздно могут завести край в такой тупик... — Он покачал головой. — А что касается Хаитова, то мне нужен не сам Адыл Шарипович, мне нужны его связи, а связи у него огромные, он давно уже тут в прокурорах. Вот мы часто говорим о западных политиках, ушедших в отставку, которых тут же берут к себе крупные компании. Так было почти со всеми мало-мальски известными американскими политиками, да вспомните хоть Макнамару, Хейга, Киссинджера. И у нас некоторым образом происходит то же самое... правда, масштабы не те и возможности иные, по сути одна. Ручаюсь за это, опираясь на свой опыт: я подобрал немало

«бывших», и они оправдали мои надежды и вложенные в них средства. Правда, многие не выдержали испытания временем, ни у себя на прежней работе, ни на службе у меня «лоббистом». Их почему-то постоянно заносит; то ли прежняя должность и безмерная власть в своей сфере их портит, — и у меня, оправившись, оперившись, они пытаются что-то мне диктовать; а хозяйственные дела решаются не диктатом и амбицией, а экономическими расчетами, быстрой и четкой стратегией, поэтому я без сожаления расстаюсь с такими. Говорю об этом не для того, чтобы предостеречь вас на будущее, вы человек иной, моим «бывшим» не чета: вы лишены мелкого тщеславия, а это важно. Когда я говорил Хаитову о ваших перспективах, я не шутил. Подумайте на досуге об этом, у вас действительно нет преград, чтобы получить здесь любой высокий пост, нужно только время. Хозяйствовать, управлять «теневой» экономикой, как выражаются некоторые экономисты, это прежде всего тонко чувствовать политику, кадровый вопрос. Пока существует партийная номенклатура должностных лиц, «бывшие» долго еще будут в цене. Опыт показывает, что на должностях постоянно тасуются одни и те же люди, оттого я иногда делаю ставку на «бывших». Восточный народ — осторожный, на всякий случай поостережется отказать вчерашнему хозяину, потому что завтра «бывший» вновь может оказаться на коне, то есть в кресле, и тогда я выиграю вдвойне. «Бывшие» тут долго не теряют влияния и связей. Вот почему я хотел бы перетянуть к себе Хаитова, он избавил бы меня от множества неприятных для меня визитов к чиновникам разного ранга в партийном и советском аппарате. Для него просто открывалась бы тут любая труднодоступная для меня дверь. Так что опыт наших классовых врагов я не только изучаю, но и беру на вооружение. Все в мире повторяется, только с запозданием и в более уродливой форме. Наверное, вас в студенческие годы страшили кока-колой и жвачкой, атрибутами буржуазной жизни, а теперь мы сами построили такие заводы по их лицензиям. И совсем не шутки ради я содержанию телохранителя, который влетает мне в копеечку... — Артур Александрович весело потрепал по плечу Ашота, не отрывающего глаз от ночной дороги.

Чувствуя, что Шубарин сегодня расположен к разговору, Азларханов решил не упускать подходящего момента.

— Вы обещали рассказать на обратном пути о Хаитове.

Шубарин прикрыл окошечко в боковом стекле, видно, опасался сквозняка.

— О Хаитове? О нем я ничего сказать не могу, хотя и располагаю не менее подробным досье, чем на вас. Поэтому я расскажу, почему я добивался у него аудиенции, которую он наконец-то назначил на завтра. Впрочем, история эта в двух словах, но значение ее вы поймете, как только войдете в курс дела. Маленький ликбез, с вашего разрешения?

Азларханов согласно кивнул головой и откинулся на сиденье.

— Для теневой экономики (остановимся на этом термине, поскольку определение «подпольная» не отражает нашей сути: мы организация вполне официальная, или точнее — действуем в рамках существующих законодательных актов или ходим на грани) вопрос реализации готовой продукции гораздо важнее, чем само производство. Как это ни парадоксально звучит для человека, знакомого с нашим хозяйством, ведь куда ни глянь — у нас дефицит! Вот это меня волнует больше, чем производство товаров, потому что, только имея постоянно возрастающий капитал, я могу влиять на производство. Но тут возникает вопрос о рынках сбыта. Обозначим сразу сферу нашего влияния, я имею в виду лишь реализацию — она только в пределах республики. Выход за ее пределы чреват непредсказуемыми последствиями. Нет, вовсе не оттого, что там, в других республиках, тверже закон или блюдут интересы государства строже. Нет, просто там мы чужие, и на нас можно показать действительную силу закона, поскольку там у нас нет покровителей. Не совсем просто и в своей республике: в каждой области свой хозяин, запретить, чинить препятствия всегда найдется повод, поэтому я и держу «лоббистов», наводящих мосты. В области, где прокурором Хаитов, мы ничего не производим, только продаем изготовленное. Признаюсь, это наиболее существенный наш рынок, потому что половина туристических маршрутов в республике проходит через эту область. Каждый день сотни новых потенциальных покупателей с карманами, полными денег... Но за этот рынок приходится бороться. Откровенно говоря, отчасти мы сами и создали этот рынок, не без наших усилий был заключен договор между

экскурсионными бюро областей, и каждую пятницу по трехдневным путевкам туда прибывают сотни туристов из Кемерово, Донецка, Тюмени, Хабаровска — краев с традиционно высоким заработком. В расчете на них мы шьем дубленки и продаем их, что называется, с пылу, с жару, ориентируя производство именно на конец недели, и наши лавки при гостиницах работают до глубокой ночи, до последнего покупателя, — где вы еще видели такую торговлю? Там же в киоске лежит книга заказов: те, кто ничего не подобрал или кому не досталась вещь нужного размера, могут оставить аванс, а в следующую пятницу выкупить.

У вас будет возможность ознакомиться с нашим овчинно-шубным хозяйством, оно прекрасно отлажено — от сбора шкур у населения до реализации готовых изделий. Дубленки я привел в пример только потому, что это самое дорогое и рентабельное производство, хотя ассортимент нашей продукции составляет сотни наименований, и все, безусловно, прибыльно и даже сверхприбыльно. И на таком вот, по существу, нами же созданном рынке время от времени возникают препятствия. В этой области трудно с занятостью населения, и Хаитов хотел бы, чтобы я часть своих предпрятий перевел сюда. Но мне не резон, а почему, я объясню позже, или вы потом поймете сами. Реализацией нашей продукции в области занимается Ахраров, человек энергичный, коммерсант от бога, — так прокурор опечатал у него пять киосков и не разрешает продавать с лотков на улицах, а это преимущественный вид нашей торговли — прямо с колес. Для нас каждый день простоя влетает в копеечку. Мы работаем не на склад и производим дефицит, поэтому оплата труда только с учетом проданной покупателю продукции. Да и оборудование у нас индивидуальное, штучное, дорогое, оно окупается только при условии полной загрузки. Поэтому действия Хаитова для меня — пож к горлу, мы должны прийти к какому-то обоюдному согласию. Наверное, нас терпят еще и потому, что мы делаем большие отчисления с реализации в местный бюджет, и так просто потерять дармовые деньги властям не хочется, не говоря уже о том, что нас «доит» всякий, кому позволяет должность. Но нам выгоднее заплатить, чем сбиваться с ритма. Имеет свою дань с Ахрарова, и уже давно, и ваш бывший коллега Хаитов, но теперь... выкручиванием рук он хотел бы навязать нам еще и свою политику в производстве.

Амирхана Даутовича так заинтересовал рассказ Шубарина, что у него невольно вырвался вопрос:

— А почему бы вам и вправду не открыть здесь свои предприятия или хотя бы филиалы, цехи, если тут так легко с рабочей силой и местные власти заинтересованы в этом?

— Ну вот, и вы туда же, Амирхан Даутович! Дорога дальняя, пройдем и этот раздел экономики, он наиболее существенный в нашем деле. Почему я не использую предлагаемые Хайтовым трудовые ресурсы? Отвечаю — мне нужны не всякие трудовые ресурсы. Вот вам простой пример... В какой-то местности шумят, мол, у нас не занятые в производстве женщины, девяносто процентов их сидит дома, и следует использовать такой мощный потенциал. А толком ведь не изучают, сколько женщин, каков их возрастной состав, семейное положение, чем бы они хотели заниматься, к чему склонны, готовы ли к ритму современного производства, увязывается ли он с укладом их жизни...

Разведут газетную демагогию насчет раскрепощения восточной женщины и строят в глубинке, скажем, ковровую фабрику — женское, по сути, как и везде в мире, предприятие. Поначалу все женщины в округе дружно идут туда устраиваться, потому что, еще не ведая, чем будут конкретно заниматься, уже знают и о больничных листках по уходу за детьми, и о декретных отпусках, и о послеродовом отпуске в полтора года, и о доплате на детей, и о прочих преимуществах работающей женщины, — ведь в сознание уже как-то внедрилось, что зарплата не зарабатывается, а выдается в любом случае всем, кто числится на предприятии. А потом начинается хаос... Что прикажете делать директору, если у него каждый день не выходит в цех треть работниц — у каждой тут трое-четверо детей, а то и больше, и все они продолжают еще рожать, а дети частенько болеют. Вот и получается, что все двести семьдесят рабочих дней в году вполне могут оказаться состоящими из больничных листков. А если к больничным обычным постоянно прибавляются больничные по декрету, то иных работниц можно видеть на рабочем месте раз пять в году, и так из года в год. А какая из нее работница, если она в год работает в среднем по два-три дня в месяц? Современное предприятие требует навыков, высокой профессиональной выучки, четкой технологической дисциплины. К тому же такую работницу ни за что нельзя уволить —

вот и лихорадит фабрику, кстати сказать, оборудованную новейшей импортной техникой. В конце концов рядом срочно строят общежития и привозят по оргнабору, суля всякие блага, из разных краев молодых девушек. О какой рентабельности, какой низкой себестоимости продукции может быть разговор на таких горе-предприятиях, даже если выполняют девушки по полторы нормы в день? Построив такой завод, государство заведомо обрекает себя на убытки; правда, в данном случае, может быть, спасают несуразно высокие цены на ковры.

Надеюсь, вам теперь понятно, какую бы я получил тут «рабочую силу». У меня не бюро добрых услуг, не собес и не филантропическая организация. По идее, наши предприятия — прообраз будущих хозрасчетных, самокупаемых, самофинансируемых организаций, у которых есть возможность добиваться неограниченных прибылей, исключаящих потолок заработка; но зато над ними постоянно висит угроза банкротства без всяких выходных пособий. Чтобы этого не случилось, нужно постоянно изучать спрос, рынок, следить за насыщением его, обновлять и улучшать ассортимент, а то и вовсе срочно перестраиваться на выпуск нового изделия, снижать себестоимость за счет максимальной загруженности оборудования и использования меньшего числа работающих за счет их высокой, я бы сказал — высочайшей квалификации. О качестве я уже не говорю — на том и держимся. И такие кадры подбираю я сам. Мои люди чувствуют ответственность за дело. Мы находим их по рекомендациям, если надо, учим, но учим тех, на кого надеемся, тех, кто хочет работать и зарабатывать. При ином подборе кадров, подходе к труду, я бы вылетел в трубу, поэтому меня не устраивает навязываемое Хаитовым предложение.

— И все-таки, мне кажется, ваше нежелание открыть у Хаитова в области свои предприятия связано не только с вопросами кадров, не так ли, Артур Александрович?

Шубарин от души рассмеялся и вновь потрепал по плечу молчаливого шофера.

— Сколько больших людей, Ашот, перебивало в этой машине, и ни один из них не соображал так быстро, как Амирхан Даутович. Быть вам когда-нибудь министром местной промышленности, если так будете хватать проблемы на лету.

Да, вы правы, вопрос о кадрах — всего лишь часть проблемы, хотя тоже существенная. И я скажу вам от-

кровенно, как бы ни были ценны наши кадры, все же главным для нас является высокопроизводительное оборудование и сырье. За ту зарплату, что платим, мы всегда найдем людей, готовых научиться и работать по пятнадцать часов в сутки, и резерв рабочей силы мы, как ни парадоксально, находим в инженерной среде, в среде людей с образованием, недовольных своим материальным положением. Этот высокообразованный контингент, уже помятый жизнью, быстро овладевает любыми трудовыми навыками, ибо ясно видит, что работает на конечный результат. У нас нет проблем с трудовой дисциплиной, нерадивостью, невыгодно у нас болеть, тем более простаивать. Никому не приходится напоминать об экономии сырья, энергии, ибо опять же от этого зависит заработок. Поощряется всякое новшество, экономия, идеи. Но даже среди таких работников у нас есть своя элита, незаменимые люди. Вот, например, когда организовали овчинно-шубное производство, пригласили скорняка из Белоруссии. Без его знаний, энергии, организаторских способностей, наконец, нам никогда бы не поставить на поток такое выгодное дело, хотя его заработок привел бы в ужас любого фининспектора. Раз уж заговорили о мастерах, похвалюсь — у нас на учете почти все умельцы края и даже за пределами его: модельщики, лекальщики, технологи, художники, наладчики станков и оборудования, конструкторы, изобретатели... Располагая финансовыми возможностями, нам легко перестраиваться, налаживать то или иное производство, ведь в нашем деле главный выигрыш — время. Как говорится, дорого яичко ко Христову дню!

Вернусь к главному, к оборудованию... Оно у нас не серийное, а переделанное из стандартного умельцами, или чаще всего сконструированное и построенное в нескольких экземплярах изобретателями и рационализаторами на местных заводах, а чаще всего в небольших конструкторско-технологических бюро. Есть у нас и импортное оборудование, добываем, вымениваем правдами и неправдами. Среди нас, руководителей, большинство с техническим образованием, и сам я, как уже говорил, закончил Бауманское, поэтому мы в курсе всех дел на машиностроительных заводах, знаем их возможности. Следим, конечно, и гораздо оперативнее, чем отраслевые министерства, за новинками за рубежом, технологией, оснасткой, за всем тем, что повышает производительность и улучшает качество. У многих станков, машин, оборудо-

дования, не удивляйтесь, есть личные хозяева, и я вынужден платить их владельцам немалые суммы за эксплуатацию, а куда денешься, это как раз редчайшие станки.

Год назад, например, нашел меня один человек из Одессы. Работал он некогда судовым механиком на сухогрузе, толковейший инженер, работяга, каких поискать. Так он, когда стояли в чужих портах на ремонте, не шмотками, не джинсами и аппаратурой интересовался, а к технике присматривался. Не знаю уж как, каким образом — это не мое дело (говорит, за два двигателя и мощный насос выменял) — привез он два итальянских станка-полуавтомата, довольно-таки громоздких, штампующих из пластмассы «хрустальные» люстры на медной фурнитуре. Оба станка выпускают по три разные модификации — значит, шесть типов. Чудо-люстры, не успеваем завозить на продажу, моментально разбирают. Цена приемлемая — от тридцати до пятидесяти рублей, и выглядят вполне прилично за такую сумму. Пытались мы сами создать подобную установку, сделали, работает, но качество далеко не то. Так у нас с этим бывшим судовым механиком договор: по две тысячи рублей за амортизацию каждой установки в месяц в течение двух лет, а после полуавтоматы переходят в нашу собственность; и, конечно, зарплата у него с выработки. Сам он с семьей работает на них в три смены, и никак не насытит рынок. За два года семья заработает столько, сколько иной за всю жизнь не получит, но он днюет и ночует у своих станков, холит и лелеет их, разве только не целует своих кормильцев.

Должен вам сказать, не только мы ищем толковых умельцев, изобретателей, талантливых инженеров, но и они нас, потому что знают: их детище тут же воплотят в металл, и дадут путевку в жизнь без проволочек, и с оплатой не поскупятся.

Когда нужное оборудование не удастся купить по безналичному расчету или получить по фондам, в ход идут деньги, большие деньги, мало кто устоит перед такими суммами. Деньги эти принадлежат пайщикам; может, со временем, и вы станете пайщиком, или, как у нас говорят, войдете в долю. Половина оборудования принадлежит пайщикам, и первейшая задача — вначале вернуть вклад пайщикам, это свято; потом пайщикам идет процент с доходов. Сложная на первый взгляд бухгалтерия, но это только на первый взгляд. Счетные ра-

ботники у нас тоже самые толковые, к тому же у каждого пайщика в кармане своя многофункциональная счетная машинка «Кассио», с памятью, она никогда не ошибается. Так могу ли я такое оборудование разместить где попало, как предлагает Хаитов? К тому же этот вопрос решаю не я один, а вместе с влиятельными пайщиками, хозяевами оборудования, а пайщиком может быть и прокурор, и начальник ОБХСС, и крупный партийный работник, и даже директор завода или министр, добывший по нашей указке и за наши деньги уникальное оборудование.

Услышав о влиятельных пайщиках, Амирхан Даутович сразу вспомнил слова Хаитова: «...всех купил, всех втянул в свои дела, все они у него крутятся пошибче, чем Санобар...» — наверное, Адыл Шарипович хорошо знал ведомство Шубарина. Припомнились ему и другие слова прокурора: «...считайте, что дожали меня ваши друзья-приятели, а точнее, прихлебатели...»

«Все правильно рассчитал Артур Александрович: вложив деньги, кто же не будет способствовать своему процветанию, — думал Азларханов. — Прямо-таки синдикат тайный...»

Он еще раз внимательно оглядел Артура Александровича, спокойного, уравновешенного, уверенного в себе. Надо отдать должное, перед ним сидел далеко не заурядный человек, незаурядный и очень опасный. Вероятно, в иных ситуациях он был влиятельнее самого министра финансов и председателя Госбанка республики, потому что, исходя из сложившейся ситуации, молниеносно оперировал огромными живыми деньгами; к тому же, как всякий хозяйственный руководитель, пользовался поддержкой казны, имел счета, кредиты, ссуды... Здесь Азларханову как правоведу было над чем подумать.

Конечно, прокурор понимал: чтобы разобраться в «хозяйстве» Шубарина, ему нужно будет еще много потрудиться: необходимо срочно пополнить свои знания по экономике, хозяйствованию, банковскому делу; но и тогда трудно сказать, удастся ли разгадать все финансовые махинации, слишком уж изощрен был в делах Шубарин, надо отдать ему должное.

Азларханов спросил:

— Почему могла зародиться и процветать теневая экономика?

— Вполне логичный для прокурора вопрос, — непринужденно пошутил Артур Александрович. — Но я не

закончил свою мысль об оборудовании, иначе вам не понять ответа на ваш новый вопрос, у нас все взаимосвязано.

Основные производственные мощности, наиболее рентабельные, находятся у нас в Бухаре. Там я начинал, там я оперился, получил кое-какую поддержку, а главное, я нашел через «лоббистов» подходы к первому человеку в области, к хозяину. С ним я теперь накоротке, пребываю в числе тех редких людей, которые могут прийти к нему в любое время, а ведь он далеко не демократ. В свою очередь, он один из приближенных, можно даже сказать любимчиков, первого человека в республике. Его вы знаете лучше меня, наверняка встречались не раз, будучи областным прокурором, думаю, властную руку самого ощущали повсюду, и не однажды. Вот почему я не вижу особых преград, почему бы вам при случае не стать министром местной промышленности — у нас есть прямой выход на первого, а в республике кадровый вопрос решает только он, повсюду сидят только его люди.

Однажды я пришел к первому в области и сказал, что мне позарез нужны пятьдесят тысяч, обещал через год вернуть с удвоением — деньги нужны были, чтобы срочно заполучить фонды в Москве на дефицитное сырье. Деньги он мне дал, там же, в кабинете, вынул из личного сейфа пять аккуратных банковских упаковок — он любит крупные купюры и крупные суммы, и вообще масштабный человек. Не стал даже расспрашивать, на что мне они. Я, конечно, вернул их день в день, как и обещал, с удвоением, десять таких же пачек. Но на этот раз он, как бы шутя, спросил, нет ли возможности пустить их еще в оборот. А я оговорился, что только в случае его поддержки кое в чем, хотя в тот момент планов у меня никаких конкретных не было; да заодно и удвоил срок оборота капитала, поскольку понимал, что он опять имеет в виду только двойной рост. Так неожиданно я получил, что называется, карт-бланш и уж тут развернулся вовсю. Имея в доле такого пайщика, я мог вовлекать в дело самых осторожных людей, мог без страха приобретать дефицитное и высокопроизводительное оборудование, работать с перспективой, с долгосрочной программой. Так я открыл в сорока местах цехи по пошиву шуб из искусственного меха — и мужских, и женских, и детских. Кроили в одном месте наши лучшие закройщики, опять же в три смены, непрерывно, и даже успевали следить за модой и менять ассортимент, хотя

и так отрывали с руками — поистине у нас ненасытный рынок. Вышел я напрямую и на поставщиков, и за наличные, за треть цены, вагонами получал сырье, опять же отправляемое только в Бухару.

Вот почему в Бухаре и самой области я насыщал предприятия оборудованием, у меня не было причин опасаться кого-то, я там застрахован от всего, только дерзай. Но, как видите, центр тяжести наших предприятий все же переместился сюда, в «Лас-Вегас», где мы с вами познакомились. Но открытие «Лас-Вегаса», я думаю, самая большая удача, выпавшая мне.

Однажды, когда рудник еще был в силе и действовала мощная производственная база, обслуживавшая строительство и эксплуатацию шахт, меня привели сюда дела. Я пытался открыть цех резинотехнического литья: всякие кольца, прокладки, сальники, модная пляжная обувь — опять же дефицит из дефицита, и хотел, чтобы мне помогли здесь с пресс-формами, поточной линией; хороший проект и технические условия были у меня на руках. Побродив по предприятиям день-другой, поговорив кое с кем из руководства, я, наверное, раньше, чем кто-либо, понял, что дни рудокомбината сочтены: не позже чем через год его расформируют, и останутся мощнейшая, современная производственная база и производственные площади, на создание которых обычно уходят годы и деньги, реки денег.

И я тут же смекнул, какой я окажусь палочкой-выручалочкой для местных властей, если предложу открыть на этих площадях наши цехи по выпуску товаров народного потребления, с отчислением в бюджет города от реализации наших изделий. Конечно, о подлинных масштабах производства я не собирался ставить их в известность, зато собирался оговорить долгие сроки становления, набора темпа.

Когда случилось то, что я и предвидел, я оказался первым на пепелище, и у меня с моими влиятельными пайщиками была уже определена четкая программа, которую не без нажима со стороны приняли городские власти.

Никогда прежде я не работал так масштабно, с такой энергией... На фоне растерянности, беспомощности городских властей я действовал по-пиратски, так, как мне хотелось, получая к тому же всяческую поддержку местной администрации.

— А еще обиделись, когда Адыл Шарипович назвал вас гангстером... — попенял Азларханов.

Шубарин усмехнулся, приняв это за остроумную шутку, и продолжал:

— Ведь для них, ориентированных на добывающую промышленность, мое дело оказалось темным лесом, а я их, естественно, просвещать не собирался. Еще не имея никаких прав, мы провели тщательную ревизию того, что хотели заполучить. И хотя по распоряжению горного ведомства многое подлежало демонтажу и вывозу, мне удалось оставить абсолютно все, на что мы нацелились. А при существующей неразберихе, бесхозяйственности, безответственности большая часть оборудования до сих пор не взята нами на баланс и висит где-то в воздухе — фантастика!

Хотите верьте, хотите нет, но до сих пор мы не заплатили ни копейки ни за электроэнергию, ни за воду, ни за газ, хотя пользуемся термическими печами, а цехи наши работают с напряжением, коэффициент сменности оборудования у нас, наверное, самый высокий в стране, спасибо горному ведомству за его бездумную щедрость.

Наверное, даже вы, неэкономист, понимаете, какая у нас низкая себестоимость изделий, если учесть, что и сырье, кроме фондов, мы покупаем чаще за наличные — когда за полцены, когда за четверть, а когда, пользуясь полной бесхозяйственностью, и за бесценок.

Артур Александрович на секунду сделал паузу, оглянулся, наверное, желая увидеть, какое впечатление производит его рассказ на собеседника.

Амирхан Даутович был весь внимание. («Интересно, — думал он, — удачно сделанное дело и похмельная расслабленность подвигли Шубарина на такую лекцию, или он и впрямь ничего не боится — такая у него поддержка в республике? Меня, во всяком случае, он не боится — точно...»)

— Однажды, лет десять назад, я прочитал в «Известиях» статью о некоем авторемонтном заводе в Армении, которого фактически не было в природе — по указанному адресу находился пустырь. Хотя предприятие значилось в республике в числе передовых, рентабельных и неоднократно награждалось, поощрялось, были о нем и статьи в прессе. Всю его бухгалтерию, отчетность вел один-единственный человек, на мой взгляд, финансовый гений, а создали это предприятие несколько аферистов, хорошо изучивших наш неповоротливый хозяйственный

механизм, идеально функционирующий только на бумаге.

Тогда еще, не обладая ни нынешней властью, ни капиталом, ни возможностями и связями, я сделал для себя вывод, что предприятие, которое я когда-нибудь создам, должно быть реальным, процветающим, легальным, передовым во всех отношениях, но... построено по принципу айсберга, подводная часть которого в три раза превышает надводную, видимую, предназначенную для витрины и официальной отчетности. А для этого нужны бухгалтеры, экономисты не хуже того, из Армении; со временем я отыскал таких людей, не говоря уже о том, что я и сам одолел экономику и планирование. Руководитель, не разбирающийся в экономике в совершенстве, — нонсенс, абсурд, такое в теневой экономике невозможно, здесь выживают только асы своего дела, киты, имеющие, кроме головы, капиталы и надежную страховку.

Любое выражение: «двойная бухгалтерия», «тройная» — не отражает нашей финансовой сути, она должна определяться понятиями высшей математики — пятимерное, что ли, измерение, если такое в природе существует. Наши предприятия в отрасли самые рентабельные, механизированные, у нас высочайшая выработка, самая низкая себестоимость, самая лучшая фондоотдача, стопроцентная реализация продукции, лучшие условия труда, не говоря уже об оплате. Мы рекордсмены по всем показателям, даже самым надуманным, если хотите — образец социалистического предприятия, как ни кощунственно это для вас звучит. Нас невозможно сравнить с какой-нибудь отраслью в округе, да и в целом по республике — мы идем впереди по всем статьям. Мы награждены какими хочешь знаменами: союзными, республиканскими, областными, городскими, отраслевыми, знаменами ВЦСПС, Совета Министров, ЦК комсомола, переходящими и вручаемыми навечно, у нас есть специальный зал наших наград — и это впечатляет. Не удержусь от похвалы себе: я имею орден Трудового Красного Знамени и являюсь депутатом горсовета в «Лас-Вегасе».

Амирхан Даутович вдруг случайно поймал в зеркальце над лобовым стеклом лицо Ашота и какое-то время наблюдал за ним. Он уловил, что Ашоту неприятны похвалы бы подвыпившего шефа, возможно, такое открытие Артура Александровича для него было новостью. Но как бы там ни было, Амирхан Даутович почувствовал, что в каких бы отношениях он ни находился с его шефом, симпатией и доверием у Ашота он сам не пользу-

ется. Для парня, наверняка знакомого с Уголовным кодексом не понаслышке, бывший или настоящий прокурор в любом случае оставался «ментом». И там, за решеткой, его учили никогда, ни при каких обстоятельствах не доверять им. У Ашота этот принцип сработал, может, не от широты ума, а инстинктивно, но сработал, хотя он не выказывал внешних признаков недружелюбия, даже наоборот; но вот случайно пойманный взгляд, выражение лица сказали Азларханову о многом, и он отметил для себя, что Ашота следует остерегаться.

Амирхан Даутович бросил взгляд за окно и, несмотря на темень азиатской ночи, по огням тянувшихся вдоль дороги кишлаков понял, что они уже недалеко от города — и пожалел об этом. Сегодня он хотел, чтобы дорога не кончалась, согласен был и на ремонт в пути, хоть на прокол шины, как случалось не раз, когда спешил куда-нибудь; но «Волга» шла ходко, минут через сорок они наверняка будут у себя в гостинице. Значит, у него оставалось еще время задать несколько вопросов разоткровенничавшемуся дельцу, и он этим воспользовался.

— А как реагирует на такую постановку дела основная масса ваших рабочих и средний персонал? И попутно еще один вопрос: насколько уязвима созданная вами модель айсберга — или это целиком зависит от покровительства власть имущих пайщиков и одариваемых чиновников?

Артур Александрович на минуту задумался, а Ашот впервые за вечер подал голос:

— Вот такие они, прокуроры, все им вынь да положь — расскажи обо всем сразу... — и, довольный собой, рассмеялся.

Рассмеялся и Шубарин. И Амирхан Даутович мог бы принять сказанное за шутку, если бы опять боковым зрением не зацепил в зеркале холодный взгляд темных навывкате глаз.

— Жесткие вопросы, да, но если бы я вступал в дело, наверняка задавал бы их в такой же четкой и ясной форме. — Артур Александрович похлопал Ашота по плечу, то ли одобряя шутку, то ли предупреждая, мол, не лезь не в свое дело.

Прокурор лишний раз отметил про себя неоднозначность поступков и жестов Шубарина.

Артур Александрович тем временем продолжал:

— Насчет рабочих... Вы, я думаю, зря преувеличиваете их социальную активность. Для них важны зарабо-

ток, хорошие условия труда и справедливое отношение. Эти основополагающие, на мой взгляд, факторы мы стараемся обеспечить максимально, и, отладив это триединство, я меньше всего думаю о социальной стороне вопроса и всяческой словесной демагогии, в которой мы скоро утонем. Я твердо знаю одно — без внимания к человеку и хорошей оплаты его труда рассчитывать на успех бесполезно. К тому же, я говорил, мы не берем людей с улицы — в этом краю, где избыток рабочей силы, можно позволить себе выбор. А потом, что они могут знать? Им я подобных лекций не читаю, а структура создана таким образом, что вряд ли и инженеру понятна картина целиком. Все раздроблено и, уж поверьте, не для утайки, а для эффективности: кроят, положим, в нескольких местах, шьют в десятках других мест, реализуют в сотнях населенных пунктов.

Да и куда им, рабочим, пойти, если что-то у нас не устраивает? Где выбор? На такой кирпичный завод, где работали вы? Где ни заработка, ни порядка? Я пожинаю плоды не своих усилий: людей приучили помалкивать, не высовываться, мол, есть начальство — оно за вас и думает. И мы своих рабочих пока устраиваем, но, если возникнет какое-то недовольство, мы тут же его устраним, думаю, что разумный компромисс всегда возможен.

Каждый год одна, а то и две группы наших рабочих едут по путевкам, как представители самой передовой организации в области, за границу, в социалистические страны. И страны эти я подбираю с учетом специфики труда — к своим коллегам, значит, с возможностью позаниматься опытом.

Скорняки наши ездили в Югославию, обувщики — в Чехословакию, занятые пошивом одежды и трикотажики — в Венгрию и Польшу, и везде, по предварительному согласованию, у людей была возможность побывать на интересующих нас предприятиях. Не было случая, чтобы они не привезли десятки предложений, которые мы тут же, без проволочек, использовали в производстве. Бывает, что, сложившись, они покупают там какую-нибудь новейшую швейную машинку, о существовании которой мы и не догадывались, а она, оказывается, в десять раз ускоряет и улучшает процесс. А то накупят целые чемоданы особо прочных ниток, которых у нас днем с огнем не сыскать, или десятки коробок иголок «зингеровских» и кучу запчастей; привозят коробками какие-нибудь заклепки, пистоны, кнопочки, все, что может пойти в дело и

улучшить нашу продукцию. Мы, конечно, компенсируем затраты не скупясь, поощряем подобное отношение к делу, нас это радует. Некоторые рабочие вместо отдыха и развлечений, бывает, не один день пропадают в цехах, чтобы научиться необычному для себя раскрою или иному технологическому процессу, и все это потому, что мы платим за конечный результат всего коллектива, и им не все равно, реализуется их продукция или нет, нам об этом им напоминать не надо, это всегда отражается на зарплате. И я пытаюсь свои отношения с людьми строить на интересе, а не диктате.

Конфликты, конечно же, бывают и с рабочими, но не на такой основе, как вы предполагаете. Чаще разногласия случаются в верхах, в отношениях с пайщиками, но и тут мы всегда готовы пойти на разумный компромисс. Тех, кто хочет выйти из игры, мы не держим, возвращаем пай, тем более что желающих войти в долю хоть пруд пруди, да и не всякого мы берем, просто денежный вклад нас теперь мало интересует. Но если конфликт становится неконтролируемым, может нанести ущерб делу, тут уж на все приходится идти. В крайнем случае обращаюсь к Ашоту и его друзьям, — бесстрастно заключил Шубарин.

— И помогает? — поинтересовался бывший прокурор.

— Мы верь не уговорами занимаемся, — зло засмеялся Ашот.

— Но это вынужденная, крайняя мера, как я сказал, — поторопился вступить в разговор Артур Александрович, наверное, чтобы Ашот не сболтнул чего лишнего.

— А что касается второго вопроса — об уязвимости айсберга и насколько я завишу от покровителей-пайщиков, я бы ответил так: что-то добыть, что-то организовать, произвести, продать, даже с большой выгодой, это, на мой взгляд, талант мелкого махинатора, цель которого — заработать, ну, скажем, сто тысяч, двести, на большее при таких жизненных устремлениях не потянешь. Давно, когда я уже имел четкую модель своего айсберга, я прочитал интересную статью о японском судостроении, это одна из древнейших и одна из наиболее современных отраслей человеческой деятельности. Здесь были сфокусировались все достижения науки и техники. Японцы строят в принципе непотопляемые суда. Раньше достаточно было пробоины, и корабль шел ко дну. Теперь же редко какой удар может оказаться для корабля роковым, страдает только его часть, остальные отсеки, неповрежденные,

держат судно на плаву. Больше того, из соседних отсеков можно успешно устранить аварию, если не возникла паника. Еще не ведая о специфике судостроения, я создал примерно такую же модель непотопляемого айсберга. Полную картину знают, кроме меня, двое: главный бухгалтер и главный экономист, можно сказать, мы вместе дежно и ношно стоим на вахте. Но вряд ли кто принимает их за членов мозгового треста, да и мне нет резона выпячивать их роль. Даже пайщики уверены, что все сосредоточено у меня в руках, хотя некоторые думают, что ответственность со мной разделяет Икрам Махмудович.

За людей, составляющих мозговой трест, я не тревожусь и доверяю им как самому себе. Нет, не потому, что запугал их или они чем-то намертво завязаны... Просто они люди умные и знают, что айсберг непотопляем. При любой неудаче, провале страдает только какой-то участок, в конце концов, ответственность за это всегда можно принять, у кого не бывает упущений. Притом существуют разработанные нами, как на случай пожара, варианты отступления из огня — без паники. И как на японском корабле, в момент удара автоматически подключаются соседние отсеки и начинают тушить пожар, дабы не пропало и свое добро. Только моя модель дает мне уверенность и силу, а не покровители-пайщики. Хотя их помощь нельзя недооценивать. Раньше, в пору становления, мне нужны были деньги, теперь особой надобности в них нет, колесо закрутилось, да и сырье дают под залог. Теперь нам нужны вкладчики на должностях: одни — добывающие дефицитное сырье и оборудование, другие — гарантирующие свободную, без помех, реализацию, третьи — выступающие в роли «пожарных». Вкусив выгоду, они теперь сами ищут контактов со мной. Видели, что творилось на свадьбе? Каждый торопился засвидетельствовать свое почтение, попасться на глаза.

Артур Александрович сделал паузу и, обернувшись, посмотрел на Амирхана Даутовича, словно приглашая его задать следующий вопрос. Азларханов моментально воспользовался этой возможностью, хотя вдали уже поблескивали огни пригородных кишлаков. Важно было удерживать Шубарина в состоянии приятного возбуждения, расположенности к разговору; конечно, Амирхан Даутович понимал, что ему еще предстоит оценить эти откровения, степень их искренности, правдивости, соответствия фактам.

— И все-таки вы развернулись не только оттого, что взяли в долг пятьдесят тысяч у влиятельного человека, получили его покровительство? Наверное, были и объективные причины для вашего быстрого роста? Я понял так, что вы не только удваивали капитал, но и удваивали, утраивали мощности производства?

Артур Александрович, явно пребывавший в хорошем расположении духа, рассмеялся:

— Амирхан Даутович, если бы я не располагал подробнейшим досье на вас, я бы подумал, что вы состоите в доле у себя в области у артельщиков, как называют нас в народе. У меня такое впечатление, что вы знаете ответы на все ваши вопросы. Но я шучу, ведь догадываться одно, а получить подтверждение своим мыслям, прогнозам у человека компетентного — совершенно другое. Не так ли?

— Вполне резонно, — согласился прокурор. — Почерпнув информацию из нашей беседы, меньше буду отвлекать вас потом, когда займусь бумагами. В принципе я уже понял, что от меня требуется. — И он откинулся на спинку сиденья, предоставляя слово Шубарину.

— Да, вы правы, наличие денег и воли мало что решает в нашем деле, должны созреть объективные экономические предпосылки. Конечно, взяв на очередное удвоение капитал первого человека в области, я получил, так сказать, режим наибольшего благоприятствования в торговле. Но все это благоприятствование по отношению ко мне и к моему делу не стоило бы и гроша ломаного, если б рынок оказался насыщен товарами. Я и сам не однажды мучился этим вопросом, да и сейчас порой задумываюсь. Как могло так случиться, что наш рынок плавно, из года в год все меньше и меньше насыщался товарами?

А знаете, Икрам Махмудович, не мудрствуя лукаво, объясняет это так: мол, есть люди поумнее нас с тобой, которые несут в Госплан, Госснаб, Внешторг, Минторг деньги чемоданами или сумками и говорят: это не закупать, это не производить, этим не торговать, — вот и создается дефицит, напряженка, а этот вакуум, мол, заполняем мы с тобой.

Я отвечаю ему: в том-то и загвоздка, что никто никому ничего не несет, никто на них не давит, не стоит у них за спиной Ашот с друзьями, а они тем не менее с каждым годом наращивают в стране дефицит. Тогда Икрам

тут же предлагает вторую версию, он вообще скор на решения, имейте в виду.

Он говорит: если за это еще и ничего не берут, значит, наверху сидят или дураки, или враги. Видите, какую он выстраивает логику. Я, конечно, не разделяю ни первой его версии, ни второй, но и логики, здравого смысла в таком планировании и производстве не вижу.

Вот вам первая причина нашего подъема — наличие дефицита на широкий круг товаров. Вторая причина, которую я бы отметил, на мой взгляд, даже важнее первой. Это стоимость изделия, нет, не того, что производим мы, а того товара, что имеется в государственной торговле.

Сапоги меньше ста рублей уже не стоят, это, заметьте, цена на сапоги из искусственной кожи. Дубленка импортная тянет уже тысячу, а наши, семипалатинские, казанские, на которые еще больший спрос — по шестьсот рублей. Босоножки — два шнурочка и ремешочек — пятьдесят рублей... да так все, на что ни глянь. Мужские рубашки дошли уже до двадцати рублей, а шапка из искусственного меха сравнялась по ценам шестидесятого года с ондатровой, копейка в копейку, головой ручаюсь. Шуба из искусственного меха тянет на три средние зарплаты, а мужской кожаный пиджак из лайки, а проще из козлилки — мы пьем их тоже — так на все пять.

Поэтому ценообразование для нас не проблема, есть ориентиры. Мы, конечно, не прыгаем выше государственных, но и не отстаем, что называется, дышим в затылок. Честно говоря, радуемся каждому повышению, а наверху вроде кто-то специально, как по Икраму Махмудовичу, прислушивается к нашему желанию и радуется нас все чаще и чаще, у нас даже есть люди, следящие за розничными ценами в торговле. Если откровенно, то только цены и натолкнули меня на создание своего айсберга. Глядя на ту или иную вещь, я сразу определял ее стоимость и приходил в трепет при мысли о той прибыли, которую мог получить, организовав ее производство. Я даже знал приблизительно, во сколько обойдется ее выпуск. Не посчитайте за бахвальство, просто это моя стихия, у меня такой дар, талант. Никакому капиталисту такие прибыли и не снятся, но опять же такую ситуацию в экономике и ценообразовании создал не я, я только пожинаю плоды.

Да, главной побудительной причиной, толкнувшей меня на деловую активность, на желание постоянно рас-

ширять, множить производство, послужила государственная стоимость товаров ширпотреба и тенденция ее постоянного увеличения, это как на духу.

Не будь таких манящих перспектив, сулящих необычные прибыли, я бы, наверное, так и остался где-нибудь на производстве, ну имел бы, конечно, свои две-три тысячи в месяц, потому что человек с деловой хваткой в сфере материального производства, куда ни глянь, может найти бесхозные деньги, только пошевели мозгами.

Ну посудите сами, был бы смысл налаживать обувное дело, если б сапоги стоили шестьдесят—шестьдесят пять рублей, а босоножки двадцать пять—тридцать — да такое и в голову никому не придет, как говорится, овчинка выделки не стоит.

Кстати, об овчинке, она у нас дороже ясоновского золотого руна. Мы даем кассобу за баранью шкуру пять рублей — это вдвое больше, чем платит государство. Так он и сдает ее нам в таком состоянии, в каком она нам нужна. И мы каждого из них научили, как обрабатывать ее, как хранить, снабдили и химикатами первичной обработки свежей шкуры. На дубленку в среднем уходит от восьми до десяти шкур, ну как тут удержишься от соблазна наладить производство, если мы продаем их почти по пятьсот рублей.

Артур Александрович сделал паузу, переводил дух после длинного монолога. Азларханов молчал, ожидая продолжения.

— На всякий случай, я хочу предварить один ваш вопрос, Амирхан Даутович, который вы, быть может, по своей тактичности и не зададите, но он витает в воздухе, и уж лучше я вам отвечу на него. Это, мне кажется, более всего необходимо перед тем, как вы приступите к делам.

Сегодня вы уже слышали обо мне: гангстер, акула, спрут. Вам, много лет отдавшему правопорядку, наверное, кажется: вот они, которые тянут нашу экономику назад, грабят народ, покупают должностных лиц, способствуют организованной преступности. Нелегко отмахнуться от справедливых на первый взгляд обвинений, но в том-то и дело, что мы не причина, мы следствие, мы возникли здесь по-настоящему лет семь-восемь назад, когда созрели все предпосылки для нашей деятельности; о некоторых мы уже говорили, к некоторым еще вернемся. Если мы зло, то мы родились из зла и питаемся злом

вокруг нас. Но давайте взглянем на проблему с другой стороны...

Наносим ли мы вред народному хозяйству? Это как посмотреть. Когда я только начинал, меня часто мучили угрызения совести: иногда я перехватывал фонды того или иного предприятия. Я ведь знал, что фабрики эти будет лихорадить, будет у них срываться план. Но я знал и то, что в беде их не оставят, а уж рабочие тем более не останутся без зарплаты, неважно, работали они там или нет. Я не знаю случая, чтобы на каком-то заводе или стройке, тем более в научно-исследовательском институте, фактически не работавшем по тем или иным причинам, не выплатили зарплату. Без зарплаты могли остаться лишь мои рабочие, это уж точно, нам не из чего покрывать убытки, дотаций и субсидий нам никто не дает.

Но, когда я, став депутатом, работал в планово-бюджетной комиссии и получил доступ к информации, я ужаснулся тому, что при дефиците на многие товары ими забиты все какие только есть склады в области, и хранение их обходится в миллионы рублей. Каждый год я участвую в комиссиях, которые подписывают к списанию и уничтожению десятки тысяч пар обуви, одежды, всего и не перечесать, тысячи наименований всякого добра идет в костер. И теперь мои сожаления уже о другом: жаль, не могу использовать чужие фонды еще больше — все равно у них многое пойдет либо в огонь, либо на свалку. Когда распределяют местное сырье, нам выделяют в первую очередь, и не только потому, что я влияю на распределение, а потому что знают: заберу я — и оно будет пущено в дело, и моментально в казну поступят деньги... У вас наверняка возник вопрос: можем ли мы быть альтернативой официальной экономике?

— Да, да, я как раз хотел об этом спросить, — оживился прокурор.

— Отвечу без колебаний — нет и еще раз нет. Буду откровенен, наша продукция все же рассчитана на тех, кто слаще морковки не едал. Ни я сам, ни другие пайщики артельную продукцию не покупают. Хотя, должен оговориться, дубленку я ношу только нашей фирмы и не поменяю ее ни на канадскую, ни на французскую. Но таких дубленок у нас шьют мало, в среднем одну на семьдесят-восемьдесят, и распределяю их я сам — это мой личный фонд. Кроме того, каждый сентябрь наш заведующий скорняжным цехом Яков Наумович Гольдберг

командируется в Москву — снимать мерки с должностных лиц и их домочадцев, этим людям мы обязаны фондами, дефицитным сырьем, первоочередными поставками. А отвозит готовое Икрам Махмудович или я сам. Да, кстати, зима не за горами, нужно, чтобы Яков Наумович снял мерку и с вас, в январе мы с вами обязательно должны быть в Москве.

Дубленки пока единственная стоящая вещь из того, что мы производим, да и то лучшее не стоит на потоке, а шьется специально в мизерных количествах, для избранных.

Мы держимся только на фоне товаров госторговли, которые не отличаются ни качеством, ни моделями, опять же по пословице: на безрыбье и рак рыба. Главный наш потребитель — самая неискушенная часть покупателей, которых, к нашему удивлению, оказалось много. Их привлекает в первую очередь внешний вид товара — мы ведь зачастую имитируем какое-нибудь импортное изделие, пытаемся, несмотря на авторское право фирмы, копировать его один к одному. И такое жалкое подобие платья «от Кардена» или сапог «Саламандра» идет на расхват.

Мои друзья шутили, когда я собирался в туристическую поездку во Францию и Западную Германию, — мол, они позвонят в «Адидас» или самому Кардену, и меня там четвертуют за то, что я нещадно эксплуатирую название этих фирм на своих пошлых изделиях. Как ни крути, а «Адидасу» я обязан половиной своих прибылей — на что только мы не шлепаем этот волшебный трилистник.

Ну ладно, я понимаю, когда покупают настоящее изделие «Адидас» — добротное, нарядное, модное; я же ставлю только знак, словесное обозначение — и метут все подряд — магия, гипноз, волшебство, иначе назвать не могу. Вот бы нашей промышленности найти свой такой волшебный трилистник...

Конечно, мы могли бы хвалиться, что все же одеваем и обуваем людей, найти оправдание своему существованию, если бы теневая экономика не оплачивалась простыми людьми, не лежала бременем у них на плечах, но от этого факта никуда не уйдешь — мы вычищаем и без того скудные кошельки. Это мой личный, и думаю, безжалостный, социальный анализ.

Я уверен, как только в официальной экономике начнутся радикальные перемены, мы исчезнем тут же, так

же незаметно, как и появились. А пока в такой благоприятно сложившейся обстановке как же нам не появиться и не процветать? Если один прокурор у нас в пайщиках сидит, другой, наподобие Хаитова, не знает, то ли дать нам пинка под зад, то ли продолжать потихоньку щипать Ахрарова, третий, простите за откровенность, вроде вас, то ли жил словно в другом мире, не ведая, что творится вокруг, либо руки у вас были связаны. Я не знаю в округе ни одного руководителя — хозяйственного или партийного, к которому мы бы искали ходы и не нашли. Ни один не попытался пресечь наши дела или хотя бы послать нас куда-нибудь подальше. Я ведь и Ашота не создал, а взял уже готовым. Так что и тут, как ни крути, я не сеял, а пожинал плоды общей обстановки, сложившейся в крае. Ничто не произрастает на пустом месте, из зла рождается зло, и теперь, чтобы защитить себя, свои интересы, я вынужден прибегать к помощи телохранителя и даже юриста... Вот, пожалуй, из этого триединства: дефицита, стойкости и сложившейся обстановки вседозволенности, на мой взгляд, возникла и процветает теневая экономика.

— Как на академической лекции, уложились секунда в секунду, — подытожил Амирхан Даутович, потому что они въезжали во двор гостиницы.

— Я нужен буду вам? — прервал свое долгое молчание Ашот, обращаясь к хозяину.

— Пожалуй, нет, понадобится — позвоню. Встретимся утром, как обычно. — И они распрощались с Ашотом.

2

Стояла уже глубокая ночь, погасли огни шумного «Лидо», в редком окне четырехэтажной гостиницы горел свет. Ночной швейцар, видимо, привыкший к поздним возвращениям Артура Александровича, не задавая вопросов и не выказывая недовольства, распахнул хорошо смазанную дверь.

— Может, вы хотите перекусить, мы ведь так и не дождались свадебного плова? — спросил Шубарин. — Я думаю, в холодильнике у меня найдется что-нибудь, Адик следит.

Сидение за свадебным столом, долгая дорога туда и обратно утомили Азларханова — он давно уже не жил в таком активном ритме, несколько раз за вечер пришлось

принимать сердечное, но откровения Шубарина вызывали неподдельный интерес, ему хотелось задать еще два-три вопроса. Он понимал, что вряд ли скоро выпадет такой удобный случай, да и где гарантии, что Артур Александрович будет так словоохотлив, как сегодня. Следовало не упускать момент...

— Есть я не хочу, а вот чаю выпил бы с удовольствием, да поздно, и заботливый Адик уже, наверное, спит.

— Ну, это не проблема, — улыбнулся Артур Александрович. — Это мы сейчас мигом организуем.

И как только они поднялись на третий этаж, он сказал дежурной, которая тут же вскочила с дивана:

— Галочка, если не затруднит, приготовь, пожалуйста, нам самоварчик, — и, не дожидаясь ответа, широким жестом пригласил Амирхана Даутовича к себе.

Не менее расторопный, чем Адик, хозяин ловко накрыл на стол — в холодильнике у него действительно нашлось чем перекусить.

Амирхан Даутович, расположившись в кресле, вытянул затекшие ноги и попытался вернуться к прежнему разговору, начатому в машине:

— Н-да-а, сегодня я многое узнал впервые, надо честно признаться. Такая лекция! Не мешало бы вам дать на время кафедру в Академии народного хозяйства.

— Думаю, меня не устроит почасовая оплата, — легко отшутился Артур Александрович, уходя от продолжения разговора.

Раздался стук в дверь — дежурная по этажу принесла кипящий самовар, и Артур Александрович принялся заваривать чай, предложив на выбор индийский, цейлонский или китайский. За чаем, чувствуя, что разговор может уйти в сторону, Амирхан Даутович попытался еще раз вернуться к интересовавшей его теме:

— Экономические предпосылки, способствовавшие появлению вашего дела, вы растолковали убедительно. Но мне интересно и другое, что вас побудило заняться предпринимательством, какие личные мотивы? Страсть к деньгам?

Артур Александрович с любопытством выслушал вопрос, мимолетная печаль проглянула в его всегда внимательных глазах, но он тут же взял себя в руки. Начал он издали, расплывчато:

— Не берусь утверждать категорически, но со стороны кажется, что у нас легче реализовать себя людям творческих профессий — тут открыты все пути, твори,

держай. И если есть талант, как бы ни было трудно ему пробиться, все равно заметят, результат всегда говорит за себя. А что прикажете делать тому, кто наделен иным талантом — склонен к коммерции, предпринимательству? Не побоимся сопоставить на взгляд обывателя несопоставимые понятия... Ведь коммерция, предпринимательство не только в ранг таланта не возведены, но в сознании общества значатся занятием, недостойным порядочного человека. Оттого мы ни произвести, ни продать как следует не можем, треть жизни держим человека в бесконечных очередях.

А ведь людей, наделенных коммерческим, предпринимательским, изобретательским талантом, гораздо меньше, чем одаренных творчески. Одних писателей, говорят, официально состоящих в творческом союзе, десять тысяч, и еще тысяч сто, наверное, дожидаются очереди для вступления, а ведь это только часть творческих сил, то есть талантов, признанных официально. А художники, композиторы, артисты, певцы, музыканты, режиссеры, журналисты? Их ведь тоже у нас тьмы и тьмы, известных и обласканных.

А стране нужен один толковый министр сельского хозяйства, всего один министр строительства, министр энергетики, машиностроения, путей сообщения — нужно всего-то сто талантливых предпринимателей, и мы заживем совсем по-другому. Хороших писателей чтим, художников, композиторов — тоже, даже футболистов знаем и помним чуть ли не в лицо, но кого из технократов, что дают нам свет и тепло, мы знаем, кого помним? Пожалуй, лишь первых наркомов, а остальным, почти всем, вслед одни упреки, если не проклятия, мол, все до ручки довели.

Амирхан Даутович почувствовал по волнению собеседника, что он задел какую-то чувствительную струну; обычно сдержанный, хладнокровный, Шубарин загорячился:

— Ну, в моем случае, наверное, все более или менее ясно, теперь генетику, слава богу, никто не отвергает. Будем считать, что во мне выиграла дурная кровь. Кто мало-мальски знаком с историей этого края, тот знает, что Шубарины владели тут многим — ремонтными мастерскими, масложиркомбинатом в Андижане, доходными домами. Дед и его брат были инженерами-путейцами, учились в Петербурге. Инженером, и незаурядным, был и мой отец, он, как и я, закончил Бауманское. Да вот

наглядный пример... В начале шестидесятых годов, когда вошли в быт шариковые ручки, мой отец за три дня сконструировал и за неделю изготовил полуавтомат, из которого непрерывным потоком, все двадцать четыре часа в сутки, вылетали в три стороны три детали готовой ручки, а стоила ручка, как помню, по тем временам семьдесят копеек, и многие годы была в дефиците. Отец шутил, что создал аппарат, печатающий деньги — так оно на самом деле и оказалось. Отец был инженер до мозга костей, и это проявлялось даже в мелочах. Чтобы избавить нас от подсчетов, он, рассчитав, заказал на местной картонной фабрике коробки, в которые помещалось ровно сто шариковых ручек. И задача всей нашей семьи свелась к одному — успевать укладывать эти коробки. В гараже у нас стояли рядом три таких полуавтомата, и если мне не изменяет память, каждый из них штамповал в день тысячу штук, такова была их производительность. Не было проблем и с сырьем: в те годы в наших краях построили не один комбинат бытовой химии, и пластмассу — брак с этих предприятий — шоферы время от времени за бутылку водки вместо свалки завозили к нам во двор. Тогда, в шестидесятых, еще существовали официально артели, промкомбинаты, входящие в систему местной промышленности, поэтому с реализацией тоже не знали хлопот. С каждой ручки отец, кажется, имел сорок копеек дохода, выходит, только станки, стоящие в нашем гараже, приносили ему в день больше тысячи рублей. Отец быстро сообразил, что напал на золотую жилу, и, уже привлекая людей со стороны, изготовил еще штук тридцать таких полуавтоматов и развез их по областям республики. Не знаю, какую уж там он имел долю, но помню, что каждую последнюю неделю месяца в сопровождении двух парней, как Ашот, отец объезжал на «Волге» свои владения. Он никогда не продавал свои изобретения, а сдавал их в аренду или вступал в долю. Однажды он показал мне установку, за которую предлагали десять тысяч, казалось бы, огромные деньги, но он ее не продал, а сдал в аренду. Установка служила пять лет и принесла ему за это время сто тысяч — так он преподавал мне наглядный урок коммерции, поэтому я тоже не расстаюсь со своими изобретениями. Мы построили в Бухаре, в старинной узбекской махалле, где некоторые старики, сидящие в красном углу чайханы, еще знали и помнили моего деда и его брата, большой каменный дом. Почему в узбекской махалле? Потому что меж-

ду нами не было языкового барьера, в нашей семье все без исключения знали местный язык, эта традиция пошла от деда, и еще потому, что жизнь в махалле особая: тут не вмешиваются в жизнь соседа, но и не дадут его в обиду. Да и вокруг нас жили люди с достатком, родовитые, и мы особо не выделялись. К тому же отец никогда не скупился: щедро финансировал махаллинский комитет, давал крупные суммы на общественные нужды и мероприятия, поэтому мы не чувствовали своей инородности, хотя и были единственной русской семьей в квартале.

Но о доме я хотел сказать только потому, что отец построил там такую мастерскую, с такими станками и сварочным оборудованием, что я не перестаю удивляться ей до сих пор. Практически, не выходя со двора, отец мог изготовить сам то, что конструировал. Можно считать, что я вырос в этой мастерской, и нет станка там, которым я бы не владел в совершенстве. Так что, как видите, у меня были все предпосылки, чтобы стать инженером.

— Выходит, он и передал вам свое дело по наследству? — уточнил прокурор.

— Да нет. Не совсем так. Отец никогда не втягивал меня в свои дела и старался, чтобы я держался подальше от них, — он хотел видеть меня настоящим инженером. Оттого я и переменял институт — о Бауманском он говорил всегда в самых возвышенных тонах, считал, что оно ничуть не уступает таким известным в мире техническим вузам, как, скажем, Массачусетский технологический.

Я точно не знаю, каким образом, но Шубарины вышли из революции без особых потерь. Конечно, все, что подлежало национализации, отобрали, но существенную часть капитала удалось сохранить — впрочем, не нам одним. Это я отвечаю на ваш вопрос относительно тяги к деньгам.

В традициях нашей семьи — основательность жизненного уклада, исключаяющая мотовство, показуху. Мы могли позволить себе многое, но не настолько, чтобы вызывать зависть и раздражение окружающих, привлекать к себе нездоровое внимание. Того, что заработал отец, было вполне достаточно, чтобы мы с братом прожили долгую и безбедную жизнь, конечно же, правильно распоряжаясь капиталом.

Брат мой живет в Москве, его привлекла наука, ны-

не он заметный ученый-физик. В его судьбе родительские деньги сыграли немалую, если не главную роль — благодаря им он мог спокойно заниматься любимым делом, не отчаиваясь при неудачах, без которых немислмы настоящие исследования, и в конце концов сделал открытие, над которым бился почти двадцать лет. Я думаю, он живет счастливой жизнью.

У меня все сложилось иначе. После института я вернулся в родные края, вроде неплохо начал, стал продвигаться по службе. Но очень скоро я почувствовал потолок своего роста — большего мне не позволяли. Это как раз пришлось на годы, когда должности отдавались по родственным, национальным признакам, по принадлежности к роду, правящему в городе или области. А я был наивно уверен, что должность главного инженера завода, на котором я работал главным технологом, отойдет ко мне, как только прежний уйдет на пенсию. Причем я имел на эту должность все права, так считали и многие на заводе. Но не тут-то было... Главным инженером стал зять очередного секретаря райкома, заочно доучивавшийся в местном институте. Отца, к сожалению, к этому времени уже не было в живых, он наверняка помог бы мне пробиться, потому что прекрасно знал закулисную возню вокруг должностей, знал тех людей, которые делили места. Он видел, с каким энтузиазмом я работал, знал о моих планах реконструкции этого завода. Но что не получилось, то не получилось...

Оставшись, как говорится, у разбитого корыта, я потерял интерес к работе... А ведь совсем недавно, скажу без утайки, мечтал стать даже директором крупного завода, а может, со временем и возглавить отрасль, чтобы сравняться со своим братом, у которого к тем годам было уже имя в науке — отец, слава богу, дожил до этого часа...

Рассказывая, хозяин не забывал ухаживать за гостем — подливал чай, подкладывал закуски, печенье. Но Азларханов, кажется, и забыл, что попросился на чай, так заинтересовал его рассказ Шубарина.

— ...Конечно, в нашем тогда еще небольшом городе событие это не осталось незамеченным, отца, как вы понимаете, знали, он там многим дал подняться. Тогда уже вовсю, правда, не в таких масштабах, работали всякие артели, и почти в каждой у отца имелся пай. Он предусмотрительно познакомил меня с делами, зная, что дни его сочтены, и я каждый месяц исправно получал свою

долю прибыли, каждая из которых намного превышала оклад главного инженера, за место которого я бился. Но потеря этой должности, а главное — перспектив роста выбила меня из колеи, и для всех это было очевидно.

С уходом из жизни отца, казалось, что-то умерло и в деловой жизни нашего города — мне об этом не раз с сожалением говорили. Однажды пришли старые компаньоны отца с какой-то безумно дерзкой авантюрой и просили меня как инженера обсчитать свои предложения, короче, пришли с тем, с чем раньше приходили к отцу.

Месяц я бился не только с расчетами, но и с самим проектом — от него только идея и осталась. Воплотить без меня результат в металле они не могли, хотя и пытались, и опять пришли ко мне на поклон. Я, как и отец, отказался от предложенных денег, а потребовал половины доли за эксплуатацию моего детища; скрепя сердце они согласились, уж слишком выгодной оказалась штука. За три месяца я выполнил заказ — и расстался с заводом без особого сожаления. Устроился механиком с окладом девяносто рублей на одну из фабрик местной промышленности. От вынужденного безделья, на одном чистом энтузиазме, я принялся за модернизацию тех маленьких цехов и предприятий, где у отца был пай. Меня охотно подпускали к делам, ведь я занимался только тем, что ускоряло выход и улучшало качество изделия, такой подход устраивал всех. Мой инженерный зуд не давал мне покоя. Работа увлекала, тем более что результат был налицо.

Меня заметили в управлении местной промышленности, предложили возглавить реконструкцию обувной фабрики, выпускающей ичиги, кавуши, женские и мужские туфли, традиционные для Востока. После реконструкции резко обновился ассортимент: вместе с национальной обувью мы стали выпускать обувь на платформе — помните, была такая тяжеловесная мода? — стали ориентироваться на молодежные изделия, — в общем, дела на фабрике круто пошли в гору.

В ходе реконструкции, когда я дневал и ночевал на фабрике — а она находилась в райцентре, в шестидесяти километрах от Бухары, — я понял, что нашел свое место в жизни, здесь я мог развернуться куда масштабнее, чем на заводе, где так и не стал главным инженером.

Тут уж разыграло мое инженерное тщеславие, как ни смешно звучит это слово в наших занятиях. Не поверите, но, чтобы двигалось порученное мне государственное

дело, я вложил немало своих средств, зато выиграл самое бесценное — время, тем самым приблизив результат — выход готовой продукции. Видел я и другое: как без особого риска смогу изъять, вернуть с прибылью вложенные в реконструкцию деньги, лишь только производственная машина наберет заданный ей ход.

Наверное, в немалой степени успеху способствовало и то, что я хорошо знал не только явную, но и тайную жизнь бесчисленных предприятий местной промышленности, меня сложно было провести, я знал истинные возможности каждого станка, каждого цеха и, владея почти везде определенным паем, скоро прибрал все к своим рукам. Никто не ожидал от меня такой прыти, ведь мне еще не было и тридцати. Однако тогда я меньше всего думал о деньгах, я создавал свою отрасль, или, как говорит Файзиев, — свою империю. Меня пьянила моя творческая свобода, возможность самостоятельно принимать решения и... рисковать, ведь я не однажды ставил на карту почти все, что имел. А это — неизведанное чувство для руководителя обыкновенного предприятия. Худшее, что может с ним случиться, — снимут с работы, а вот прогореть, потерять свои деньги, на которые и так можно было бы безбедно прожить десятки лет, этого он никогда не узнает. Только ныряя в такие бездны риска, становясь настоящим хозяином, понимаешь всю цену ответственности, но уж и выигрыш тут иной — двойной, тройной...

Амирхан Даутович, почувствовав, что Шубарин вновь, как и в машине, увлекся, сел на любимого конька, уточнил:

— Значит, вы, как и ваш дед, через полвека стали миллионером? Наверное, стояла и такая цель?

Артур Александрович, доливая воды в электрический самоварчик, неопределенно пожал плечами.

— Да нет, ни дед мой, ни его брат не были миллионерами. У нас сохранились кое-какие бумаги, я их изучил... Хотя владели дед с братом многим и многое от них осталось на земле и служит людям до сих пор. Тот же масложирокомбинат в Андижане, доходные дома, которые ныне, как архитектурные памятники старины, взяты государством под охрану, а на базе ремонтных мастерских в Ташкенте выросли заводы.

Не скрою, у меня есть миллион, может, больше. Немудрено, если я кое-кому делаю за три года из пятидесяти тысяч двести, правда, такой прирост только у не-

го одного, ему положено по рангу... Но скажите, какой толк от этих миллионов? — вдруг спросил он, в свою очередь, прокурора.

Азларханова удивила неожиданная горечь в тоне Шубарина. До сих пор он казался Амирхану Даутовичу человеком сугубо деловым, лишенным каких-либо сантиментов. А вот поди ж ты... Шубарин, кажется, уловил это во взгляде, в выражении лица гостя.

— Да-да, не удивляйтесь... Я веду скромный образ жизни: не курю, пью крайне редко и умеренно, не чревоугодник, не играю в карты. Хотя меня окружают разные люди, чьи нравственные принципы я не всегда разделяю. У Икрама Махмудовича, например, две жены, и все его страсти влетают ему в копеечку. Из-за риска, своеобразия нашей работы я вынужден порой терпеть возле себя людей, которых в иной ситуации и на порог своего дома не пустил бы. У меня нет ни явных, ни тайных страстей, правда, я собираю картины, и есть кое-что поистине удивительное. — Он неожиданно оживился, словно прикоснулся к чему-то дорогому, заветному. — Есть две картины Сальваторе Розе, наверное, они попали сюда во время войны, с беженцами, а может, еще раньше, до революции. Правда, большинство картин — неизвестных мастеров, хотя есть пять полотен Николая Ге, ведь его дочь закончила в Ташкенте гимназию. Я бы с удовольствием пригласил экспертов, наверное, многое бы прояснилось, так ведь нельзя, все держится втайне, взаперти, как у вора. Я даже не могу совершить жест благотворительности и перечислить крупную сумму, скажем, детдому; не могу ничего и завещать после себя открыто, а анонимно не хочется, душа не лежит, мне ничего легко не доставалось. А вы говорите: страсть к накопительству. Ничего я не коплю! Я работаю, а деньги множатся сами собой, и уйти от дела нет сил: и запустил машину, а она не отпускает меня, заколдованный круг — не вырваться.

Я знаю, изменись что в стране, я пойду под вышку, под расстрел, знакома мне такая статья: «Хищения в особо крупных размерах».

Не хочу хвалиться, но я не боюсь ответственности, потому что воспринимаю возмездие как плату за реализацию своих творческих возможностей, за это часто расплачивались жизнью, такова судьба многих незаурядных людей.

Странно, но в этих словах прокурор не уловил наигрыша. Неужели он и в самом деле искренне верит в

то, что говорит, думал Азларханов. Послушать, так более рачительного отца-благодетеля и нет в крае. Шубарин продолжал:

— Обидно только вот за что: ведь ничего в жизни я не разрушил, не развалил, не загубил, не довел до ручки — я только создавал и множил, создавал добро в прямом смысле.

А ведь куда ни глянь — тьма иных примеров. Можно поименно назвать всех, кто загубил тот или иной колхоз, совхоз, завод, фабрику, комбинат, институт, газету, отрасль, наконец, загубил землю, убивает озера и реки, сводит леса, выпускает телевизоры, от которых горят дома и гостиницы, — так им все как с гуся вода. Никого из них не постигла суровая кара, хотя, если разобраться, ущерб от всех нас, артельщиков, вместе взятых, в стране едва ли сравнится с тем уроном, что нанесли они.

Вы можете мне не верить, дело ваше, но скажу честно: истинную радость я получил не от денег, а реализуя свой талант инженера и предпринимателя, и этим я обязан теневой экономике. — Он помолчал, точно раздумывал о чем-то, и все же решился — может быть, ему надо было выговориться перед кем-то, а бывший прокурор представлялся идеальным слушателем. — Я был бы неискренен, если бы не сказал об удовлетворении еще одного, не самого достойного для человека чувства... как бы это понятнее объяснить?.. Я щедро кормлю свое чувство презрения, держа в зависимости от моих подачек многих здешних деятелей. Если Икрам любит, когда перед ним выламываются танцовщицы, выпрашивая у него купюру покрупнее, то я получаю удовольствие от «танцев» продажных руководителей, стремящихся выцыганить у меня то же самое, что и полуголые танцовщицы. Это — моя месть за то, что не дали мне возможности состояться как инженеру в легальном, что ли, мире. Ведь в большинстве своем это как раз те люди, что заправляют кадрами и экономикой. Ни одному из них, кроме первого, конечно — тот мужик крутой, настоящий хан, — я не дал взятки или пая, не унижая. Например, мне доставляет удовольствие приглашать за мздой одновременно человека, ведающего правопорядком, контролем, и какого-нибудь крупного чиновника. Оба догадываются, за чем пришел каждый из них, но ведут такие высокопарные беседы — скажем, о предстоящем идеологическом пленуме... Бывает, у одного в это время конверт уже в кармане, а кунюры как раз «попались» мелочью, вроде десятка

или четвертных. И вот сидит он с оттопыренным, разпухшим карманом и, не моргнув глазом, рассуждает о партийной честности, морали, нравственности. Если когда-нибудь мне предъявят обвинение в организации теневой экономики в крае, я, пожалуй, буду настаивать, чтоб признали мое авторство в создании такого постоянно действующего «театра марионеток», моего особо любимого детища, где я был и остался полновластным и бессменным режиссером, почище Станиславского. В этом театре я видел такой моральный стриптиз, что определение «циничный» здесь звучит просто ласково. Если что и должно караться сурово, так это подобное идеологическое перерожденчество, потому что в руках таких политических хамелеонов судьба не только экономики края, но и людей...

— Да вы просто Мейерхольд экономики, — постарался попасть в тон Амирхан Даутович, но Шубарин шутки не поддержал, он был весь во власти одолевавших его мыслей; не исключено, что он выплескивал их в первый раз.

Азларханов еще раз отметил, что Артур Александрович не только не боится, но и не стесняется его — это говорило о многом, и прокурор поежился. Явно не такой был человек Артур Александрович, чтобы дать уйти каким-то сведениям о себе.

Не мог не отметить бывший прокурор, что страсть, захлестнувшая хозяина номера, несколько иначе высветила сдержанного, уравновешенного, владеющего собой Артура Александровича. Он успел увидеть жесткое, волевое лицо бескомпромиссного человека с холодным рассудком и вполне определенным взглядом на жизнь, внушающего, однако, другим, что якобы компромисс — главный принцип его действий, а сам он — неудавшийся главный инженер, всего лишь. Амирхану Даутовичу вдруг вспомнился ночной посланник Бекходжаевых: что-то в них было общее. Прокурор не хотел сейчас отвлекаться от разговора, чтобы додумать мысль, доискаться, в чем это сходство, но одно напрашивалось само собой: Шубарин был такой же, если не более страшный человек, как и тот ночной гость.

Неожиданно проявившаяся в речи хозяина номера страсть могла, пожалуй, вылиться и в еще большую откровенность; хотя Амирхан Даутович очень устал и болело сердце, но он не хотел заканчивать беседу.

— Так все же какой из талантов вы считаете важ-

нейшим в своем деле: талант инженера или предпринимателя?

Увлечшись разговором, они забыли про кипящий самовар, что, кажется, было кстати для Артура Александровича. Извинившись, он стал вновь заваривать чай, словно выгадывал несколько минут для ответа...

— Как это ни парадоксально, но теперь, когда предприятия набрали темп и мощь, когда нет недостатка в средствах, менее всего наше благополучие зависит от инженерного таланта и предпринимательской хватки.

Азларханов удивленно приподнял бровь, на что Шубарин откровенно усмехнулся.

— Да, да, не удивляйтесь... На сегодня самый главный талант состоит в том, чтобы защитить, уберечь достигнутое, обеспечить безопасное производство, а главное — реализацию.

— От кого же? — поинтересовался бывший прокурор.

И опять хозяин номера не удержался от усмешки, но было в ней уже что-то жесткое и злое.

— Прежде всего от многих «актеров» моего уникального театра, а еще больше от тех, кому там не досталось роли, — театр-то у меня все-таки камерный и народным по составу вряд ли когда станет.

— Скорее всего никогда, — не сдержался Азларханов и тут же пожалел об этом.

Шубарин едко прищурился:

— Вы полагаете?.. Ну пусть даже так... Но вы не можете себе представить, как разбух сейчас бюрократический аппарат: я вынужден кормить всех — от пожарного инспектора до санитарного врача, хотя и не произвожу продуктов питания. А ведь им есть куда приложить свои усилия и кроме моих предприятий, ну скажем, открыть в городе хоть одну по-настоящему приличную столовую, где можно, не боясь, пообедать, или, простите, хоть один общественный туалет, не унижающий человеческого достоинства гражданина великой страны. Впрочем, я, кажется, слишком многого хочу... В общем, помочь мне не может никто, а вот помешать, запретить — сотни людей и организаций, и за всем этим стоит одно — дай! Но если корову доить десять раз в день, даже самая породистая и двужильная может протянуть ноги, не так ли?

Не менее важной для меня становится проблема все нарастающего роста преступности и наркомании. Наверное, вы, как прокурор, не могли не почувствовать, что

с ростом числа миллионеров в нашем крае — хлопковых, золотодобывающих, каракулевых, тех, кто контролирует производство и сбыт наркотиков, миллионеров из органов, из хозяйственной и партийной элиты, из теневой экономики и прочих и прочих нуворишей — сюда потянулись организованные преступники со всей страны, и приезжают они сюда с самыми серьезными намерениями. И моя задача оберегать не только себя, но и людей, работающих со мною, обеспечить им и их семьям покой.

И если, прежде чем выстроить свой айсберг, я когда-то изучил право и экономику, то в последние годы ради своего существования я вынужден был изучать и преступность. И смею думать, что располагаю гораздо большей информацией — а в данном регионе и силой, — чем прокурор нашей республики и даже министр внутренних дел. Например, в прошлом году люди Ашота обезвредили банду из Ростова, прибывшую по мою душу или по душу Икрама Махмудовича. Я встречался с ними, когда мои ребята задержали их, — мрачные тины, кроме силы, они ничего не понимают. Не проходит и месяца, чтобы не появлялись все новые люди, пытающиеся шантажировать меня, моих сотрудников или членов их семей, с этим мы тоже боремся, и, могу вас заверить, весьма эффективно.

— Выходит, вы почти дон Корлеоне, Крестный отец? — спросил Амирхан Даутович, постаравшись скрыть усмешку.

— Выходит, что так, прокурор. Вы быстро освоились с моей видеотекой, — засмеялся Артур Александрович. — Теперь я уж и сам не понимаю, какой талант в жизни действительно более важен, хотя меня и не радует, что прокурор Хайтов побаивается меня, ведь он далеко не трус. Я бы не хотел такой зловещей популярности.

Разговор делался все более напряженным, и Амирхан Даутович подумал, что пора бы остановиться: дальнейшее любопытство могло привести к непредсказуемому результату. И так он получил массу информации, которую еще необходимо переварить.

— Я замучил вас сегодня вопросами, вы уж извините. Не хотел бы больше злоупотреблять вашим гостеприимством и откровенностью... Завтра у вас — впрочем, уже сегодня — напряженный день. Да и мне выходить на работу, потому разрешите поблагодарить за столь насыщенный и приятный вечер и откланяться...

Артур Александрович бросил взгляд на часы и удивился:

— Да, скоро светать начнет, — сказал он со странным сожалением — ему, кажется, не хотелось расставаться с прокурором, словно он спешил выговориться, исповедаться.

«Что бы это могло значить? — мелькнула у Азларханова мысль. — Минутная слабость? Расчет? Искреннее желание заполучить в деле надежного союзника, для которого деньги не играют особой роли в жизни? Или он, как и я, чует грядущий ветер перемен в общественной жизни и хочет сам подпалить свой «театр» со всех сторон? Хлопнуть напоследок дверью?» Об этом еще предстояло поразмыслить.

— Это вы извините меня, ради бога, что заговорил вас. Я ведь знаю, что вы живете в определенном режиме, а я сегодня лишил вас не только прогулки, но и сна. Неделю назад, в первое наше знакомство, я заверял вас, что мы будем всячески оберегать ваше здоровье, а сам, выходит, не держу слова. Хотя я рад, что так вышло. Кажется, я никогда в жизни не был столь многословен. Как говорят женщины: наболело...

Он опять глянул на часы:

— Сейчас уже почти утро. Вы отдыхайте, затем, как обычно, обед у Адика, а после обеда я представлю вас на работе, к этому времени подготовят ваш кабинет, я распорядился там кое-что изменить...

3

Он проспал почти до обеда, и крепкий сон восстановил его силы. Принимая душ, Азларханов подумал, что, пожалуй, придется привыкнуть и к ночной жизни, коли уж взялся выяснить истинные размеры айсберга и выявить по возможности всех актеров уникального театра Шубарина.

Зная пунктуальность Шубарина, Амирхан Даутович спустился вниз в точно назначенное время. Шубарин уже сидел за своим столиком и подливал помятому после бессонной ночи Икраму Махмудовичу «Боржоми» в тяжелый хрустальный бокал — чувствовалось, что Файзиев появился лишь минутой раньше, наверняка зная, что застанет здесь своего компаньона. Перекинувшись с Шубариным двумя-тремя фразами, Икрам Махмудович от обеда отказался и ушел отдыхать.

Глядя на Шубарина, никто бы не предположил, что у него за плечами бессонная ночь, а до обеда он уже провел в трех местах планерки, посетил два ремонтных завода и нанес визит в горисполком.

Ритуал обеда, похоже, тоже был выработан давно и носил деловой характер; суеты не было: все чинно, размеренно, но в этой размеренности чувствовался ритм, и Адик с ноги не сбивался, он хорошо владел своим ремеслом, не зря же ценил его Артур Александрович. На обед они затратили ровно столько времени, сколько и в первый раз. Амирхан Даутович обратил на это внимание — отныне он должен был свыкаться с ритмом жизни Шубарина.

Когда они поднялись из-за стола, Амирхан Даутович обратил внимание, что Ашот тоже в зале, и обедал он за тем же столом, где и в прошлый раз. Видно, Артур Александрович все, что мог, доводил до системы, до автоматизма, подвергал все тщательному учету и анализу, ничто в его поступках не было случайным, и это следовало учитывать, если задумал разобраться в конструкции его системы...

— Давайте пройдемся до службы пешком, вам ведь вчера не удалось погулять, — предложил Артур Александрович и подал знак Ашоту, уже дожидавшемуся их в машине. «Волга», медленно вырулив на дорогу, тут же уехала. — Это совсем недалеко, да и после обеда пройтись не мешает.

Идти пришлось действительно недолго и не совсем туда, куда предполагал Амирхан Даутович.

Они подошли к внушительному зданию бывшего рудоуправления.

Поднявшись по мраморной лестнице, Амирхан Даутович увидел respectableную, золотом на граните вывеску: «Управление местной промышленности».

— Да, теперь это наше здание, — подтвердил не без гордости Шубарин, видя удивление Амирхана Даутовича.

Поднялись на второй этаж, в просторную приемную, где слева и справа располагались кабинеты бывших руководителей рудоуправления. На одной массивной дубовой двери, что слева, столяр прилаживал ярко начищенную бронзовую табличку: «Азларханов А. Д.». На противоположной двери на такой же табличке значилось: «Шубарин А. А.». Туда и пригласил своего юриста Артур Александрович.

«Помещение не по рангу. И тут наш «хозяин» пожинает что не сеял», — успел подумать Азларханов, переступив порог роскошного кабинета.

Но у Артура Александровича, видимо, день был расписан по минутам — он не дал возможности ни толком разглядеть кабинет, ни порассуждать о нем, тут же распорядился по селектору:

— Татьяна Сергеевна, будьте добры, пригласите ко мне тех, кому я назначил на четырнадцать двадцать. — Обращаясь к прокурору, пояснил: — Сейчас я представлю вас нашим главным специалистам, они помогут вам войти в курс дела. Есть несколько неотложных исков по штрафным санкциям к поставщикам, есть материалы, которые, на мой взгляд, стоит передать в Госарбитраж; но таких дел мало, и у вас будет время спокойно ознакомиться и со структурой, и с отчетной документацией. Если что вам будет не ясно, эти товарищи помогут разобраться.

Распахнулась высокая дверь с тамбуром, вошли двое. Первым Артур Александрович представил Александра Николаевича Кима, а вторым — Христоса Яновича Георгади. У каждого в руках было по три-четыре увесистые папки.

И главный бухгалтер, и главный экономист управления оказались людьми преклонного возраста, чего Амирхан Даутович никак не ожидал. Не исключено, что старый кореец застал еще времена нэпа, по крайней мере, имел о них не книжное понятие, в этом можно было не сомневаться.

Георгади, судя по выговору, принадлежал к тем грекам, что приехали к нам в страну в конце сороковых. Этот тоже, видимо, знал рыночную экономику отнюдь не по учебникам, да и «Капитал» Маркса, наверное, трактовал несколько иначе, чем предполагал автор.

И Амирхан Даутович лишний раз убедился, что айсберг Шубарина, безусловно, создан с умом и потопить его будет непросто. В таком составе мозговой трест, конечно, представлял силу, изощренную силу, таких голыми руками не возьмешь.

Вся церемония представления прокурора высшему совету управления заняла не больше десяти минут. Оставив папки с документами для ознакомления новому юристу, старики удалились, пообещав Амирхану Даутовичу всяческое содействие в работе.

— У вас, я вижу, интернациональный коллектив, —

не преминул заметить Амирхан Даутович, надеясь, что хозяин кабинета несколько шире представит своих главных специалистов.

Но Шубарин, видимо, в рабочее время редко пускался в пространные разговоры, потому и ответил коротко:

— Видите ли, у меня несколько иной принцип подбора кадров, чем, положим, в обкоме. Я не раздаю должности ни по номенклатуре, ни по связям, тем более для меня не важен пятый пункт в анкете, то есть национальная принадлежность, — я подбираю людей по деловым качествам, иных критериев у меня нет. И пусть моему бухгалтеру уже восемьдесят, я не променяю его и на двух сорокалетних и мирюсь с тем, что он работает два-три часа, да и то не каждый день.

Наверное, заметив, что юрист удивлен краткостью церемонии представления, счел нужным добавить:

— Не удивляйтесь, что они ничего у вас не спрашивали. Они знакомы с вашим досье, как и я, и я не один решал, пригласить вас на эту должность или нет. Они знают, чем вы будете заниматься и чего мы от вас хотим. А теперь я покажу ваш кабинет, и приступайте... с богом...

Артур Александрович поднялся из-за стола, чтобы помочь Амирхану Даутовичу перенести оставленные для него папки.

Столяра в приемной уже не было. Послеобеденное солнце било в окно, надраенная табличка с именем сияла отражением. Привинчено было основательно, на четыре медных шурупа. Надолго ли? — мелькнуло у Амирхана Даутовича. С Шубариным шутки плохи.

А тот широко распахнул дверь:

— Добро пожаловать, — и пропустил Амирхана Даутовича в кабинет первым.

Кабинет по размерам, по убранству походил на тот, из которого они только что вышли, но там чувствовался стиль самого хозяина — он был строг, официален, а этот как бы еще не имел лица.

Амирхан Даутович положил папки на двухтумбовый стол, крытый зеленым сукном, и огляделся. И сразу же на боковой стене, как прежде у себя в прокуратуре, увидел привычный рекламный плакат выставки Ларисы. Амирхан Даутович невольно шагнул к стене и долго молча вглядывался в лукавое лицо старика на ишачке, возвращающегося с базара с голубым ляганом. Неожиданно

данное волнение охватило бывшего прокурора; не оборачиваясь, он сказал:

— Спасибо, я тронут вашим вниманием. — Затем, возвратившись к столу, спросил: — Интересно, кто занимал этот кабинет до меня?

Артур Александрович, поправляя белые сборчатые занавески, очень красившие высокое окно, ответил:

— Икрам Махмудович. — Заметив удивление в лице Азларханова, пояснил: — Нет, это не должно вас волновать. Он даже рад, что так вышло. Мне кажется, он всегда тяготился соседством со мной. Он хотел иметь свою приемную, собственную секретаршу. Человек он шумный, общительный, у него всегда много народа, у меня же несколько иной стиль, и порою он чувствует мое недовольство. Иногда, я догадываюсь, он не хотел, чтобы я видел и знал, кто к нему приходит. Татьяна Сергеевна всегда на работе, даже если меня не бывает здесь неделями, и он хотел уйти из-под такого контроля. Хотя я, разумеется, знаю обо всех его делах, которые он проворачивает за моей спиной.

— Например, если не секрет? — поинтересовался прокурор.

— Пожалуйста... Например, он завел свой частный таксопарк, купил десять «Жигулей», и молодые люди денно и ночью левачат. С властями у него проблем нет — его старший брат начальник областного ГАИ.

— Интересно, что же он с этого, кроме хлопот, имеет?

— Да вы знаете, немало. Ежедневно каждый должен выплачивать ему по пятьдесят рублей, почти государственный тариф. Это из расчета трехсот рабочих дней в году. Работал, не работал — это твое личное дело, и так в течение трех лет, после чего машина отходит в собственность таксиста. Поэтому все проблемы, связанные с ремонтом, эксплуатацией, резиной, бензином, его не касаются, он вмешивается только в случаях скандала или аварии.

— И водители с этим согласны?

— Еще бы! Условия выгодны для обеих сторон. Желающих сколько угодно! Машина окупается и приносит доход в пять тысяч рублей уже на первом году, а дальше в течение двух лет идет чистая прибыль, пятьсот рублей в день.

— Ну и хват! — невольно вырвалось у Амирхана Даутовича.

— Ну, я бы так не сказал, — ответил Артур Александрович. — Просто он происходит из того рода, что правит в этой области, наподобие Бекходжаевых, с которыми вы имели счастье столкнуться. И мне навязали его уже на готовое. Хотя, конечно, он по-своему деловит, энергичен и годится для реализации чужой идеи, но все-таки нас кормят сами идеи, а за реализацией у нас дело не станет. Так что он не в претензии, что перебрался на третий этаж и будет жить, как ему кажется, независимой от меня жизнью — в этом здании места всем хватит. Он прекрасно понимает, что сегодня очень важно поднять ваш престиж — и чем быстрее, тем лучше.

Обживайте кабинет, если нужно что-то изменить, добавите или убавите, завхоз в вашем распоряжении. Чувствуйте себя в нашем управлении хозяином. Ну а сейчас не буду вас отвлекать и откланяюсь. Если не забыли, мне предстоит долгая дорога, чтобы вновь встретиться сегодня с прокурором Хаитовым; честно говоря, жалею, что вас не будет рядом в машине, мы бы нашли, о чем поговорить. — И Артур Александрович направился к двери.

Уже взявшись за массивную ручку, он вдруг замешкался, вновь вернулся к столу, к прокурору и его папкам.

— Как бы много мы ни говорили вчера с вами, да и сегодня тоже, я все-таки не решился сказать вам главного. А главное, ради чего я привлек вас к работе, заключается вот в чем... — Он помедлил.

— Я вас внимательно слушаю, только разрешите, я сяду...

— Пожалуйста, — спохватился Шубарин. — Прошу вас... Видите ли, дело вот в чем... Мы росли и развивались стремительно, и многие свои действия не подкрепляли нормативными актами, приказами, отчасти от незнания, спешки, случалось, и из-за низкой правовой культуры организаций и ведомств, которым мы подчинены. Я не живу одним днем, и сегодня отсутствие каких-то документов не беда, все легко уладить — в моем распоряжении могучий клан Файзиевых. Но нужно смотреть дальше, вглубь, когда обстановка вокруг может измениться. И я не хочу в той изменившейся обстановке отвечать за все один. Вы поняли мою мысль?

Прокурор согласно кивнул.

— Я думаю, это справедливо, если каждый будет отвечать за себя. Я хотел бы, чтобы такие юридические документы были составлены не только касательно нашей

внутренней жизни, их будет, конечно, более всего, но чтобы, пусть и запоздало, появились юридические документы относительно планирующих и контролирующих нас организаций, всех, кто стоит над нами. И чем больше будет таких документов и организаций, с нами связанных, тем лучше. Если вы подготовите такие документы, где — конечно, скрытно — будут отражены наши интересы и ответственность каждого, без особого труда и проволочек тут же проведу их в жизнь.

Шубарин испытующе посмотрел на прокурора, осознал ли тот, чего от него хотят, и уловил понимание в его внимательных глазах.

— Я хочу отвечать только за себя, — жестко заключил он. — И не желаю, чтобы мои преступления перед законом тянули на самую суровую меру наказания. Вот для чего, если откровенно, мне понадобились ваши знания, опыт и авторитет. — Сказав это, Артур Александрович решительно направился к двери...

Азларханов успел отметить, что этот краткий монолог не был монологом испугавшегося человека, — скорее, знающего, чего он хочет, далеко наперед рассчитавшего свои ходы.

Оставшись один, Азларханов еще раз оглядел свой новый кабинет, заглянул в пустой сейф, обратив внимание на сложную систему запоров, подошел к окну. Окна выходили на площадь; внизу, у подъезда, машины Ашота уже не было.

Амирхан Даутович перебрал восемь папок, лежавших на столе, как бы раздумывая, с которой начать. Он прекрасно понимал, что уже в ближайшую неделю необходимо выдать какой-нибудь документ, и эта бумага должна была поднять его авторитет и в глазах Шубарина, и в глазах двух главных финансистов управления, которые, кажется, несколько скептически отнеслись к приглашению юриста в свои ряды. Но последний монолог Шубарина прояснял его роль до конца. Уж, конечно, им, своим компаньонам, он не разъяснял основную задачу юриста так, как обрисовал ее пять минут назад. Откровенничая во многом, он даже при верноподданном Ашоте не сказал, что главная цель юриста — ответственность от него самого и по возможности распределить ее на большее количество плечей, особо не боясь перегрузить Икрама Махмудовича — у того защитников в области найдется достаточно.

Он еще раз подумал о дальновидности Шубарина: два

старичка, помогавшие ему создать айсберг и до сих пор являющиеся его главными экономическими советниками, вряд ли могли быть привлечены к ответственности, и, в случае чего, весь удар пришлось бы принять на себя Артуру Александровичу, а он, естественно, этого ой как не хотел.

Взяв наугад первую папку, Амирхан Даутович приступил к изучению документов. Уже через час ему понадобилось кое-что выписать — этот вопрос следовало прояснить у главного бухгалтера. Работа продвигалась, и скоро на столе лежали отдельные листы с вопросами и к Христосу Яновичу, и к Файзиеву, и к самому Шубарину. Время от времени его отвлекали телефонные звонки — судя по молодым женским голосам, звонили Икраму Махмудовичу, и отнюдь не по делу. К концу дня звонки так участились, что Амирхан Даутович был вынужден отключить телефон.

Лишь однажды отвлекла его Татьяна Сергеевна, она принесла ему чай, весьма кстати. Уходя с работы, она поинтересовалась, долго ли он еще задержится, и оставила ключ от приемной, наказав забрать его с собой и ни в коем случае не оставлять внизу на вахте.

Увлечшись, Амирхан Даутович не заметил, как за окнами стемнело; он успел просмотреть лишь три папки из восьми, — впрочем, к каждой из них ему еще предстояло не раз возвращаться. Он хотел как можно скорее разобраться с делами, вникнуть в суть, потому что не был уверен, долго ли ему удастся играть свою роль и водить за нос Шубарина. Оттого решил одолеть еще одну папку, а затем пешком вернуться в гостиницу. Артур Александрович к этому времени наверняка уже будет у себя в номере, и можно будет вопросы, адресованные ему, задать уже сегодня. Четвертая папка оказалась весьма любопытной, Амирхан Даутович уже начал понимать структуру снабжения и списания материалов — и незаметно для себя он потянулся к следующей, самой толстой, не отдавая себе отчета в том, что часы в углу пробили полночь.

Неожиданно на лестнице послышался какой-то шум, топот шагов стремительно поднимавшихся людей, раздались возбужденные голоса в приемной, и тут же распахнулась дверь. Первым в кабинет ворвался Ашот, за ним Икрам Махмудович и бледный от волнения Шубарин.

— Да вот он, жив-здоров, работает, как и положено

деловому человеку! — возбужденно выпалил Ашот. На радостях он, кажется, готов был обнять Амирхана Даутовича — наверное, свою долю взбучки он уже получил по дороге.

Все взгляды потянулись к Шубарину. Артур Александрович подошел к столу и, устало опустившись в кресло, услужливо придвинутое Ашотом, сказал ничего не понимающему Азларханову:

— Извините, ради бога, действительно нелепо случилось. Приезжаю, поднимаюсь к вам, хочу поделиться радостью и поблагодарить вас — с Хайтовым уладили дела в лучшем виде, а вас нет дома. Спрашиваю у дежурной — говорит, не приходил. Иду к Адику — говорит, не ужинал. Звоню — никто не отвечает... Ну, я подумал, не случилось ли с вами чего, объявил тревогу. Гляньте на часы, уже полночь. Все в машину — и сюда. Вахтер спит, говорит, не знаю никакого юриста, все давно ушли, впрочем, он вас точно не знает.

Тут уж рассмеялся Амирхан Даутович...

— А почему телефон не отвечал? — спросил Ашот.

— Да замучили поклонницы Икрама Махмудовича, мешали работать, звонили каждые пять минут, вот и вынужден был отключить.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — подытожил Артур Александрович, — но я не люблю зависеть от случая, это мой принцип. Завтра же с утра, Икрам Махмудович, решите вопрос с телефоном, а свой заберите, а то будут мучить человека еще год. — Он обернулся к своему шоферу: — А ты, Ашот, немедленно реши вопрос с Костя: или пусть приезжает завтра, или подбери другого человека — мы не можем так работать, сегодняшний случай пусть для всех будет уроком. Я не могу рисковать человеком, который еще не сделал главного дела своей жизни.

Часа через два, когда Амирхан Даутович входил к себе в номер после позднего ужина в компании своих новых сослуживцев, он размышлял: «А была ли опасность извне? Или Шубарин больше испугался того, что я исчез с документами, уже владея достаточной информацией, чтобы начать раскручивать клубок?» Испугался он точно — Амирхан Даутович ясно видел испуг и волнение на его обычно бесстрастном лице. Как и неподдельную радость, когда прокурор оказался на месте.

Трудно было Амирхану Даутовичу понять, что же все-таки крылось за этим, какую роль он играл в чужой

игре, почему его оберегали? Чтобы он успел сделать «главное дело своей жизни», как сказал шеф... Намек на Бекходжаевых, на мсть? А какое им дело до его личного, почему такая трогательная забота и внимание? Но какие бы вопросы ни задавал себе Амирхан Даутович, он понимал, что сегодня ему еще не ответить ни на один из них, придется терпеливо ждать. Правда, один вывод он должен был сделать безотлагательно: теперь за ним будет глаз да глаз, Шубарин реально почувствовал, во что может ему обойтись отступничество бывшего прокурора. После ночного испуга мог появиться еще один нюанс в отношениях с Артуром Александровичем: скорее всего вряд ли будут продолжаться столь открытые беседы, как в последние дни, но тут дело за самим Амирханом Даутовичем; он должен как можно скорее подготовить ряд документов, доказывающих Шубарину, что тот не ошибся в своей тайной стратегии: только это может поднять цену бывшего прокурора в глазах настороженных пайщиков, ослабить их внимание. С этой мыслью прокурор и отправился спать...

4

Наутро, отказавшись от машины, прокурор пешком отправился в управление. Сегодня он решил отменить знакомство с бумагами, а сделать что-нибудь реальное, поэтому сразу попросил в бухгалтерии документы, связанные со штрафными санкциями к поставщикам и делам, что следовало передать в арбитраж, — и то, и другое Амирхану Даутовичу было хорошо знакомо по трем последним своим службам в должности юрисконсульта. Он снова так увлекся работой, что проворопил время обеденного перерыва, — оторвал его от дел телефонный звонок, первый за весь день. Звонил Шубарин:

— Амирхан Даутович, у нас, как и на всех предприятиях, действует трудовое законодательство, охрана труда, и обеденный перерыв никто не отменял. Опять же оценка деятельности у нас не по выработке часов, а по результату, так что бросайте бумаги и выходите — сейчас за вами подъедет машина Икрама. Мы тоже спускаемся к Адику. Обед — дело святое...

Когда он вошел в зал, сослуживцы уже сидели за столом. Рядом с Шубариным расположился довольно молодой мужчина, франтовато одетый, в крупных дымча-

тых очах, красивших его жесткое, с волевым подбородком лицо.

— Знакомьтесь, Амирхан Даутович, это наш долгожданный гость, — сказал Артур Александрович.

Азларханов протянул через стол руку и назвался. Гость привстал и отрекомендовался несколько странно:

— Меня зовут Костá.

Амирхану Даутовичу на миг показалось, что ему знаком голос этого человека, да и внешность как будто тоже, но крупные очки скрывали пол-лица, а главное — глаза. Однако прокурор не произнес, как ему показалось, ожидаемых за столом слов: а мы с вами где-то встречались, — торопиться ему было некуда.

Но тут не выдержал хладнокровный Шубарин, явно режиссер встречи, спросил удивленно:

— Амирхан Даутович, неужели вы не признали Коста?

Гость неторопливым жестом снял и положил на стол очки, и прокурор сразу узнал ночного посланника Бекходжаевых. Довольный тем, что несколько подпортил компании ожидаемый эффект, он спокойно пояснил:

— Но мы действительно незнакомы с... Коста...

Тут гость непринужденно рассмеялся:

— Да, так и есть, забыл тогда представиться прокурору. — И теперь уже засмеялись все за столом, включая и Амирхана Даутовича.

И запоздало, через четыре года, Амирхан Даутович только теперь вспомнил фамилию Коста — Джигоев; он был родом с Северного Кавказа, уголовник со стажем, вор в законе, обвинявшийся в убийстве. Он точно в то время отбывал наказание у него в области, и его документы прокурор держал в руках во время инспекции, но теперь это дела не меняло.

— Насколько я знаю, он тогда спас вам жизнь и теперь обязан оберегать ее. Он будет для вас тем же, что для меня Ашот. Я надеюсь, вы подружитесь — Коста о вас прекрасного мнения. Правда, мне кажется, он до сих пор не пережил вашего отказа от «дипломата», — Артур Александрович был явно в хорошем настроении.

— В таком случае он не выиграл бы двадцати тысяч. Надеюсь, Бекходжаевы расплатились с вами? — как можно небрежнее отозвался Амирхан Даутович, потому что почувствовал: он опять проходит какое-то пока непонятное ему испытание.

— Попробовали бы не рассчитаться, со мной такие

номера не проходят, — ответил незло Коста, но было ясно, что с ним такие шутки действительно не пройдут.

После обеда Азларханов вернулся с Шубариным в управление, а Файзиев остался с Коста в гостинице — необходимо было переселить жильца из соседнего номера, чтобы Джиоев жил через стенку с Азлархановым, на этом настаивал Коста.

В приемной Артура Александровича ждали несколько посетителей, и прокурор сразу прошел к себе, хотя собирался подать на подпись бумаги для арбитража. Часа через два Шубарин, освободившись, сам зашел к Азларханову.

— Во вчерашней суете я не смог вас толком поблагодарить за Хайтова — вы для него явились последним аргументом, которого у нас не доставало. Отныне он не будет чинить нам препятствий, даже наоборот: разрешил торговать на площади перед центральным универмагом. Не секрет, что я обещал солидный гонорар тому, кто выведет меня на Хайтова. Никто не сумел устроить мне встречу напрямую, кроме вас. Так что вот ваш заслуженный гонорар... — И Артур Александрович выложил на стол перед прокурором банковскую упаковку сторублевок.

— Как первому и без свидетелей? — пошутил Амирхан Даутович и, взяв деньги, небрежно бросил их в пустой ящик письменного стола.

— Обижаете, мы же с вами друзья, я за вас вчера действительно расстроился, разве вы это не почувствовали?

— Спасибо. Меня тронул вчера ваш жест, да и сегодня тоже: это та сумма, которую я хотел просить у вас на мебель. Спасибо и за Коста. Но не дорого ли он вам станет — специалисты такого класса, видимо, обходятся в немалые деньги? — Амирхан Даутович надеялся как-нибудь перевести разговор в нужное русло.

Но Артур Александрович не стал вдаваться в подробности:

— Да, работа таких людей, как Коста, оплачивается высоко, но не дороже, чем ваша жизнь. Это временная мера, я думаю, через полгода он вам не понадобится, а пока я не вправе рисковать: у нас с вами столько дел, вы даже не представляете. — И, считая, что разговор окончен, он поднялся.

Прибытие Коста несколько осложнило жизнь Амирхана Даутовича, — нет, не оттого, что была ограничена

его свобода или Джигоев следовал за ним по пятам: внешне все шло как обычно, но чувствовал себя бывший прокурор скованно. Следовало определить по отношению к Коста какую-то тактику, линию поведения. Конечно, о том, чтобы совершать с ним вместе пешие прогулки по вечерам, которые он опять возобновил, не могло быть и речи, как не стал бы Азларханов постоянно находиться с ним за одним столом, хотя, надо отдать должное такту телохранителя, на такое фамильярное отношение он и не напрашивался. Но тут был и пример: Артур Александрович не слишком церемонился с Ашотом, о том, чтобы Шубарин подпускал того к своему столу, не могло быть и речи — каждый знал свое место.

Даже чтобы изредка обмениваться рукопожатием с Коста, Амирхану Даутовичу нужно было переступить в себе через многое, он-то знал, что это за человек. Но и перегибать палку не следовало: Коста не Ашот, хотя и тот, судя по реакции на разговоры в машине, несколько не доверял бывшему прокурору; а этот быстро высчитывает игру — и по таким мелочам, что только ахнешь, тем более что дел у него других нет, и Амирхана Даутовича он мог держать под микроскопом.

Поначалу прокурор просто-напросто вгрызся в работу: целыми днями сидел, обложившись горами бумаг; он хотел быстрее выдать какой-то результат Шубарину, а заодно размагничивал Коста, стараясь не особенно общаться с ним якобы из-за своей чрезвычайной занятости. Надо отдать должное, держался Джигоев хорошо, работал профессионально, и вряд ли кто мог разгадать истинный смысл его занятий. Учтивый, общительный, щедрый, через две недели он повсюду — в управлении, гостинице, ресторане — имел друзей и знакомых. Он мастерски умел разыгрывать такого беспечного доброго малого, сохраняя в то же время предельную собранность. Амирхан Даутович, знавший приемы слежки, догляда, попытался дважды, крайне осторожно, проверить, надежно ли он блокирован Джигоевым, и был поражен его мертвой хваткой.

Однажды после прогулки он зашел в ресторан, где за обычным своим столиком сидели Шубарин и Файзиев, и еще несколько молодых людей, приятелей Файзиева. Веселье в «Лидо» в тот вечер плескалось через край. Перепелок на вертеле жарили во внутреннем дворе ресторана, на воздухе, там же грелся на углях трехведерный самовар, и Амирхан Даутович частенько по вечерам

спускался вниз для того, чтобы выпить чайничек-другой чая. Адик заваривал замечательно, да и чай хороший у него не переводился. Поэтому, когда Амирхан Даутович появлялся по вечерам в зале, Адик тут же ставил перед ним свежезаваренный чайничек.

Так произошло и в этот раз. Компания была увлечена разговором, но появление Амирхана Даутовича встретили со вниманием. Всем почему-то тоже захотелось чаю, и два чайника, что принес Адик, вмиг опустели. Файзиев, распорядившийся в ресторане как в своем доме, взяв чайники, через кухню прошел во двор, как делал это не раз, потому что самовар всегда ставили в одном месте. Через полчаса, когда Артура Александровича пригласила на танец девушка, сидевшая с ними за столиком и не сводившая с него восхищенных глаз, а оставшиеся живо обсуждали какую-то предстоящую свадьбу, Амирхан Даутович тоже, как и Икрам Махмудович, взял пустые чайники и прошел через кухню во двор: он хотел проверить, как среагирует на его отсутствие Коста; тот сидел за столом Ашота, где тоже веселилась компания.

Во дворе ресторана находился туалет, и Амирхан Даутович, передав чайники Адиду, направился туда. Не успел он войти в помещение туалета, как следом с улыбкой появился Коста, хотя, уходя, Амирхан Даутович видел, что тот ухаживал за девушкой, сидевшей рядом.

Конечно, он чувствовал и контроль Шубарина и Файзиева, но был догляд, так сказать, администраторов, да и практиковался он эпизодически, у них обоих забот было непереворот, огромная машина, все набиравшая ход, требовала внимания гораздо больше, чем цовый юрисконсульт с особыми полномочиями. И контроль этот он предугадывал, психология Шубарина и Файзиева была понятна ему.

Другое дело Коста, человек, с иной меркой подходящий к жизни, и с иным опытом ее. Конечно, перед ним поставлена задача не только оберегать его от внешних посягательств, но и смотреть за ним в оба, ведь день ото дня он все больше обогащался информацией, к которой имели доступ всего три-четыре человека. Кроме этих явных причин надзора, наверняка были и другие, которых Амирхан Даутович до сих пор не мог понять, хотя проработал уже больше месяца.

Бдительность Артура Александровича он уже заметно

притушил несколькими удачными предложениями. Первое, которое Шубарин провел через Госснаб республики, Совет Министров и Министерство местной промышленности, давало управлению возможность самостоятельно выходить к поставщикам за пределами республики с правом выкупать у них нереализованную или сверхплановую продукцию. Этот документ придавал законность многим разбойничьим актам Артура Александровича. Ему всегда нужно было доказательство, что он получал оттуда-то официально, положим, тысячу метров ткани, хотя на самом деле он мог получить ее и десять и сто тысяч метров — неучтенной продукции у таких же ловкачей, как и он сам. Эта бумага снимала в будущем обвинение в сговоре, подкупе поставщика, в противозаконных операциях в крупном масштабе. Хотя без сговора, без толкачей, и по фондам что бы то ни было получить непросто. Это знает каждый, кто хоть немного знаком с материальным снабжением. Скорее всего Шубарину сырье отовсюду отправляли в первую очередь и самое лучшее, а уж потом, что осталось, выбирали те, кто имел фонды.

По мере того, как прокурор готовил все новые документы, получавшие одобрение Шубарина, Амирхан Даутович вдруг почувствовал, что ревностное отношение к нему Файзиева неожиданно сменилось интересом, который тот, как ни странно, не афишировал при Артуре Александровиче.

Эту внезапную перемену к себе Амирхан Даутович анализировал долго, две недели, и кажется, понял, что клан Файзиевых не прочь при случае скинуть Артура Александровича, слишком уж тот властен, не подпускает ко всем финансовым секретам своего зама. Наверное, клан считал, что машина, запущенная Шубариным, теперь уже будет функционировать и без него. И по их подсчетам, Амирхан Даутович, наверное, подходил на место Шубарина, тем более что Икрам Махмудович не мог не оценить значимости тех документов, что еженедельно выдавал Азларханов.

Открытие это, однако, не обрадовало прокурора — меньше всего ему хотелось оказаться между жерновами; теперь его волновала только своя игра, и карты день ото дня шли к нему козырные: он уже составил наполовину список людей в области и в республике на самых высоких постах, что состояли на содержании у Артура Александровича, и доказать ему это не составляло тру-

да. Сложнее было выйти на людей из Москвы, но и тут следовало ждать и работать. Но и не учитывать новый расклад, принимать безоговорочно сторону Шубарина, как решил он прежде, значило обречь себя на дополнительный риск: из опыта противоборства с Бекходжаевыми он догадывался и о возможностях клана Файзиновых. Оставалось одно: осторожничать, потихоньку блефовать и, собрав достаточную информацию, при первой же возможности исчезнуть.

Ремонт в квартире заканчивался, наводили последний глянец, оставалось лишь отлакировать новые паркетные полы — и можно было переезжать; у него уже не раз спрашивали, когда же новоселье? Амирхан Даутович прекрасно понимал, что вряд ли ему удастся прожить в этой квартире хотя бы несколько месяцев, но начатую игру следовало продолжать, показывать, что вьет гнездо всерьез и надолго.

Пачка денег, что вручил ему Шубарин за посредничество в сделке с Хаитовым, так и продолжала лежать в ящике стола, он даже не удосужился переложить ее в сейф. Странное чувство у него было: он даже не ощущал эти деньги деньгами, они не вызывали никаких желаний. То же самое с квартирой, за ходом ремонта которой он якобы ревностно следил... И деньги, и квартира, так неожиданно свалившиеся на него, казались ненастоящими, обманом, миражем... Только свое положение в «системе» Шубарина он принимал всерьез.

Деньги в столе и навели на мысль хотя бы на полмесяца нейтрализовать Коста, внушить ему, что он пустил корни в «Лас-Вегасе» глубоко.

— Коста, я хотел бы обратиться к вам с личной просьбой. Во-первых, потому, что доверяю вашему вкусу, о котором все вокруг говорят, а во-вторых, у меня совершенно нет времени. Документы, которые я готовлю, во сто крат важнее моих личных дел. И мне хотелось бы скорее оправдать ту заботу и внимание, что проявляют ко мне мои и ваши благодетели. Я уже не говорю о том, что, ожидая результата, меня щедро авансировали, а я человек старой школы, не могу жить в кредит, оттого и корплю над бумагами день и ночь. А просьба моя такая... Через неделю-две закончится ремонт моей квартиры на улице Красина, где вам тоже, кажется, сняли комнату; необходимо обставить квартиру мебелью. Вот вам деньги. Здесь есть хороший магазин, с выбором импортных гарнитуров. Пожалуйста, вымеряйте кварти-

ру и подберите мебель на ваш вкус в спальню, зал и на кухню. Заодно присмотрите что-нибудь из посуды. — И Амирхан Даутович протянул Коста пачку денег.

Коста машинально надломил пачку, проверяя, не подложили ли ему «куклу», затем, вспомнив, с кем имеет дело, рассмеялся...

Засмеялся и Амирхан Даутович, оба поняли жест Коста однозначно. Предложение оказалось для Коста столь неожиданным, что он, кажется, растерялся, хотя и пытался скрыть это.

В первое мгновение Джигоев, похоже, подумал, что Амирхан Даутович дает ему возможность отбыть с этими деньгами и не мешать ему в чем-то, но тут же отбросил эту мысль, потому что понимал: Амирхан Даутович знает, что для него, Коста, одна банковская упаковка денег, даже сторублевков, ничего не значит, и прокурор не станет так очевидно рисковать.

После ухода своего опекуна Амирхан Даутович как-то сразу сник, навалилась усталость, и, если бы в кабинете стоял диван, он, наверное, прилег бы, пропала охота к бумагам... Хотя он начал вновь регулярно совершать свои пешие прогулки и пытался куда лучше прежнего, чувствовал он себя неважно, сердце то и дело напоминало о себе, спасали сверхдефицитные заморские таблетки, которые добывал ему Шубарин, да обычный нитроглицерин держал в кармане. Прежде чем подготовить решающий шаг, следовало окончательно стать в компании своим, но он не чувствовал пока к себе полного доверия ни со стороны старого бухгалтера Кима, ни его давнего друга Христоса Георгади: они постоянно, очень ловко, чего-то не договаривали ему, а без этого задуманное им дело заходило в тупик, он должен был найти ключи к конструкции айсберга.

Оба старичка, несмотря на преклонный возраст, любили заглянуть в «Лидо», каждый из них еще не прочь был пропустить рюмку-другую хорошего коньячку, да и на кухне в такие дни, заранее предупрежденные Икрамом Махмудовичем, готовили для них какие-то особые блюда и тонкие закуски. В такие вечера и Амирхан Даутович вынужден был появляться в «Лидо», строить из себя человека довольного жизнью и своим неожиданным положением. Гуляли широко, к ним за стол, сменяясь, подсаживались разные люди, Амирхану Даутовичу приходилось терпеть фамильярное отношение незнакомых типов и даже молодых приятелей и приятельниц Икрама

Махмудовича, лезущих к нему в подпитии чуть не с объятиями. Но более всего его раздражал ресторанный дым — он едва не задыхался в табачных клубах, хотя ради поставленной цели терпел и это.

После ухода Коста Амирхан Даутович вспомнил: опять не предупредил Артура Александровича, что через неделю годовщина смерти Ларисы, пять лет; он собирался поехать на могилу — надо было решить вопрос с машиной и сопровождением. Разговор этот ему не хотелось откладывать, потому что могли возникнуть и какие-нибудь неотложные дела, требующие его присутствия здесь. В последнее время почти ни одно мероприятие не проводилось без согласования или консультации с ним, в отсутствие Шубарина люди часто обращались к нему с неотложными делами, и он никогда не уходил от решения, а по одобрительному отношению Артура Александровича понимал, что пока попадал все время в точку.

Шубарин подписывал бумаги для бухгалтерии, но, увидев Амирхана Даутовича, отложил их в сторону. Чувствовалось, что в последнее время он убедил оппонентов в необходимости участия в «синдикате» опытного юриста, и дела подтверждали его стратегию. Шубарин пошутил однажды наедине с прокурором, что если он и дальше так будет огражден за счет умело использованных юридических тонкостей, то вскоре, пожалуй, не ему, а он будет предъявлять счет властям и требовать для себя вместо статьи помягче особого положения в обществе и признания заслуг.

Амирхан Даутович напомнил шефу о годовщине, сказал и о поездке. Шубарин как-то очень странно выслушал простейшую просьбу, словно Азларханов подслушал его тайную мысль или даже оказался в курсе неких его сиюминутных планов, но, как всегда, очень быстро овладел собой. Прокурор уже знал, что в разговоре с Артуром Александровичем следовало ловить его первоначальную реакцию, через мгновение Шубарин опять становился «нечитаемым».

Шубарин вышел из-за стола, что делал в сильном волнении или когда распекал кого-то, прошелся по кабинету.

— Ну и задали вы мне задачу, Амирхан Даутович. Я обязан вас предупредить и, если хотите, даже приказать: вам не следует появляться в том городе еще с полгода, однако сегодня я не могу объяснить вам, по-

чему. Поверьте, это в ваших же интересах. А что касается даты, я не забыл, и на этот счет дана уже команда. Мы, ваши новые друзья, коллеги по службе, помянем вашу жену вместе с вами. Впрочем, почему вам нежелательно там появляться, я объясню недели через две, а может, даже раньше. Что касается могилы вашей жены, она в порядке. Григоряны, сделавшие такой прекрасный памятник, — дальние родственники нашего Ашота; я был там на прошлой неделе с ним и братьями-скульпторами, за могилой хорошо смотрят, и в печальную годовщину она не останется без цветов, пусть ваша душа будет спокойна.

Вернулся к себе в кабинет Азларханов крайне озадаченный — о работе не могло быть и речи, да и нездоровилось что-то. Что крылось за всем этим? Каким оружием был он в руках у Шубарина? Что тот еще затеял и почему нежелательно или даже опасно появляться ему в соседнем областном городе, где он долго пробыл прокурором?

Опять у него вопросов оказалось больше, чем ответов.

Он не сомневался, что Шубарин действительно был на прошлой неделе на могиле его жены и, как человек деятельный, наверняка с кем-то договорился об уходе, оставил деньги. Не сомневался он и в том, что и цветы появятся на могиле в годовщину, как обещано, и самые роскошные, а не жалкие жестяные венки от общественности, что увидел Азларханов, когда появился в первый раз на кладбище. Почему-то казалось Амирхану Даутовичу, что умри он сейчас — неожиданно, скоропостижно, от сердечного приступа, — похоронят его Шубарин с Файзиевым с подобающим вниманием и наверняка положат рядом с женой. Не исключено, что братья Григоряны сделают еще один, возможно, даже общий для них с Ларисой, памятник, и для этого найдутся и деньги и время, которого так не хватает этим деловым людям. И поминки справят как положено, и добрые слова какие-нибудь скажут, и на могилу хоть однажды, но заглянут. Сами проверят, все ли в порядке с так много знавшим прокурором.

Глава VII

ИГРА С ВЫБЫВАНИЕМ

1

Неделя прошла нервная, напряженная, что казалось на его самочувствии. Дважды среди ночи пришлось вызывать «Скорую» — вот где по-настоящему Амирхан Даутович оценил опеку Коста. В первый раз, когда почувствовал себя плохо, он потянулся к стене и слабо ударил по ней кулаком, так у них было условлено, на всякий случай. Коста появился тут же — как сказали врачи, весьма кстати, вызвал «Скорую» и просидел, не отходя от прокурора, до утра, пока не стало лучше. Но к концу недели все как-то образовалось, Амирхан Даутович чувствовал себя прилично и вышел на работу; об одном жалел — что не может поехать на могилу жены. С Шубариным они больше не говорили на эту тему, и прокурор не допытывался, отчего же нельзя туда ехать; понимал — придет срок, и он узнает.

В пятницу, когда они с Шубариным вдвоем обедали в «Лидо» — это был день смерти Ларисы, — Артур Александрович протянул ему через стол цветную фотографию, сделанную «Полароидом».

— Вот привезли полчаса назад. Снято сегодня, в девять утра.

На фотографии могила утопала в цветах, не видно было даже кованой ограды, только памятник. На переднем плане — несколько роскошных венков из белых и красных роз; а на самом большом, в центре, из одних белых роз, на широкой муаровой ленте значилось: «От управления местной промышленности». На другом

можно было прочитать только краткое «От друзей».

Амирхан Даутович смотрел на фотографию и чувствовал, как слезы невольно подступают к глазам.

— Спасибо, — сказал он. — Я очень тронут вашим вниманием, мне даже неловко, что вы проявляете столько заботы обо мне.

— Не стоит благодарности. Я делаю лишь то возможное, что обязан сделать как человек, а теперь уже и как ваш товарищ — ведь моя жизнь, мое благополучие отчасти в ваших руках, мы повязаны одним делом, одними целями. — Шубарин подбадривающе похлопал прокурора по руке. — Впрочем, не будем опережать события. Вечером мы соберемся здесь в закрытом банкетном зале. От вашего имени я пригласил узкий круг близких вам людей. Так что после обеда вы поднимайтесь к себе, отдохните, а в восемь я зайду за вами, и мы спустимся к гостям; надеюсь, сегодня никто не будет опаздывать. — И они распрощались до вечера.

Вернувшись к себе, Амирхан Даутович вспомнил тот давний августовский день, когда он сидел в здании районной милиции и ждал сообщений от Эркина Джуграева. Прошло всего шестнадцать часов, как не стало Ларисы, и он с горечью подумал тогда, что к этим шестнадцати он теперь всю жизнь будет прибавлять часы, дни, недели, годы, а теперь вот набежало пятилетие.

Пять лет! Разве мог он предположить, что потеря жены, сама по себе трагедия всей жизни, обернется дополнительно и еще такими крутыми зигзагами в его личной судьбе. Странно, в свои пятьдесят он после смерти Ларисы реальной своей жизнью воспринимал только эти последние пять лет, остальное виделось как сквозь туман, и он с трудом соотносил себя с теми давними счастливыми днями.

А теперь новый этап жизни, снова навязанный ему. Кусок этот мог продлиться несколько месяцев, от силы полгода, на большее он не рассчитывал: слишком неравными были силы, чтобы долго противостоять изощренному Шубарину и его компаньонам. А что дальше? Что ожидает его, когда он сделает последний шаг в задуманном деле, как решил в первый же вечер, в тот давний и недавний вечер, когда пришли вербовать его в полутайный синдикат? Чтобы раскрутить то, с чем он придет к властям, нужны годы и годы, он-то знал стиль и темпы работы прокуратуры — надеяться, что жизнь подарит ему такой срок, не приходилось. Даже здесь, под не-

ослабным вниманием всесильного Артура Александровича, несмотря на полный комфорт и возможность в любую минуту связаться с профессором в Ташкенте, заполучить консультацию, а если надо, и самого профессора (не говоря уже о том, что доступны были лекарства, какие только есть в природе), и то на неделе пришлось дважды вызывать «Скорую».

Но о том, что будет после, думать не хотелось... Путь свой он выбрал давно, тридцать лет назад, еще там, на шаткой палубе эсминца, и сейчас, на краю жизни, следовало последние дни свои прожить достойно и выполнить свой долг.

Ровно без пяти минут, восемь раздался стук в дверь, на пороге стоял Шубарин. Амирхан Даутович не сомневался, что он уже провел инспекцию в банкетном зале, отдал последние распоряжения, прежде чем подняться за ним. В той торжественности, с какой отмечали день памяти его жены, Амирхан Даутович усмотрел непонятную для себя значительность события в глазах синдиката — похоже, и в это мероприятие Артур Александрович вкладывал нужный ему подтекст. Может, ему хотелось собрать людей, редко встречающихся за одним столом? А может, кому-то лишний раз нужно было показать единство и, так сказать, благородство стиля своего консорциума? Впрочем, не стоило ломать голову, Шубарин, как всегда, был труднопредсказуем, и все следовало принимать как есть...

Амирхан Даутович никогда прежде не заглядывал в банкетный зал, хотя в последние недели почти ежедневно бывал в «Лидо». У двери ресторана их встретил Адик, одетый сегодня несколько торжественнее, чем обычно, он и провел их в зал. Как только Амирхан Даутович вместе с Артуром Александровичем вошли в ярко освещенную комнату, собравшиеся, не сговариваясь, поднялись из-за стола, словно отдавая дань торжественности и скорбности момента. Прокурора удивил состав собравшихся за столом: кроме Александра Николаевича Кима и Христоса Яновича Георгади, оказались тут и Адыл Шарипович, братья Григоряны. Сидели за столом и Ашот рядом с Коста, и еще несколько неизвестных Азларханову людей — одни мужчины.

Преходя на указанное Адиком место, Амирхан Даутович увидел на стене большую цветную фотографию Ла-

рисы, наверное, переснятую из первого альбома, — она улыбалась на фоне медресе в Куня-Ургенче, — снимок этот очень понравился самой Ларисе. Угол фотографии перехватывала черная муаровая лента с датами: 1940—1978. О скорбном дне напоминало и множество роз, все только белые; высокие хрустальные вазы под цветами, наверняка доставленные Икрамом Махмудовичем на время из магазина, тоже были перетянуты черными лентами, завязанными в кокетливые банты.

Артур Александрович, поправлявший цветы в напольных вазах у входа, сел на свое место последним; во главе стола, слева от него, оказался Азларханов, справа Икрам Махмудович. За время общения с Шубариным прокурор привык к хорошо сервированным столам, но этот удивлял роскошью, чувствовалось, что Файзиев перетряс не одну спецбазу; ножи-вилки-бокалы вряд ли были казенные: опять же, наверное, Файзиев постарался, то ли из дома привез, а может, и с какой-нибудь обкомовской дачи или резиденции позаимствовал на время. Амирхан Даутович как-то слышал за обедом, что Георгади, как человек европейского воспитания, предпочитает столовое серебро и тяжелый голубой хрусталь — может, добро из его запасников? И все это организовано в память Ларисы? Зачем ей было бы все это?..

Сидели как на больших приемах — свободно, громадный стол позволял, и от этого создавалось ощущение вроде бы официальности, строгости — впрочем, как давно заметил прокурор, некая чопорность была в духе Шубарина, а он и правил бал. Имел Артур Александрович слабость, может, опять же наследственную или скорее русскую: любил он застолья, любил угощать, принимать гостей, хотя бражником не был.

Адику сегодня помогали еще два официанта, и по какому-то неуловимому знаку Артура Александровича они быстро разлили водку и коньяк, вероятно, знали, кто чему отдает предпочтение.

Шубарин встал и попросил минутой молчания почтить память той, ради которой они сегодня здесь собрались. Потом он стал говорить о Ларисе Павловне, наверное, адресуясь прежде всего к тем нескольким мужчинам за столом, что были незнакомы Амирхану Даутовичу. Говорил долго — он действительно знал о ней немало... Упомянул события, подзабытые и самим прокурором. Память незаметно унесла Амирхана Даутовича в

минувшие счастливые дни, и он перестал слушать Артура Александровича. Он не отрывал глаз от портрета жены, висевшего прямо над головой Коста... Мелькнула мысль, что ведь это первые многолюдные поминки Ларисы — все прошлые годы он поминал ее один, и годы выпадали один безрадостнее другого, единственным утешением ему служило то, что хоть успел, не оставил ее могилу безымянной.

Амирхан Даутович благодарным взглядом потянулся к братьям Григорьянам, поставившим памятник Ларисе, — братья, не сводя глаз с Артура Александровича, внимательно слушали взволнованную речь. И когда все подняли рюмки, Амирхан Даутович тоже выпил коньяку. Потом слово взял прокурор Хайтов — он говорил о трагической судьбе Ларисы, которую хорошо знал, говорил о доле, выпавшей Амирхану Даутовичу, о том, с каким мужским достоинством нес он свой крест. Слушая выступавших одного за другим Икрама Махмудовича, братьев Григорьянов, старого бухгалтера Кима, Амирхан Даутович вдруг ощутил, какой волшебной магией обладает целенаправленное, страстное слово... Скажи сейчас Артур Александрович, что нужно тут же встать и пойти врукопашную на Бекходжаевых, вряд ли кто уклонился бы, не говоря уже о том, чтобы усомниться душой в необходимости такого шага. Какой дух братства, единства, жертвенности витал над столом! И создал эту атмосферу Шубарин. Собираясь на поминки, Амирхан Даутович никак не предполагал, что увидит такое сострадание своему горю, услышит столько искренних слов сочувствия, взволнованные заверения в том, что он всегда может положиться на них, сидящих за столом, в борьбе со своими недругами, сгубившими его жену. Не рассчитывал он и пить более одной-двух рюмок армянского коньяка «Ахтамар», любимого Икрамом Махмудовичем, главным администратором по части достать — столы были тесно уставлены бутылками, но как можно было отказаться, если обращались к тебе с такими трогательными словами и заверениями.

Взволнованные речи не мешали бесшумным официантам без устали сновать взад-вперед, меняя холодные закуски на горячие, одни деликатесы на другие, выставлять все новые и новые батареи охлажденного «Боржом». Принесли и первое горячее — плов из перепелок, который, как объявил Файзиев, он приготовил по такому случаю сам. Постепенно в банкетном зале становилось

все более шумно, как и в большом, к плову появились за столом новые лица, в основном люди, близкие Артуру Александровичу и Икраму Махмудовичу. Шубарин, державший все под контролем, глазами отдавал распоряжения все понимающему Адику, не забывал ухаживать за Амирханом Даутовичем, замечая, что тот время от времени как будто выпадает из компании, проваливаясь памятью в прошлое. Подкладывал прокурору закуски, потчевал, как хлебосольный хозяин: попробуйте — это миноги, или вот этот особый салат из молодого папоротника, его регулярно присылают бухгалтеру с Камчатки, или шампиньоны, приготовленные по давнему греческому рецепту, хранящемуся в семье Георгади.

На улице давно стемнело, и в распахнутые настежь окна банкетного зала врывался свежий ветерок. Наступало время его каждодневной прогулки, но уйти из-за стола было неудобно, хотя Амирхан Даутович ощущал потребность побыть одному. И вдруг, в который уже раз словно читая его мысли, Артур Александрович, наклонившись, тихо предложил:

— Не хотите ли выйти на свежий воздух, здесь уже накурили не меньше, чем в зале?

Не дожидаясь ответа, Шубарин встал, и Амирхан Даутович последовал за ним.

— Давайте пройдемся обычным вашим маршрутом, — посоветовал Артур Александрович, — подышим. Может, нагуляем аппетит — еще предстоит отведать какие-то особенные мапты и самсу, начиненную рубленными ребрышками из баранины. Икрам Махмудович привез из кишлака какого-то чародея по этой части, вы ведь знаете, Файзиев у нас гурман, и вкус у него отменный. Ему бы еще такой вкус в делах проявлять, цены бы не было.

Амирхан Даутович понимал, нужно как-то поблагодарить Шубарина и за цветы на могиле Ларисы, и за вечер памяти, так прекрасно организованный, и за добрые слова о ней, но что-то сдерживало его.

Шубарин сам прервал затянувшееся молчание.

— Амирхан Даутович, я знаю, что на поминки не принято делать подарки, сюрпризы, но все же не удержусь от возможности сообщить одну приятную для вас новость именно в этот горестный день. Я буду рад, если известие утешит вас и отчасти вернет утерянный душевный покой.

Азларханов почувствовал, что сейчас Шубарин скажет что-то важное, и не ошибся.

— Сегодня, в день памяти Ларисы Павловны, хоронили убийцу вашей жены, прокурора Анвара Бекходжаева...

— Вы не ошиблись? — спросил Амирхан Даутович.

— Разве я до сих пор давал вам повод сомневаться в своих словах? — в свою очередь, спросил Шубарин. — Его убили вчера вечером, и я даже знаю — кто.

— И кто же? — Голос Амирхана Даутовича дрогнул, хотя он и попытался скрыть свое волнение и охвативший его неожиданно страх.

— Вот этот молодой человек. — И Артур Александрович протянул снимок побледневшему Азларханову.

На черно-белой фотографии крупным планом был снят прокурор, а рядом с ним прилепился невзрачного вида молодой человек с короткой стрижкой. Сколько Азларханов ни вглядывался в снимок, сделанный в зале «Лидо», — человек с раскосыми глазами на тонком бледном лице с крупным ртом, портившим симметрию лица, был ему незнаком. Он не мог припомнить его, а фотография была настоящая, не монтаж, скорее всего незнакомец присел рядом с ним на секунду по сценарию и по приказу Шубарина в один из вечеров, когда прокурор спускался в разгар веселья выпить свой чайничек чая.

— И кто же это? — спросил уже спокойнее Амирхан Даутович.

— Не узнали? Странно. Это ваш старый знакомый, Азат Худайкулов, отбывающий срок за убийство вашей жены, а точнее за своего друга, Анвара Бекходжаева, убившего Ларису Павловну.

Амирхан Даутович еще раз внимательно посмотрел на фотографию.

— Возмужал, не узнать... Хищный какой-то, я запомнил его почти мальчишкой...

— Пять лет все-таки прошло, выжил, заматерел, настоящий волк, он еще дел наворотит. Я ведь уже говорил вам: зло рождает только зло... — прокомментировал Шубарин.

Слушая шефа, Амирхан Даутович вдруг вздрогнул от неожиданной догадки: он понял ход Шубарина — оттого и фотография на всякий случай. Вот оно, дело, которым тот решил повязать его на всю жизнь. Теперь Шубарин не сомневается, что прокурор у него на привязи, и крепко — даже мысли вильнуть в сторону не может возникнуть — вместе до гробовой доски. Старый, как мир, прием уголовников — привязать кровью, мокрым делом, то

есть убийством. И если что, Азат Худайкулов, приведись ему отвечать за содеянное, скажет, что нанял его прокурор, чтобы отомстить за свою жену.

— За что же он своего дружка так?.. Ведь росли вместе, говорят, он у того в адъютантах ходил чуть не с пеленок?

— Было, да былшем поросло. Разошлись далеко детские дорожки, в разные стороны, от того и месть крутая. Не сдержали Бекходжаевы свое слово... На первых порах помогали, посылки регулярно присылали, навевались, матери его больной оказывали всяческое содействие. А потом внимание иссякать стало, мало кто выдерживает испытание временем — в обузу стали Худайкуловы. Мать умерла, а перед смертью написала горестное письмо Азату и обвинила в своей смерти Бекходжаевых. Каково в тюрьме получить такое письмо от матери, зная, что ты отбываешь срок за них? И стал он жить одной мыслью, одной-единственной надеждой: отомстить своему вероломному другу — других желаний, насколько мне известно, у него в жизни нет. И подогревали его, конечно, дружки по тюрьме, тем более узнав, что вероломный товарищ к тому же прокурор, злобный, невежественный, свирепствующий, задушивший поборами всех вокруг. Ведь в тюрьму, как ни парадоксально, сведения доходят быстро и в большом объеме, и о реальной изнанке жизни здесь имеют представление получше, чем в райкоме. Так что он жил, моля аллаха, чтобы не убили его врага другие, потому что год назад узнал, что есть люди, и весьма серьезные, которые уже приговорили к смерти прокурора Бекходжаева. А в той среде, где это было сказано и в которой Азат теперь не последний человек, словами не бросаются, это не профсоюзное собрание, отвечать приходится, репутация в уголовной среде дороже жизни.

— Одно дело желать, другое выполнить. Ему удалось бежать из колонии?

— Не совсем так. Когда я узнал вашу историю, а затем историю этого несчастного молодого человека, пострадавшего, как и вы, я понял, что ваши интересы совпадают. А для себя я посчитал весьма благородным поступком, если смогу помочь установить, хоть и запоздало, справедливость. Я попросил доставить Азата в «Лас-Вегас» на несколько часов, тогда и засняли вас случайно, на память. Я хотел поговорить с ним, понять, насколько серьезны его намерения и что он за человек,

можно ли положиться на него. В тюрьме он прошел большую школу, рассуждал вполне здраво, а намерения его были серьезные, дальше некуда. Я обещал ему помочь, обговорив кое-какие условия, — он принял их.

— Вы помогли ему бежать? — нетерпеливо спросил Амирхан Даутович.

— Нет, зачем же, побега я ему не обещал.

— Как же тогда удалось ему совершить свою месть?

— Ну, это несложно. Если ваш знакомый полковник Иргашев мог использовать Коста на воле против вас почти полгода, так почему я не мог взять Азата из колонии всего на несколько часов. Люди Ашота, хорошо изучив привычки Бекходжаева, разработали план, и Азату преподнесли все на блюдечке с голубой каемочкой, вся операция заняла пять минут.

— Значит, раскрыть это преступление будет не просто и есть гарантии безопасности?

— Трудный вопрос, особенно насчет гарантий. Я не знаю, как раскрываются у нас преступления, но то, что Азат Худайкулов через три часа вернулся на место, в заключение, это точно. А при его нынешнем опыте жизни брать на себя еще одно убийство, теперь, правда, свое, — безумие, тем более он знает, что, когда выйдет, получит помощь не от Бекходжаевых, а от меня. А о том, что я слов на ветер не бросаю, он знает, убедился в моих возможностях. Гарантии скорее в другом; помните, я говорил: нам неважно, кто нанесет удар Бекходжаевым, мы не тщеславны, нам важен результат. Я упоминал, что Анвара Бекходжаева уже давно приговорили, и он об этом знал, знали и в прокуратуре. Впрочем, многие хотели бы посчитаться с ним, и не только уголовники и дельцы, ему и за его донжуанство давно обещали оторвать голову — вы же знаете, в районах на этот счет строго, а он и тут плевал на понятия чести и морали своего же народа. Так что поле деятельности у следователей и без нас широкое; если надо будет, подбросим и другие варианты, там есть кому держать под контролем ход расследования. Свести счета и дурак сумеет, а вот жить и радоваться назло врагам не каждому удастся. В конце концов, Азат у нас в руках еще лет пять, — закончил, как всегда, неопределенно Шубарин.

Они ушли далеко, занятые разговором, почти до старой махалли Допидуз, и, когда возвращались обратно, наткнулись на спешившего навстречу Коста.

— Я от общества, вас ждут к столу. Ким с Георгади

хотели бы уехать домой, — сказал Коста, обращаясь к Артуру Александровичу.

— Скажи, мы будем через пять минут, — ответил Шубарин, и Коста в мгновение ока растворился в темноте.

Когда они снова вошли в банкетный зал, Амирхан Даутович заметил, что поминки превратились в очередную гулянку — прибавилось, и заметно, много новых лиц; но стоило Артуру Александровичу сказать несколько слов Икраму Махмудовичу, как шум, гам, смех моментально стихли, и все чинно заняли места за столом. Адик с помощниками внесли ляганы с обещанными Шубариным особенными мантами — обложенные зеленью, посыпанные красным корейским перцем, смотрелись они аппетитно, и все взгляды дружно потянулись к Артуру Александровичу. Но вдруг поднялся один из тех незнакомых мужчин, что находились в компании с самого начала. Все за столом, как понял Азларханов, делалось только с ведома Шубарина, значит, настал черед и для этого человека. Говорил он тоже долго и не менее искусно, чем сам Шубарин, и хотя он старался придерживаться темы, то есть поминок незнакомой ему Ларисы Павловны, он то и дело ловко съезжал на другое, ради чего, наверное, и был приглашен сюда. Он говорил о том, что удостоился большой чести разделить горе, выпавшее на долю большого друга его давних друзей, и он готов служить верой и правдой таким людям, для которых горе ближнего воспринимается как свое.

Говоря, он все поглядывал на Артура Александровича, как тот воспринимает сказанное. Делал он это, на свой взгляд, ловко, осторожно, но ему мешало выпитое, и Амирхан Даутович ясно понимал, что сегодня Артур Александрович вербовал в свою вотчину еще одного, и наверняка влиятельного человека, поражая его богатством стола, а главное, щедрым вниманием к своему ближнему.

Слушая после прогулки говоривших, Амирхан Даутович пытался понять, кому еще известна новость, которой одарил его Шубарин, но установить это было непросто. Конечно, Файзиев знал, потому что слишком внимательно глянул на прокурора, когда они вернулись, и, поднимая рюмку, кивнул с намеком, словно поздравляя его. Наверное, застолье продолжалось бы до глубокой ночи, потому что на столе и выпить и закусить было более чем предостаточно, но засобирались домой стари-

ки — Ким и Георгади, и Артур Александрович вместе с Ашотом поехали развезти их по домам. Это и послужило сигналом к завершению, и недогулявшие стали переходить в большой зал, где оркестр наяривал жизнерадостные ритмы.

Вскоре за столом остались только Азларханов и Икрам Махмудович, да чуть поодаль Коста с аппетитом доедал самсу. Наверное, Икраму Махмудовичу хотелось что-то сказать юрисконсульту, и он сделал знак Коста. Тот быстро покинул банкетный зал, вместе с ним ушли и официанты. Амирхан Даутович, вроде не заметив жеста Икрама Махмудовича, пересел поближе к Файзиеву и налил коньяку ему и себе — он хотел сам завести нужный разговор, у него уже созрел кое-какой план.

— Давайте, дорогой Икрам Махмудович, выпьем за здоровье моего самого ценного друга, всесильного Артура Александровича, отныне я ему обязан по гроб жизни и буду служить верой и правдой до последнего дыхания.

Файзиев как-то странно посмотрел на него:

— За Артура Александровича выпью с удовольствием, — и опрокинул рюмку коньяка залпом, как пьют водку. — А вот с тем, чтобы считать себя обязанным ему до гробовой доски... По-моему, вы поступаете несколько опрометчиво, переусердствовали.

— Да вы же не знаете, — сказал с притворным возмущением Амирхан Даутович. — Он... он отомстил за смерть Ларисы и снял с моей души такой камень... Мне теперь от жизни ничего не надо, справедливость восторжествовала, зло наказано.

— Почему же не знаю? — усмехнулся Файзиев. — Знаю. Вы зря недооцениваете меня, в этом деле, я считаю, есть и мои заслуги: к тюрьме нашел подходы я.

— Спасибо и вам, Икрам Махмудович... — благодарно закивал прокурор.

— Дело не во мне, — нетерпеливо отмахнулся Файзиев. — Устроил это Шубарин вовсе не ради вас и уж тем более не ради торжества справедливости, как он обычно любит представлять свои затеи, — он далеко не Робин Гуд, каким хотел бы выглядеть.

— Тогда ничего не понимаю... Зачем же ему тогда так рисковать? Убийство прокурора все-таки...

— Вот с этого вопроса и надо было начинать, — назидательно объявил Икрам Махмудович. Наверное, он решил, что именно сегодня ему выпал шанс перетянуть

юриста на свою сторону. — Дело в том, что пять лет назад, когда вы еще были прокурором, он уже имел интересы в вашей области. Сначала, правда, незначительные. Но вы ведь изучили его хватку, аппетиты, ему только палец покажи, он всю руку отхватит. Знаете, как его в Москве называют? Японец! Потому что ему удастся наладить даже то производство, что всегда прогорает и считается нерентабельным. Он действительно толковый инженер, а как финансист и предприниматель — просто гений. Сколько раз мы выручали прогоревших коллег, выкупая у них оборудование и сырье, разумеется, за бесценок, и налаживали дело так, что вокруг только диву давались. Уметь поставить на поток — главное наше дело. Тогда он полагал, что обоснуется в вашей области навсегда, там будет у него резиденция. Много он своих денег вложил туда, и дела у него пошли не хуже, чем здесь, и покровители у него были там, — кто бы думали? Бекходжаевы... Наверное, помогая ему развернуться, они и не предполагали, какой золотиношной курочкой окажется Артур Александрович — деньги потекли рекой. Но Бекходжаевы не учли одного: Шубарин согласен делиться и кормить многих, но хозяином дела и денег он считает только себя. Короче, нашла коса на камень. Тогда он еще не имел власти над преступным миром, как сейчас, он бы живо поставил их на место. Бекходжаевы через нового прокурора области, давнего своего друга, обложили Шубарина со всех сторон, и Артур Александрович вынужден был оставить налаженное дело, личное оборудование, станки и ретироваться из области, даже не выбрав пай. Я знаю людей, которые видели, как лютовал тогда Японец. Нет, не о потерянных деньгах жалел — он не мог простить предательства, коварства, не смог снести позора и унижения — он поклялся тогда, что Бекходжаевы заплатят ему за это только кровью. Вот и подкараулил свой час, да так расправился, что комар носа не подточит. Пройдет время, и он пошлет к ним их старого знакомого Коста и предъявит ультиматум, чтобы вернули ему то, что он вложил, да еще и прибыль за все годы, — я знаю, такие расчеты старики Ким и Георгади давно уже подготовили. А если не вернут, а сумма перевалила за миллион, — он убьет следующего Бекходжаева, и так до тех пор, пока не добьется своего, он безжалостный человек...

— Страшный человек! — невольно вырвалось у Амирхана Даутовича.

— Настоящий мафиози, — согласился Файзиев, — не зря боится его прокурор Хаитов. И знаете, любимый фильм у него «Крестный отец», он его каждый месяц смотрит. Мне кажется, он и у них, в Италии или Америке, все быстро к рукам прибрал бы, а теперь и вас в это дело впутал... — Икрам Махмудович вдруг осекся, поняв, что сказал лишнее, и громко позвал Адика, попросив чайник чая.

Разговор сразу как-то разладился, и прокурор понял: Икрам Махмудович почувствовал, что упустил шанс перетянуть его в свой лагерь, хотя нынче вроде, как никогда, был близок к этому.

Вот-вот могли вернуться Шубарин с Ашотом, а Амирхан Даутович сегодня уже не желал ни с кем общаться, слишком серьезный оборот принимали события. Не хотелось ему оставлять Файзиева без надежд, кто знает, к кому придется вдруг обращаться за помощью, чтобы уделеть, поэтому он сказал:

— Я признателен вам — вы на многое открыли мне глаза. Но я вынужден все перепроверить и взвесить свое положение, разумеется, не затрагивая ваших интересов, — вы ведь сами сказали, что Артур Александрович безжалостный человек. Я думаю, мы с вами еще продолжим сегодняшний разговор и проясним свои отношения на будущее. — И, оставив Икрама Махмудовича переваривать сказанное, Амирхан Даутович поднялся из-за стола и направился в конец зала, где висел портрет Ларисы. Осторожно сняв застекленную фотографию, он вышел с нею в узкий коридор, что вел прямо в гостиницу.

— Пауки! — вырвалось у него вслух, едва он закрыл дверь своего номера.

Он понимал: не обладай Шубарин властью и не имей за плечами опыт поражения от Бекходжаевых, семейство Файзиевых и дня не церемонилось бы с ним, и так же, как Бекходжаевы, попытались бы все прибрать к рукам; но теперь Японец был учен и всегда начеку, оттого и не во всем доверял Икраму Махмудовичу.

А может, убийство Анвара Бекходжаева заодно и предупреждение семейке Файзиевых? Не мог не догадаться столь проникательный человек, как Шубарин, на что нацелилось окружение Икрама Махмудовича. Опять возникали вопросы и вопросы, и главный: почему вдруг осекся Файзиев, сказав: «Вот и вас втянул в дело...»? Что крылось за этим? Во что еще втягивает его Шубарин?

Азларханов догадывался и о том, в какую зависимость попал к нему теперь сам Файзиев: стоило Амирхану Даутовичу только намекнуть Шубарину о разговоре в пустом банкетном зале, и жизнь Икрама Махмудовича оказалась бы под угрозой.

Вдруг его взгляд упал на фотографию, и мысли о главарях тайного синдиката, наемных убийцах и мерзавцах прокурорах улетучились сами собой — сегодня день Ларисы, и кощунственно думать о другом, даже если это самые неотложные дела. Он снял со стены блеклую репродукцию и повесил на ее место фотографию Ларисы, убрав траурную ленту.

«Благословила бы меня Лариса на то, что я задумал, будь жива, зная, какому риску я себя подвергаю?» И, вспомнив давние дни и споры с ней о законе и праве — она точно так же интересовалась его работой, как он ее керамикой, — ответил себе — да. Лариса понимала, чему посвятил жизнь ее муж, и слово «долг» было для нее не пустым звуком, потому что выросла она в среде русской интеллигенции. И опять мысли его закружились вокруг понятий «честь», «достоинство», «долг», и, рассуждая об этом, он неожиданно наткнулся на парадоксальное открытие: хоть он обладал большой властью — и не один год, ему ни разу не пришлось принимать такое ответственное решение или совершать поступок, равный тому, который предстоял ему теперь. И вдруг, только сегодня, сейчас, в день годовщины смерти жены, он понял, что внутренне никогда не слагал с себя полномочий прокурора, хотя официально лишился этой должности, — от этой мысли стало как-то спокойнее на душе, исчез страх, сидевший в нем, как гвоздь, весь вечер.

2

Прошло две недели... Амирхан Даутович ни разу не виделся с Шубариным после поминок Ларисы — в ту же ночь Артура Александровича поднял поздний звонок из Москвы, и он срочно улетел в столицу. Две эти недели Азларханов провел с большой пользой для себя, понимая, что времени у него в обрез: много занимался делами, подготовил несколько документов, которые наверняка обрадуют Шубарина, а главное, он понял из бумаг некоторые принципы непотопляемого айсберга. Хитрый трюк финансовых мошенников преклонного возраста Ки-

ма и Георгади и их главаря Японца состоял в том, что они организовали немало предприятий на стыке двух областей или двух районов, с одним и тем же штатом: по одну сторону границы существовало реальное, по другую фиктивное производство, как тот армянский авторемзавод, — это давало им большие возможности манипулировать финансами и сырьем, вроде как обходясь без мертвых душ и без откровенного подлога. Нащупал Амирхан Даутович и несколько банков, откуда слишком щедро снабжали их чековыми книжками на крупные суммы, которые без труда становились наличными деньгами; через эти банки они наверняка получали наличные деньги, «заработанные» и по другим каналам. Прежде чем отдать Коста пачку сторублевков, Амирхан Даутович отметил в записной книжке банковский штамп и, выйдя по документам на этот же банк, утвердился в своей мысли, что именно там приберегали для Шубарина крупные купюры. И пачки денег — сторублевыми купюрами из этого же банка — наверняка хранятся в тайниках у первого секретаря Бухарского обкома партии, главного покровителя и друга Шубарина: вряд ли тот доверял такие суммы сберкассе, — когда-нибудь Амирхан Даутович собирался выстроить и эту линию.

Вернулся из Москвы Шубарин днем и первым делом заглянул в кабинет Азларханова.

— Рад вас видеть в добром здравии, — едва переступив порог, сказал, радушно улыбаясь, Артур Александрович. — Надеюсь, вы не подумали, что в такой сложный момент я бросил вас? Я наказал Коста до моего приезда особо тщательно присматривать за вами и через день звонил ему, не замечает ли он что-нибудь подозрительное вокруг вас. Слава богу, никаких происшествий, но теперь я рядом с вами, и душа моя спокойна, я не люблю удаляться от своих дел, даже если имею хороших помощников. Но дела есть дела, и есть люди, которым я не могу отказать в помощи, если они попали в беду, оттого и срочный вызов в Москву: решил и чужие и свои проблемы. Как служебные успехи?

Амирхан Даутович молча пододвинул к нему красную папку с оттиском: «На подпись».

Артур Александрович быстро пробежал глазами все четыре документа и тут же дал им оценку, правда, пытаясь придать сказанному шутливый тон:

— Каждый из этих циркуляров вы могли продавать мне поштучно, и сколько бы я ни заплатил, думаю, что

не прогадал бы. — Вспомнив что-то, добавил: — А у меня для вас тоже припасены подарки, — и открыл «кейс», вроде того, что Азларханов некогда видел в руках у Коста. — Это швейцарские часы «Роллекс», надеюсь, они вам понравятся — солиднее не бывает, золотые, с платиновым циферблатом и стрелками; многофункциональная счетная машинка «Кассио» — она необходима вам в работе; и маленький диктофон «Шарп» — можете наговаривать текст для машинистки у себя в кабинете, я вижу, она раздражает вас своей медлительностью.

Амирхан Даутович раскрыл коробку с часами, они и в самом деле оказались великолепными — массивные, с граненым хрустальным стеклом.

— Ну, теперь мне будет завидовать сам Коста, — пошутил юрисконсульт, но Артур Александрович покачал головой:

— Нет, не должен, ему я тоже привез прекрасные часы в подарок. Коста и для меня и для вас очень нужный человек, он долгое время был у Бекходжаевых доверенным лицом, и мы нанесем им с его помощью еще один сокрушительный удар.

Узнав о приезде Шубарина, с третьего этажа спустился Икрам Махмудович. Увидев в руках у Амирхана Даутовича коробку с часами, он совсем не солидно, по-мальчишески обиженно спросил:

— А мне?

Артур Александрович в ответ рассмеялся — он, видимо, был в хорошем настроении — и, обняв Файзиева, сказал:

— А тебе подарок посерьезнее: я решил твой вопрос с белым «мерседесом», посылай человека, пусть пригоняют. Машина Санобар, которой ты завидуешь, просто колымага по сравнению с этой моделью: обивка из мягкой красной кожи, белые, из ламы, чехлы, кондиционер, бар... двести сорок лошадиных сил!

Файзиев взвизгнул от радости и пустился плясать посреди кабинета, и в этот момент вошли Ким и Георгади, неразлучные, словно сиамские близнецы, старики.

Подарки открыто лежали на столе, Амирхан Даутович не пытался их убрать, и оттого не ясно было, доволен он ими или нет. Стало шумно, и Артур Александрович, незаметно озорно подмигнув Азларханову, увел незваных гостей в свой кабинет.

Прокурор и после ухода Шубарина долго не убирал со

стола дорогие презенты из Москвы — нет, он не любовался ими, хотя они не вызывали в нем и неприязни, он просто был равнодушен к ним; все эти страсти с модными тряпками и престижными вещами прошли как-то мимо него и Ларисы. Он думал о том, сколько есть путей и способов подкупа: деньгами, должностью, женщиной, машиной, модной одеждой, редкой книгой, дачей, антиквариатом, драгоценностями, спортивным снаряжением... Наверное, существует целая наука, которой в совершенстве владел Артур Александрович, он-то знал, как к кому подступиться: старому и молодому, мужчине и женщине, богатому и бедному, жадному и моту, трезвеннику и пьянице, лодырю и трудяге...

Да, внимательный человек Артур Александрович.

Амирхан Даутович вспомнил две прошедшие недели. Догляд за ним Коста в это время действительно был особо тщательным, хотя Джигоев ни о какой опасности не говорил, не предупреждал и даже не намекал, видимо, чтобы не беспокоить. Но несколько раз, выходя в гостиничный коридор, он встречал там Коста, неизменно собранного, улыбчивого, учтвого. Значит, существовала какая-то опасность, которой остерегался Шубарин? От кого она должна была исходить? От Бекходжаевых? А может, его изолировали от человека, который хотел передать ему особо важную информацию? Тогда кто же он? Не прокурор ли Адыл Хайтов? С ним ведь они так толком и не объяснились, и на поминках Ларисы им не дали возможности и минуты побыть наедине. Прокручивая в памяти вечер в банкетном зале, Азларханов почувствовал, что, кажется, Хайтов действительно порывался ему что-то сказать, а может, даже и что-то передать. О чем бы поведал ему старый знакомый, долгие других сопротивлявшийся системе Шубарина? Надо попытаться как-нибудь связаться или встретиться с ним, решил Амирхан Даутович. Может, Хайтов так же, как и он, вступил в контакт с Шубариным с единственной целью — нанести в конце концов ему удар? Этот вариант следовало продумать и проанализировать особо тщательно, потому что Амирхан Даутович чувствовал страх прокурора перед Шубариным. Да, такой союзник, обладающий официальной властью, Амирхану Даутовичу не помешал бы, но пока приходилось рассчитывать только на свои силы.

В конце рабочего дня Шубарин зашел к Амирхану Даутовичу еще раз.

— Поужинаем вместе по случаю моего приезда и обмоем «Роллекс», чтобы носились? — предложил он и, по привычке не дожидаясь ответа, продолжал: — Я привез кое-что из Москвы: ваше любимое баночное пиво «Дрейер» и к нему краба свежемороженого килограммов на пять. Икрам Махмудович уже отправился в «Лидо» распорядиться насчет ужина. И старики наши на краба придут... Посидим, я люблю видеть своих людей рядом, и лучше всего за накрытым столом. Это объединяет, дает чувство семьи. — Внимательнее всмотревшись в осунувшееся лицо Амирхана Даутовича, сказал неожиданно: — Что-то вы неважно выглядите, прокурор, вас гнетет наш самосуд? Но другого способа мести я, к сожалению, не знаю. У вас, мне кажется, психологический шок — это бывает, бывало и со мной вначале, надо привыкать — большое дело требует крепких нервов. А впрочем, может, вам стоит развеяться, сменить обстановку на две-три недели, попутно и хорошим врачам показаться? Через неделю Гольдберг, наш заведующий цехом овчинно-шубных изделий, едет в Москву, — как обычно, снимать мерку с нужных людей для дубленок. Не составить ли вам ему компанию, он заодно и представит вас своим клиентам, многим мы уже не первую дубленку пьем. Побудете в Москве, вы ведь там учились, тряхнете стариной. Вам забронируют прекрасный номер в гостинице «Советская», будет закреплена частная машина. Правда, Яков Наумович ездит только поездами, самолеты не переносит, но двухместное купе в вагоне СВ вам в Ташкенте обеспечат. Настоящее путешествие, три дня у вагонного окна! Ну как? Соблазнил?

— А что, прекрасная идея, — оживился Азларханов. И впрямь разрядка и отдых ему сейчас не помешали бы. Надо многое обдумать, но без посторонних всевидящих глаз. — Признаться, я напуган каким-то предчувствием беды, плохо сплю, и, если бы не присутствие Коста рядом, наверное, издергался бы совсем. Конечно, если Гольдберг не возражает, я с удовольствием составлю ему компанию, я уже давно не был в Москве...

— А почему он должен возражать? Надеюсь, вы приятно проведете время в дороге и в столице. Кстати, Яков Наумович в свое время закончил философский факультет МГУ, образованнейший человек, я с удовольствием бываю у него дома. Убежден, у него одна из лучших частных библиотек в Ташкенте, такие раритеты имеются... Ну вот и отлично, что договорились. В дорогу

вам все подготовят, только одна просьба... — Шубарин заговорщически понизил голос: — Никому, даже Икраму Махмудовичу, о поездке ни слова. Я объявлю о командировке вечером накануне отъезда. И еще личная просьба, чуть не забыл, если вас не затруднит. — Он вынул из верхнего кармашка пиджака чью-то визитную карточку. — Пожалуйста, запишите: Кравцов Николай Федорович, рабочий телефон... — вы учились с ним в аспирантуре в одной группе. Неплохо бы возобновить контакты, а через него и с другими товарищами по курсу. Англичане говорят: школьный галстук объединяет крепче родственных связей. Устройте ужин в хорошем ресторане, денег не жалейте... Пока никаких конкретных задач — возобновите контакты, а там видно будет.

После ухода шефа, осмысливая неожиданное предложение, Амирхан Даутович отметил обдуманность действий Шубарина, слишком он поспешил навязать ему телефон Кравцова, это-то и выдало его с головой. Наконец-то Азларханов разгадал наперед ход Шубарина, это обрадовало прокурора куда больше, чем презенты из Москвы.

Вечером за ужином в «Лидо» Амирхан Даутович, уловив минутку, спросил у Шубарина, а как же быть с новосельем, которое он наметил через неделю. Артур Александрович, показав на стол, ответил с улыбкой: вот вернетесь из Москвы, навезете вкусной еды, как я сегодня, тогда и справим новоселье. На том и порешили, и Артур Александрович, глянув на календарик в записной книжке, объявил всем дату новоселья на Красина, пришла она на последнюю субботу октября.

3

Две недели с небольшим, что они пробыли в Москве, выпали дождливые, слякотные. С Яковом Наумовичем, как и предсказывал Шубарин, он сдружился еще в дороге — три дня по нынешним меркам все же срок немалый. В двухместном купе фирменного поезда «Узбекистан» они вели долгие, неспешные беседы обо всем, но ни разу не касались ни дел, что оставили дома, ни дел, что ждали их в Москве. Амирхан Даутович не форсировал события, а Гольдберг наверняка не хотел выглядеть болтливым, подозревая, что его вагонный попутчик второй после Японца человек в деле, хотя уже прошел и неясный слух среди артельщиков, что вроде не Шубарин с Файзиевым

настоящие хозяева, а Азларханов стоит за всем, и называлась астрономическая сумма пая, которым якобы он владеет. Гольдберг знал Шубарина много лет и в такой расклад, конечно, не верил, но как человек осторожный, повидавший на своем веку немало, иногда думал, чем черт не шутит, и оттого сам о делах не заговаривал. Они подолгу молча стояли на закате дня в коридоре у окна, вглядываясь в скупой пейзаж казахстанских степей. Амирхан Даутович одолевал этот путь впервые; а Гольдбергу дорога была известна до мелочей: он знал, где и что выносят к поездам, и оттого деловая поездка напоминала обычное путешествие, с прогулками на перронах степных городов, наполовину состоявших из вросших в землю мазанок, с непривычными для уха названиями: Шубаркубук, Челкар, Чиили, Кзыл-Орда, Арысь...

Яков Наумович помнил столицу пятидесятих годов, когда учился в МГУ, помнил первый Всемирный фестиваль молодежи пятьдесят седьмого года, первый Московский кинофестиваль, приезд Симоны Синьоре и Ива Монтана, Жерара Филипа, впрочем, тогда многое было впервые. Москва, воспоминания о ней, наверное, более всего сблизили этих двух немолодых людей.

Иногда за неспешным ужином в куше Амирхану Даутовичу хотелось спросить Якова Наумовича, почему он с таким образованием, с знанием двух иностранных языков оказался далеко от Москвы в овчинно-шубном цехе, но каждый раз понимал, что не следует этого делать. Скорее всего он услышал бы историю не более веселую, чем свою. Но как бы ни был приятен в общении Гольдберг, Амирхан Даутович не забывал о своих целях: ему неожиданно выпал шанс выявить в Москве круг должностных лиц, сотрудничающих легально и нелегально с Шубариным, и всех этих людей, или большинство из них, хорошо знал Яков Наумович. Если бы, не вызывая у него подозрений, удалось получить информацию об этих людях! Оттого, когда им в гостинице «Советская» дали два отдельных номера, Азларханов предложил Гольдбергу взять двойной «люкс», мотивируя тем, что в последнее время из-за сердца боится оставаться один. Предложение Гольдберг понял как приказ, и они поселились вместе; впрочем, Яков Наумович ничего против не имел, и трехкомнатный номер, в который он попал впервые, понравился ему куда больше, чем однокомнатный «люкс», что занимал он всякий раз, бывая в Москве.

Имелся у Амирхана Даутовича и кое-какой план, ко-

торый он выработал в дороге, под мерный стук колес. Во время ужина в прекрасном ресторане гостиницы, на месте бывшего «Яра», где некогда сживал еще дед Шубарина, Амирхан Даутович сказал небрежно:

— Яков Наумович, я очень давно не был в Москве, и не хотел бы тратить время на знакомства со всеми, с кого вы должны снять мерку. Пожалуйста, подготовьте список, на ваш взгляд, самых влиятельных людей, кому я должен нанести визит, сопровождая вас, а остальным временем я распорядюсь по своему усмотрению, тем более что Артур Александрович дал мне и конкретное задание.

— Как пожелаете, Амирхан Даутович, — ответил Гольдберг. — Хозяин — барин, я вам не указ. Думаю, таких людей будет не больше десяти, остальные, так сказать, среднее звено, но и без них шагу не сделаешь.

После ужина они поднялись в номер. Прокурор, словно забыв о своей просьбе, пошел принять перед сном душ, а Яков Наумович включил телевизор. Но когда Амирхан Даутович, выйдя из ванной, хотел составить Гольдбергу компанию перед телевизором, оказалось, тот сидел в рабочем кабинете за письменным столом и листал толстую замусоленную тетрадь в коленкоровом переплете. Увидев Амирхана Даутовича, оживленно воскликнул:

— Один момент! Куда-то затерялся в моих записях один важный чин, пятьдесят восьмого размера. Отыщу — и список будет готов.

— Судя по вашей тетради, клиенты наши уже не одной дублировкой разжились у вас, — поддел скорняка Амирхан Даутович.

— Да, всяко бывает, есть и постоянные клиенты, — ответил Яков Наумович, не поднимая головы от стола. — Вот, к сожалению, двое уже умерли, хорошие были люди, большие начальники! Иных перевели на новую службу, повысили, поменклатура, сами понимаете, и они уже не представляют для нас интереса, а большинству — вы правы — шьем не в первый раз. А, вот, нашел наконец! — вырвалось у него обрадованно. — В прошлый раз ушло на него двенадцать овчин, неужели поправился еще? — И Яков Наумович передал торопливо набросанный список.

Азларханов пробежал взглядом листок в клетку, надеясь, что, оставшись один, внимательнее вчитается в него.

— Наверное, за неделю управимся?

— Раньше не удавалось, — охотно ответил Гольдберг. — Это не простое дело... Снять мерку мне и десяти минут хватает, да вот чтоб в иной кабинет зайти, не один день ездить приходится — то совещание, то заседание, то неожиданно в Совмин вызвали, то в ЦК... А другого мы должны в ресторан пригласить на ужин, мерку здесь в номере снимать будем. К третьему домой поедem, подарки и гостинцы повезем. Так что не забивайте себе голову сроками, давайте сегодня отдохнем, а завтра я с утра составлю расписание визитов.

Поездку можно было считать удачной, даже слишком. Яков Наумович начинал день со звонков из номера, и толстая тетрадь, где у него были записаны адреса и телефоны клиентов, почти все дни лежала на письменном столе и убиралась с глаз лишь в те вечера, когда приходили к ним гости, с которых мерку снимали после обильного ужина в ресторане. Разных людей повидал Амирхан Даутович на таких мальчишниках, как называл Яков Наумович подобные мероприятия. У некоторых из гостей на руке он видел точно такие же часы, какие привез ему Шубарин, и невольно хотелось спросить: не Артура ли Александровича подарок? Но мог и ошибиться: наверное, тут, в Москве, не один Шубарин раздавал щедрые подарки, потому что сидели эти люди на самом дефиците из дефицита, заправляли материальными ресурсами страны, от одного росчерка их пера зависела судьба целых регионов и отраслей. И тут вроде Шубарин не пахал, не сеял, а пожинал плоды опять же не им ухоженного поля.

Много ели, много пили и много говорили важные гости, привыкшие к ресторану в гостинице «Советская», который меж собой они упорно величали «Яром», — они чувствовали себя тут не менее уверенно, чем Икрам Махмудович в «Лидо». После каждого такого застолья, оставаясь один, Амирхан Даутович вносил кое-какие сведения в записную книжку, куда уже перекочевали адреса и телефоны из замусоленной тетради Якова Наумовича, обладавшего каллиграфическим почерком.

Удалось побывать ему и в нескольких кабинетах высшего, даже по московским понятиям, начальства, где Яков Наумович снимал мерки. Если бы Амирхан Даутович набрался терпения, то мог бы нанести визит всем, чьи фамилии значились в списке, составленном в день прибытия в Москву, но личное знакомство на будущее с людьми без будущего, а в этом Азларханов не сомневал-

ся, не интересовало его. И потому, когда прием не мог состояться в оговоренное время, он, не дожидаясь, оставлял терпеливого Якова Наумовича мучиться в приемной, а сам уходил гулять по дождливой Москве. Главное, он знал, где сидит очередной хапуга, взлетевший так высоко.

Удачей посчитал Амирхан Даутович и то, что Кравцов, на контакте с которым настаивал Шубарин (наверняка главная причина его командировки в Москву), находился в отпуске. Хотя, узнав уже тут, на месте, что его давний товарищ по аспирантуре стал прокурором одного из районов Москвы, он отметил для себя, что при случае просто обязан спросить, какие у Кравцова в этот период находились в производстве уголовные дела, потому что они наверняка переплетались с интересами если не самого Шубарина, так его московских коллег, и, если копнуть глубже, обнаружатся новые источники сырья, оборудования, новый круг высоких покровителей.

В сутолоке дел, неотвязных раздумий о действиях, которые ему следует предпринять, Амирхан Даутович совсем забыл о новоселье, назначенном на последнюю субботу октября. Выручил его Яков Наумович... Однажды вечером, когда оставалось снять мерку с двух-трех самых неуловимых клиентов, Яков Наумович заявился в номер, как обычно, нагруженный коробками, ящиками, свертками. Дело в том, что каждый, с кого снимали мерку в гостинице, не уходил с пустыми руками — такова давняя традиция, объяснил Гольдберг. Каждому выдавали набор коньяка или дорогого виски, банку икры килограмма на полтора, хорошей колбасы и другие деликатесы, и все это Яков Наумович периодически привозил откуда-то в номер. Укладывая продукты в холодильник, Яков Наумович спросил:

— А когда же, Амирхан Даутович, мы продукты для вашего новоселья брать будем?

Но Азларханов не растерялся — такая забывчивость могла оказаться чревата последствиями:

— Извините, Яков Наумович, я думал, что вы распорядитесь на этот счет, как только закончите свои дела. Я готов хоть завтра поехать с вами, заодно и подскажете, что следует взять, я слабо разбираюсь в деликатесах.

— А разбираться и не надо, Артур Александрович дал мне список, что нужно взять, а если появится что-то стоящее, не учтенное шефом, так на складе и без нашего напоминания упакуют — они знают вкус Шубарина.

Возвращаясь опять же поездом «Узбекистан», Амир-

хан Даутович мысленно благодарил Гольдберга за его нелюбовь к самолетам — дорога давала возможность осмыслить свое положение и принять окончательное решение. Тянуть дольше не имело смысла: теперь, включая московские связи, он знал достаточно, чтобы попытаться отбуксировать айсберг куда следует. Ему пужно было два-три спокойных дня, чтобы привести бумаги в порядок, изъять из старых годовых отчетов управления несколько странных ведомостей на зарплату, где фигурировали любопытные фамилии, и — отбыть в Ташкент, а может, даже в Москву, это тоже следовало просчитать. То, что в Москву его отпустили без сопровождения Коста, говорило о доверии Шубарина, хотя Амирхан Даутович допускал мысль, что могли наблюдать за ним и в столице; «хвоста», правда, он не замечал ни в ресторане, ни гуляя по улицам, — впрочем, он и повода для тревоги не давал. Что ему хотелось узнать о московских связях, он узнавал, не выходя из номера в «Советской», благодаря Гольдбергу. Определился теперь для него и срок исчезновения: это должно было случиться до новоселья, может, в канун его, а может, даже в субботу, в назначенный для гостей день.

Разрабатывая свой последний план, Амирхан Даутович понимал, как не хватает ему помощника, даже просто человека, которому бы он доверял, может, тот отвез бы его в Ташкент или сразу в аэропорт, заранее позаботился о билете, чтобы прибыть прямо к самолету. Но сколько ни перебирал в памяти знакомых, довериться никому не мог — слишком многим он рисковал. Да и опекали его уж очень старательно.

И опять выручила дорога... Под мерный стук колес он вспомнил: Коста как-то обмолвился, что Джураев уже стал подполковником и возглавляет угрозыск одного из районных отделений Ташкента. Упомянул Коста Джураева потому, что тот, оказывается, лично взял в прошлом году его сокамерника по последней отсидке, взял на какой-то тайной «хате». «Заколдованный ваш друг, — мрачно пошутил тогда Коста, — ни пуля его не берет, ни нож. Сколько на него покушений было, другой давно бы уже оставил такую рискованную работу, а этот только злее и хитрее становится».

Может, следовало при первой возможности связаться с Эркином и вызвать его с машиной в «Лас-Вегас», в какое-нибудь укромное место. У Джураева вряд ли сумеют отбить его, даже если и попытаются. Он и поймет сразу,

с первых слов, и наверняка подстрахуется как следует, зная, что бывший прокурор зря паниковать и сгущать краски не станет, не одно совместное дело у них за плечами. «Что ж, это тоже вариант, и пусть останется на всякий случай в резерве, — решил Амирхан Даутович. — Если не удастся исчезнуть тихо, чтобы выиграть время».

Прибыли они в Ташкент утром, встречал их на перроне Ашот. Когда они вышли на привокзальную площадь и подошли к стоянке для частных машин, увидели белоснежный «мерседес», возле толпился любопытный народ.

— Как же Икрам Махмудович доверил тебе, лихачу, такую красавицу? — спросил Яков Наумович, когда они отъехали.

— А он и не доверял, — мрачно ответил Ашот. — Файзиев сам приехал вас встречать — Артур Александрович велел, а я его сопровождаю на всякий случай. Зашел он в Госплан с какой-то бумажкой, думал, на минуту, а вышло на час, я и поехал за вами на вокзал, время поджимало; заберем его — и домой. А машина — класс, картежники дают за нее Икраму уже сто двадцать тысяч, да разве деньги ему нужны, он и так не знает, куда их девать. Артур Александрович обещал и мне достать, как только я деньжат поднакоплю.

У Госплана уже дожидался их Икрам Махмудович, он и сменил Ашота за рулем — только вырвались за город, стрелка спидометра пошла гулять за цифрами 120—140. Яков Наумович съезвил не без тревоги:

— Я думал, у нас один Ашот лихач, оказывается, и вы грешны, Икрам Махмудович?

Файзиев, улыбаясь, ответил:

— На такой машине грех плестись вслед «Жигулям», к тому же я спешу к столу. Артур Александрович, если не запамятовали в Москве, не любит, когда опаздывают.

Ашот, подлаживаясь под голос Файзиева, добавил:

— Обед — дело святое...

И все засмеялись, зная, что Икрам Махмудович пропустит что угодно, только не застолье.

К «Лидо» подъехали вовремя, Шубарин с Джиоевым стояли у подъезда, словно предчувствовали, что машина Икрама Махмудовича вот-вот вынырнет из-за угла.

Пока возвращавшиеся из столицы обменивались с Артуром Александровичем приветствиями, расспросами о здоровье, самочувствии, о впечатлениях от Москвы, Коста с Ашотом быстро подняли чемоданы, сумки, коробки наверх и отогнали машину во двор ресторана.

Сели за стол как обычно — с последними звуками городских курантов, отбивших два часа пополудни.

Шубарин расспрашивал о поездке больше Гольдберга, наверное желая разговор с Амирханом Даутовичем провести наедине.

Выпили бутылку шампанского, чего обычно среди дня Шубарин никогда себе не позволял. Он сам попросил эту бутылку у Адика, неожиданно сказав:

— Я рад видеть всех вместе за столом, знаете, такие суматошные недели выпали, вы даже не поверите — ни разу за это время и не погуляли. Хотя поводов хватало... На прошлой неделе получили по итогам третьего квартала и за девять месяцев года два переходящих Красных знамени — одно областное, другое республиканское. Ну а ваш приезд мы, конечно, не должны оставить без внимания, не едиными делами жив человек. Давайте вечером соберемся в банкетном зале и отметим два события сразу, и награждение нашего управления, и возвращение наших товарищей из Москвы. Икрам Махмудович, успеют на кухне часам к восьми организовать все как следует?

Файзиев, что-то лениво дожевывая, сказал:

— Куда они денутся? Это я беру на себя.

— Ну вот и хорошо, договорились, значит. — И Артур Александрович, обернувшись к Гольдбергу, спросил: — Надеюсь, и наши москвичи чего-нибудь вкусенького к столу не забудут?

— Конечно, конечно, — поспешил заверить Яков Наумович. — Мы много чего привезли, хватит и на новоселье Амирхана Даутовича, и на сегодняшний вечер, я ведь тоже помню о традиции: после Москвы — застолье.

4

После обеда Артур Александрович уехал с Гольдбергом в цех, у них были срочные дела, а Амирхан Даутович остался в гостинице. Уходя, Шубарин сказал, что о поездке они поговорят как-нибудь на днях, в более спокойной обстановке. Азларханов поднялся к себе, номер оказался тщательно убраным, проветренным, на столе стояли свежие цветы и фрукты. Расхаживая по комнате, он машинально дернул дверцу холодильника, и сразу понял, что Адик был предупрежден о его приезде. Да, Шубарину во внимании к ближнему трудно было отказать. Он еще долго стоял у большого окна, выходя-

щего на площадь, хотелось пойти сейчас же в управление и приняться за дела, как решил в дороге, но такого рвения проявлять не следовало, энтузиазм мог и насторожить кое-кого... Потом он задумался о предстоящем банкете. Ему необходимо было, чтобы старички Ким и Георгади оказались на вечере. Надо было задать каждому из них несколько вопросов в неофициальной обстановке, на работе к ним с такими вопросами трудно было подступиться; а главное, после обильного застолья они всегда дня два не выходили на работу. Ему и нужны были эти два дня — в бухгалтерии и в плановом отделе уже привыкли, что юрисконсульт то и дело требует разные документы.

Вечер предстоял нелегкий, да еще после дороги, и Амирхан Даутович решил отдохнуть, но какое-то внутреннее напряжение не позволяло расслабиться. Предчувствие развязки не давало покоя, он заметил, что пошаливает не только сердце, но и нервы, это ощущение оказалось для него внове, он всегда считал, что владеет собой. Это открытие он посчитал своевременным, обидно было бы в самом конце срезаться на каком-нибудь пустячке, а о том, что здесь никому не доверяют до конца и промахов не прощают, он знал.

«Будет ли сегодня на званом ужине Адыл Хаитов?» — мелькнула вдруг неожиданная мысль. Необходимо быть готовым и к такому варианту и попытаться дать понять тому, что он тоже хочет с ним встречи. И будут ли его сегодня так же тщательно стеречь, как в прошлый раз, когда их ни на минуту не оставляли наедине? И вдруг его осенило, что он должен сделать. Прокурор подошел к столу и написал короткую записку: «Мне кажется, вы хотели мне что-то сказать?» Он уже знал, и как передаст ее: единственный, с кем он обнимался при встрече, — Хаитов, остальное дело техники. Записка никак его не компрометировала. В случае провала он нашелся бы, что ответить, зато в случае удачи становилось ясно, что они единомышленники. Решение это ободрило Амирхана Даутовича: получить помощь Хаитова на последней стадии его деятельности в синдикате было бы очень кстати.

В раздумье прошли послеобеденные часы, отдохнуть, как хотелось, так и не удалось. В назначенное время раздался стук в дверь. Амирхан Даутович, сунув записку в кармашек пиджака, поспешил открыть. На пороге стоял Коста, судя по парадному костюму, он и сегодня получил приглашение за стол.

В банкетном зале на этот раз оказалось многолюднее,

чем при поминках, да и выглядел он как-то официальнее; может быть, этому способствовали два больших знамени в углах и множество цветов, опять в высоких хрустальных вазах. Наверное, это все же реквизит управления для торжественных случаев, решил Амирхан Даутович. Он попытался разглядеть в толпе гостей прокурора Хаитова, но быстро понял, что Адыла Шариповича нет. Зато среди приглашенных он увидел работников обкома профсоюза, людей из горкома и горисполкома. Артур Александрович опять сочетал личные и производственные интересы, устраивал под легальным предлогом богатую пирушку для чиновников среднего ранга, без которых, как упоминал Гольдберг, дел не провернешь.

Обычной оказалась сегодня и сервировка стола, не было давешнего великолепия, голубого хрусталя и серебряных приборов — то ли времени не хватило, то ли Шубарин посчитал, что на этот раз сойдет и так, хотя любитель столового серебра Георгади и его неперемный друг Ким занимали свои привычные места в зале. Зато куда плотнее оказался заставлен стол спиртным и закусками, видимо, Артур Александрович хорошо знал аппетиты среднего «лас-вегасского» аппаратчика. Что и говорить, Шубарин на застолье не экономил; щедро выставили и московские деликатесы, в этом, видимо, и состояла приманка для таких далеко не голодных людей.

Артур Александрович, как обычно, занимал свое председательское кресло за столом. На этот раз, словно открещиваясь от происходящего, сразу предоставил слово человеку из профсоюзов, и эстафета скучных тостов стала переходить от одного чиновника к другому. Слушая поднаторевших в публичных выступлениях людей, краснобаев дубовых трибун, Амирхан Даутович впервые ужаснулся косности, казенности их языка. Хотя в то же время он замечал восторг иных за столом, в глазах читалось: «Во дает, мне бы так, начальником бы стал!» И тут он сделал открытие — это был особый кодовый язык провинциального начальства, номенклатурных работников, — только овладев им, можно было на что-то претендовать. От такого открытия стало веселее, и он уже с некоторым интересом выслушивал очередную бессмысленно-напыщенную речь, состоявшую сплошь из казенных клише, дежурных фраз наскоро сколоченных передовиц, — чтобы такое наговорить, действительно надо было обладать специфическим талантом.

Амирхан Даутович не удержался и шепнул соседу:

— Вы что-то изменили своему театру одного зрителя, решили попробовать своих актеров на массовом? Тут камерным театром и не пахнет.

Шубарин понял его сразу, потому что выступления к тому же состояли сплошь из дифирамбов мудрому руководителю местной промышленности и его верному помощнику; правда, нашлись дальновидные льстецы, провозглашавшие здравицы и в честь юрисконсульта.

Так они и сидели с Шубариным, перебрасываясь репликами и потешаясь. Артур Александрович заключил негромко:

— Пусть говорят... им так нравится держать речь за хорошо накрытым столом, чувствовать себя причастными к успеху большого коллектива, которому они якобы указывают путь в тумане, кормчие этакие. В конце вечера по традиции Икрам Махмудович раздаст каждому по конверту, а тому, кто хвалит его больше других, наверняка добавит еще из своих. Впрочем, повода для огорчений не вижу, через полчаса, может, через час, когда пропустят еще по три-четыре рюмки прекрасной водки особого разлива, что привезли вы из Москвы, спесь, чиновничье высокомерие слетит с них, и они снизойдут до нас и заговорят нормальным человеческим языком, если он у них еще не атрофировался.

И впрямь, через час чиновничий пыл и красноречие утасли, водка и вино сделали свое дело, да и тосты перешли к другим людям. На этот раз слово предоставили даже Коста и Ашоту, скромным труженикам управления, как рекомендовал их Икрам Махмудович.

Дальше время побежало быстрее, веселее, полетели над столом шутки, смех и опять же, как в прошлый раз, стали заглядывать из большого зала друзья и приятели Шубарина и Файзиева.

Чинности, строгости в этот раз не было — за столом с самого начала сидели кучно, разные люди невпопад, а теперь в разгуле тем более все смешалось. Амирхан Даутович уже успел задать свои вопросы и Киму, и Георгади, понял, что Адыл Шарипович сегодня здесь не появится, и хотел, сославшись на усталость с дороги, попрощаться с одним Шубариным и незаметно уйти, как вдруг подошел Адик и сказал шепотом Артуру Александровичу, что его требует к телефону Бухара, сам Первый. Шубарин удивился и, не скрывая волнения, сказал Азларханову:

— Пожалуйста, не уходите, наверняка что-то стряс-

лось, может, ваша помощь понадобится, не тот человек Первый, чтобы по пустякам разыскивать меня в гостиницах.

В зал Шубарин уже не вернулся, а минут через десять Амирхана Даутовича вызвал из-за стола Адик и попросил, чтобы он поднялся на третий этаж.

Артур Александрович нервно расхаживал по своему просторному номеру — и без слов было ясно: случилось что-то из ряда вон выходящее. Но, увидев юрисконсульта, Шубарин сразу взял себя в руки, видимо, сработал в нем рефлекс — никогда и никому не показывать слабости.

— Да, звонил сам, и действительно ЧП. В Хорезме час назад умер первый секретарь ЦК...

— Не может быть, я только в половине восьмого смотрел по телевизору программу новостей, ни о чем таком не сообщали! — невольно вырвалось у бывшего прокурора.

— Никакой информации не будет еще три дня! — жестко перебил Шубарин. — Вы отдаете себе отчет, кто умер? Кандидат в члены Политбюро, хозяин одной из мощнейших республик. Тут ко многому нужно подготовиться, и не только к похоронам, главное — к внеочередному пленуму, где будет решаться вопрос о преемнике. Моего бухарца наверняка предупредили одним из первых — все-таки ходил в любимчиках, он теперь лихорадочно считает варианты и заручается поддержкой верных людей, чтобы заполучить этот пост.

— Первого секретаря ЦК? — удивился Азларханов, не веря своим ушам.

— А почему бы и нет? Он управляет крепкой властью... да он и не скрывал от меня своих честолюбивых замыслов стать когда-нибудь хозяином в Узбекистане. И почему ему не попробовать, не воспользоваться неожиданно выпавшим шансом? Поэтому через три часа я должен быть в Бухаре, там в аэропорту уже дожидается наготове самолет. Без меня он не полетит в Хорезм. В этот ответственный час, как он сказал, самые верные и надежные люди должны быть рядом с ним. У меня к вам просьба, пока я обзвоню кое-кого в Ташкенте, соберусь с мыслями, пожалуйста, поезжайте в управление, откройте сейф в моем кабинете, там лежит знакомый вам «кейс», набейте его деньгами и приезжайте сюда. Вот вам ключи, Ашот уже внизу в машине.

Амирхан Даутович не спеша, пытаясь осмыслить ситуацию, спустился вниз. Машина с работающим мотором

стояла у подъезда, и как только он сел, рванула с места, видимо, Ашот уже был в курсе происходящего. Они быстро поднялись на второй этаж в управлении, шофер остался в приемной, а Амирхан Даутович направился в кабинет; до самого последнего момента он предполагал какой-то подвох в затее с сейфом и деньгами. Но все оказалось так, как сказал Шубарин. В сейфе лежал пустой «дипломат», а в глубине на верхней полке высились аккуратные стопки денег в банковской упаковке, одни сторублевые купюры. Видно, Шубарина на это подталкивал объем хранилища. Амирхан Даутович раскрыл «дипломат» и тщательно, как детские блоки конструктора, стал укладывать твердые пачки денег. «Кейс» по размерам был словно рассчитан на сторублевки, и Азларханов укладывал не считая, сколько влезет. Видимо, Шубарин, как некогда его отец, рассчитавший размеры коробки для сотни пластмассовых шариковых ручек, знал без подсчета, сколько банковских упаковок помещается в его щегольском чемоданчике.

Закрыв «кейс», прокурор вышел в слабо освещенную приемную, и они молча спустились вниз. Вся поездка заняла минут десять, не больше.

Когда они с Ашотом поднялись в номер, Артур Александрович складывал в чемодан стопку рубашек, он даже не глянул на «дипломат», который Амирхан Даутович продолжал по рассеянности держать в руках.

— Спасибо, — сказал Шубарин на ходу, — бросьте его на диван, не обрывайте себе руки, вам вредно поднимать тяжести. — Он защелкнул замок чемодана. — Ну вот, я и готов. Может так случиться, что я позвоню вам, если понадобятся деньги. Поэтому ключ от сейфа пусть останется у вас. За деньгами могут приехать только Коста или Ашот. А теперь давайте прощаться, и пожелайте нам удачи, в случае успеха пост министра будет у нас уже в будущем году. Коста и Ашота я забираю с собой, не исключено, что и для них найдется работа, может, придется сдерживать ретивых конкурентов нашего дорогого бухарца. — И Артур Александрович, попрощавшись с Амирханом Даутовичем, вышел из номера.

Азларханов спустился вниз проводить их до машины, и как только «Волга» рванулась с места, он не спеша вернулся в банкетный зал, как они и уговорились с Шубариным. Сообщение следовало хранить втайне даже от Икрама Махмудовича.

Часа через два, попрощавшись со всеми гостями, ко-

торые намеревались вместе с Икрамом Махмудовичем поехать еще куда-то продолжить вечеринку, Амирхан Даутович наконец-то поднялся к себе в номер. Он долго стоял у большого окна, не включая света. Внизу, у «Лидо», в белый «мерседес» набивалась разгулявшаяся компания — пьяный смех, вскрики, обрывки разговоров доносились до четвертого этажа, но Амирхан Даутович всего этого не видел и не слышал, его мысли были о другом.

«У бухарца сегодня свой шанс, у меня свой!» Но вдруг, повторив эту мысль вслух, усмехнулся иронии судьбы: бухарец метил на место первого секретаря ЦК, а Амирхан Даутович, имея документы на руках, вряд ли мог гарантировать ему жизнь даже в кутузке — по всем статьям тот тянул на исключительную меру.

Но сегодня думать больше ни о чем не хотелось, время раздумий и сомнений кончилось, и он пошел спать. Наверное, оттого, что он не мучился больше неопределенностью, спал крепким глубоким сном и проснулся чуть позже обычного, но с ясной головой и легкостью в теле. Ощущал он какую-то собранность и приподнятость и, принимая душ, даже насвистывал давно забытую мелодию, чего с ним давно не случалось.

Завтракал один, Икрам Махмудович, наверное, как всегда после загулов, объявится к обеду. Отсутствие Файзиева тоже обрадовало, иначе пришлось бы на ходу что-нибудь сочинять по поводу срочного отъезда Шубарина; он еще не решил, стоит ли сообщать о подлинных причинах, сорвавших Японца из-за стола.

На службу он немного опоздал, зашел по пути в универмаг и купил «дипломат», конечно, не такой роскошный, как у Коста и Шубарина, но он вполне его устроил. Как он и предполагал, ни Ким, ни Георгади не вышли на работу, и Амирхан Даутович, едва войдя в кабинет, затребовал к себе старые подшивки бухгалтерских отчетов. Он уже знал, где, в каких папках подшиты интересные его ведомости, и, отыскав, не стал тратить времени на переписку, а аккуратно вырезал их и сложил в «дипломат», где уже находились его юридические исследования, к которым он не притрагивался с того дня, как познакомился с артельщиками.

«Дипломат» быстро заполнялся разными бумагами, выписками, приказами, которые Амирхан Даутович загодя отметил в делах, а сейчас, возвращаясь к ним по второму кругу, просто изымал их. Отыскивая какую-то бу-

мажку, бывший прокурор паткнулся в столе на диктофон, который толком не использовал, хотя оценил его достоинства сразу. И вдруг он представил себя исповедующимся перед незнакомым человеком; картина эта не совсем поправилась ему, и он решил сделать это сейчас, наедине с собой, настроение у него было самым что ни на есть исповедальным. Он зарядил новую кассету и стал потихоньку, не спеша наговаривать события своей жизни с того давнего августовского дня, пять лет назад, когда убили его жену. Девяносто минут пролетели незаметно, он не успел даже добраться до бюро обкома, где Бекходжаевы лишили его должности прокурора. К двум часам он успел записать еще одну кассету, и в ней не дошел до знакомства с Шубарным, хотя рассказывал о событиях, уже происходивших в «Лас-Вегасе».

Время от времени он останавливал диктофон и подолгу сидел в раздумье, потому что всплывала неотвязная мысль — куда бежать? В Москву или в Ташкент? Но однозначного ответа пока не находил. На обед он пешком отправился в «Лидо». Икрам Махмудович уже был за столом, он наверняка надеялся встретить тут Шубарина, но, увидев Амирхана Даутовича, пришедшего одного и с заметным опозданием, спросил:

— Куда вчера исчез с банкета Японец со своими головорезами?

Азларханов внимательно посмотрел на Файзиева, бывшего с похмелья не в духе, и подумал, что есть резон открыть ему тайну, потому что в таком случае он избавлялся от общества Файзиева по меньшей мере до конца дня, а больше времени ему и не требовалось.

— Это позволите спросить, где вас носит с утра? У меня есть экстренное сообщение.

— В чем дело? Какая новость? — туго соображая, спросил Файзиев.

— Новость чрезвычайная, только возьмите себя в руки. Вчера в Хорезме в инспекционной поездке умер первый секретарь ЦК республики...

— Как умер? — Файзиев вскочил с места.

— Сядьте. Во-первых, не кричите, новость пока не для всех. А умер просто, как все люди, бессмертных не бывает, говорят — инфаркт.

— Теперь ясно, куда смылся Шубарин! — зло процедил Файзиев. — Побежал под знамена Бухары, труба в дорогу позвала! Наверное, честолюбивый коротышка-бухарец хочет попытать свой шанс, и Шубарин со своей

мафией ему понадобился! — Он вытер взмокший от волнения лоб. — А наши дураки ничего не ведают, я ведь с ними с утра похмелялся. Скоты, только бы жрать! Спасибо, Амирхан Даутович, за откровенность, я ведь понимаю, что Японец наказал вам держать это втайне от меня. А сейчас я должен поторопиться, мы и так упустили часов пятнадцать, но ничего, мы ближе к Ташкенту, чем бухарец. — Икрам Махмудович моментально протрезвел от своих слов и, поднявшись, объявил: — Если наша возьмет, мы никогда не забудем вашей услуги.

«Какой сейчас переполох в республике! Зашевелились семейки Бекходжаевых, Файзиевых, разных бухарцев», — подумал Азларханов, но мысль эту развивать не хотелось. Спокойно пообедав, по дороге в управление зашел еще раз в универмаг и купил на всякий случай две кассеты. До конца дня он записал и эти две, в них уложилось уже все, до последнего сообщения о смерти секретаря ЦК.

Кончился рабочий день, распрощалась, уходя, секретарша, а прокурор не спешил возвращаться в гостиницу; к вечеру у него созрел еще один план, но он не мог реализовать его, пока рядом находилась Татьяна Сергеевна, верная помощница Шубарина. Как только стихли шаги на всех этажах, Амирхан Даутович запер дверь приемной и направился в кабинет Артура Александровича. Вчера, набивая деньгами «дипломат», он заметил там и кое-какие бумаги; может, в них хранились тайны, недоступные ему? В первой же папке он обнаружил расписки на крупные суммы денег — может, фамилии этих незнатных людей и окажутся недостающим звеном в его будущем расследовании? Не менее любопытные данные содержали и другие папки, но Амирхан Даутович особенно вчитываться не стал, решил, что у него еще будет время внимательно ознакомиться с ними. Он аккуратно выбрал из папок представляющие интерес бумаги и сложил в свой «дипломат». Закрывая сейф, вспомнил о деньгах и решил на всякий случай навести на ложный след: пусть подумают, что это из корысти юрист совершил примитивное ограбление. В несколько приемов он перенес деньги Шубарина к себе в сейф и, внимательно оглядев кабинет, спустился вниз, твердо зная, что сюда больше уже никогда не вернется.

Вечером, поужинав один в «Лидо», чему Адик очень удивился, он вышел на последнюю прогулку в «Лас-Вегасе». В раздумье прошел до Шанхая, куда добирался крайне редко, но окончательного решения, где обратиться

к властям, так и не принял; в любом варианте оказывалось много «за» и «против». Вернувшись в гостиницу, когда музыканты уже покидали ресторан, Амирхан Даутович и у себя в номере еще долго взвешивал свои шансы. Собираться в дорогу, даже если он и надумал ехать в Москву, не надо было, любая лишняя вещь в руках наверняка привлекла бы внимание и осложнила отъезд, рисковать не следовало. Утро вечера мудренее — вспомнил бывший прокурор поговорку; так тому и быть, окончательное решение примет утром.

Спал он крепко, но среди ночи его поднял междугородный телефонный звонок. Амирхан Даутович долго не мог проснуться, ему казалось, что звонок он слышит во сне. Звонил Шубарин. Говорил он как всегда спокойно, не торопясь, расспросил прежде о самочувствии, успел пошутить насчет богатырского сна, спросил, как Файзиев, и только под конец выложил суть, да и то, если бы кто подслушивал, вряд ли что понял бы. Он сказал, что Коста приедет завтра после обеда прямо на работу. На вопрос, когда вернется из командировки сам, ответил неопределенно, мол, обстановка требует его присутствия здесь. На том и распрощались.

«Деньги, значит, понадобились», — подумал бесстрастно Азларханов. Как ни странно, ни звонок, ни сообщение Шубарина не взволновали его, и он быстро заснул снова.

Проснулся он чуть раньше обычного, принял душ, сделал зарядку, чем себя обычно не обременял, но что бы он ни делал, свербил неотложная мысль — куда?

Но утро все-таки подсказало выход, он сказал себе: ты еще доберись до Ташкента, там решишь. До открытия ресторана оставалось с полчаса, но Амирхан Даутович не стал терять времени на завтрак и, подхватив «дипломат», спустился вниз. Минут десять он стоял у подъезда, словно дожидаясь машины, а потом не спеша, переулками, направился в сторону автостанции. Похоже, за ним никто не шел.

В «Лас-Вегасе» делали остановку все проходящие на Ташкент междугородные автобусы, это тоже была заслуга Шубарина — он никак не мог упустить такой поток покупателей. Здесь следовало быть осторожным и по возможности не привлекать к себе внимания, его-то теперь многие хорошо знали. Поэтому, подойдя к автовокзалу, уже оживленному, несмотря на раннее утро, он сразу на-

метил план. Проходящие машины останавливались на площади где придется, ни о каком порядке не могло быть и речи, и он понял, что ему лучше всего следует дожидаться автобуса, который станет рядом с газетным киоском, там всегда толпилась небольшая очередь, киоск торговал всякой мелочью: сигаретами, мылом, пластиковыми пакетами, книгами. Нужно было подойти к киоску в самый последний момент, когда отходящий автобус даст предупредительный сигнал. Такая удача выпала ему минут через пятнадцать, и он чуть не на ходу вскочил в отправляющийся «Икарус». Автобус шел издалека, из Карши, и Амирхан Даутович, пробираясь по проходу к свободному месту в конце салона, не увидел ни одного знакомого лица — это его успокоило. Экспресс вышел из Карши на рассвете, и большинство пассажиров спали или дремали, сонное настроение передалось и Азларханову, и через полчаса задремал и он. Наверное, оттого, что его преследовала неотвязная мысль — куда? — ему и приснилась Москва, но не Москва его молодости, а столица, которую он покинул всего несколько дней назад. Снился богатый зал бывшего «Яра», цыгане, а за столом, рядом с Гольдбергом, дед Шубарина в купеческой тройке, с золотой цепью поперек живота, он что-то грозно выговаривал Артуру Александровичу в праздничном белом костюме, за спиной которого стояли, держа руки в карманах, Коста и Ашот. За столом через проход он вдруг увидел Николая Федоровича Кравцова и рядом с ним еще несколько ребят, с которыми заканчивал аспирантуру в Москве. Удивительным в этом сумбурном сне оказалось то, что он ясно представил лица своих давних товарищей, особенно четко он видел Колю Кравцова, болельщика «Спартак», а ведь все это время, получив его телефон от Шубарина, он никак не мог припомнить его внешность. Перед московским прокурором на столе лежали бумаги и кассеты, что сложил он вчера в «дипломат», и Кравцов твердо говорил: «Все ясно, всех выведем на чистую воду, включая бухарца...»

В этот момент он очнулся, автобус тряхнуло. Глянул на часы: и задремал-то всего на пятнадцать минут. Сопливість как рукой сняло. Значит, в Москву надо ехать, слишком уж большие возможности тут у Артура Александровича и его покровителей, тем более если коротышка-бухарец добьется своего. В Москву, только в Москву! — решил Амирхан Даутович. И до самого города вглядывался в унылый придорожный пейзаж, голые хлоп-

ковые поля и тысячи людей на них, собирающих ошипки.

При въезде в Ташкент, на Куйлюке, сошло несколько корейцев, в самый последний момент последовал за ними и Азларханов. Он остановил первую попавшуюся частную машину и, протягивая десятку, сказал: «В аэропорт опаздываю». Купюра сработала безотказно. Выстояв в очереди в билетную кассу с полчаса, он подал в окошко паспорт и попросил:

— Пожалуйста, билет в Москву, на ближайший рейс.

Кассирша удивленно посмотрела на него и ответила:

— Гражданин, в Москву даже на завтра нет билетов, — и, считая, что разговор окончен, сказала: — Следующий...

От неожиданного сообщения Амирхан Даутович растерялся. Но, отойдя от окошка кассы, вспомнил еще один ход, который нынче, увы, знает стар и млад. Увидев у свободной стойки для регистрации двоих в форме Аэрофлота, решил попытаться удачи.

Поставив «дипломат» на стойку, сказал без обиняков:

— Молодые люди, помогите улететь в Москву ближайшим рейсом, вот вам за содействие, — и положил перед ними сторублевую купюру.

Общение с Шубариным приносило свои плоды. Служащие переглянулись и, понимая, что из-за «дипломата» денег никто не видит, быстро убрали бумажку. Тот, что моложе, сказал:

— Давай, дядя, паспорт и деньги и подходи через полчаса, фирма гарантирует.

Действительно, через полчаса билет был у него. Отдавая его, нагловатый молодой человек пообещал:

— Пожалуйста, подходите в любое время дня и ночи, мы рады будем вас обслужить и отправим непременно, даже если и придется кого-то снять с рейса.

Амирхан Даутович благодарить не стал, хотя немало удивился необычной гарантии сервиса в Ташкентском аэропорту. Заполучив билет, он глянул на часы: до регистрации оставалось еще пять часов. «Многовато», — подумал он и, понимая, что аэропорт не самое безопасное для него место, решил поехать в город — время перевалило за полдень и не мешало поесть.

До ресторана «Ташкент» в центре города он добрался быстро, на площади перед гостиницей купил газеты и направился в обеденный зал. Просидев с полчаса, без всякого внимания к себе со стороны официантов, он от-

метил, что услужливый и все понимающий Адик остался для него навсегда в прошлом, следовало привыкать вновь к нормальной жизни. Но опять выручил Шубарин, или точнее — его подарок: на глаза кому-то из obsługi бросились его часы, золотой «Роллекс», особый знак или мета состоятельных людей, и уже через минуту возле него засуетились сразу два официанта. Этот пустячный эпизод поднял настроение Амирхана Даутовича, снял напряжение, и он уже не сопротивлялся атаке молодых прохиндеев, быстро заставлявших стол закусками, фруктами, зеленью. Принесли и немного коньяку, заговорщически шепнув при этом: «Французский, «Камю», только для вас».

Заканчивая обед, он глянул на часы и машинально отметил — Коста, наверное, уже в «Лас-Вегасе». Мысль на Коста почему-то не задержалась, он спокойно допил зеленый чай с лимоном, расплатился. И только оказавшись на площади перед оперным театром, где он собирался посидеть у фонтана с газетами, опять вспомнил о Коста и вдруг ужаснулся своему просчету. Какой аэропорт! Какая Москва! Уже час как Коста, не найдя его в «Лас-Вегасе», связался с Шубариным, и они давно подняли всех своих в Ташкенте и прежде всего перекрыли аэропорт. Те же услужливые ребята в форме за те же деньги уже небось доложили друзьям Ашота, купил ли человек по фамилии Азларханов билет в Москву, и там поджидают его сейчас незнакомые люди. Нет, в аэропорт хода не было, он опоздал...

«Спокойно, спокойно! — уговаривал он себя. — Безвыходных ситуаций не бывает». И понял, что у него единственный шанс, который он держал про запас, на всякий случай, — это связаться с Эркином Джураевым. Но этот шанс сейчас, похоже, правда единственный.

Он направился к ближайшему автомату и, набрав телефон МВД, который еще помнил, узнал, как найти Джураева. Через минуту он уже звонил в районное отделение милиции, где Джураев возглавлял угрозыск. Трубку подняла секретарша, она ответила, что подполковник Джураев проводит совещание. Узнав, когда закончится, он попросил передать, что прокурор Азларханов через час ждет Джураева у республиканской прокуратуры по чрезвычайно важному делу.

Амирхан Даутович вернулся на скамейку у фонтана, потому что прокуратура, где он назначил свидание подполковнику Джураеву, находилась недалеко, — если

идти пешком, то с полчаса, не больше. Не читалось и не сиделось, и, поднявшись, он не спеша направился к парку Горького, отсюда до прокуратуры оставалось уж всего ничего. В парке он выстоял небольшую очередь и выпил квасу, от волнения мучила жажда.

Время приближалось к назначенному сроку, и он двинулся к прокуратуре.

В прокуратуре он был в последний раз пять лет назад. «Какие там нынче перемены?» — размышлял Амирхан Даутович. Вспоминал людей, на чью помощь он мог рассчитывать. Задумавшись, он незаметно подошел почти к самой прокуратуре, оставалось метров тридцать-сорок, когда, подняв голову, он неожиданно увидел не-вдалеке, на другой стороне улицы, Джиева. Можно сказать, они одновременно заметили друг друга, — наверное, Коста проглядел его, потому что ждал с другой стороны, к тому же прокурор шел в тени деревьев.

Коста на всякий случай держался от прокуратуры на некотором расстоянии, прокурор оказался ближе, и, мгновенно оценив ситуацию, Джиев рванул первым. Амирхан Даутович на какую-то долю секунды замер, парализованный неожиданностью, но рывок Коста вывел его из шока, и он тоже бросился к спасительному зданию.

Хотя ему оставалось пробежать гораздо меньше, чем Джиеву, он со страхом ощутил, что не успеет, что сердце уже подкатило к горлу.

Казалось, Коста вот-вот схватит его, когда бывший прокурор распахнул знакомую стеклянную дверь и, ворвавшись в просторный холл, кинулся вверх по лестнице.

«Не уйдешь!» — прохрипел сзади Коста.

Амирхан Даутович, оглянувшись на миг, споткнулся, упал на лестнице и выронил «дипломат», тот загромычал по мраморным ступенькам, а вслед за «дипломатом» и ногам Коста скатился и он сам. Падая, Амирхан Даутович краем глаза увидел, что старый милиционер на вахте от страха никак не мог расстегнуть кобуру. Коста, в руках которого был уже пистолет, подхватил «дипломат» и, выругавшись, пнул Азларханова. Уловив движение за спиной, резко обернулся и прошипел охраннику:

— Не шути, папаша, пристрелю! — И старый служивый, дрожа от страха, бросил пистолет, который успел все-таки достать.

И в этот момент сверхусилием воли Амирхан Дауто-

вич поднялся на ноги и вцепился в руку Коста, державшую пистолет.

Джигоев ударил его тяжелым «дипломатом» по голове раз, другой, кровь с разбитого лица брызнула на обоих. Но Амирхан Даутович не разжимал пальцев, и тогда Коста со страшной силой ударил его головой в лицо. Но и теряя сознание, прокурор все же не отпустил Коста, и тот, хрипя от злобы, выстрелил раз, другой — в упор.

Неожиданно какая-то сила вырвала Коста у Амирхана Даутовича, еще не успевшего упасть, не разжавшего еще рук. Джигоев закричал страшным голосом, слышно было, как хрустнула кость, и, отброшенный в сторону той же силой, он ударился головой об стену, свалился к ногам милиционера, шарившего по полу и не видящего свой пистолет.

Падающего Амирхана Даутовича подхватил на руки Джураев, ворвавшийся спустя секунды после Коста в вестибюль — издали он видел погоню возле прокуратуры.

Он держал окровавленную голову Азларханова на коленях и, не замечая сбежавшихся запоздало людей, повторял:

— Прости, прокурор, не успел... прости...

Ташкент, июнь 1987 г.

О РОМАНЕ Р. МИР-ХАЙДАРОВА «ПЕШИЕ ПРОГУЛКИ»

Прочитана последняя страница романа. Перед нами прошла драматическая история жизни бывшего прокурора Амирхана Азларханова, волею судьбы и обстоятельств попавшего в самые недра, в тайное тайных грандиозного подпольного синдиката, действующего под невинной вывеской одного из управлений местной промышленности. Постепенно, сначала — неясно, сквозь заволакивающую дымку интригующей загадочности и умолчаний, но потом все отчетливее стали проступать перед нами и, наконец, прорисовались во всей своей объемной многоплановости впечатляющие контуры этого причудливого, но, увы, вполне реального фантома нашей жизни, вычерченные Раулем Мир-Хайдаровым по ходу развития острого, почти детективного сюжета. Сюжет же этот, вспомним, отнюдь не случайно завязывается совсем не в тот момент, когда Азларханов принимает предложение могущественного владыки подземного царства Частной Инициативы работать у него юрисконсультom, а значительно раньше: когда после убийства жены Амирхан пытается отыскать и привлечь к ответственности убийцу, беспутного отпрыска одного из местных «боссов», директора знаменитейшего в республике совхоза, уважаемого депутата и Героя Социалистического Труда, возглавляющего одну из местных «управ» разветвленной, опутавшей всю республику родовой мафии. Действительность ведь всегда ярче и неожиданней — и в своей красоте, и в своих ужасах — наших выдумок. В чем и пришлось удостовериться Амирхану Азларханову, начисто проигравшему, естественно, борьбу с этой мафией, несмотря на полную, казалось бы, поддержку его самим Законом, а потом, после болезней, служебных неприятностей, инфарктов, отставок и унижений попавшему вдруг в мир еще более ирреальной реальной фантастики. Обо всем этом рассказано с той нарастающей динамичностью и, как выражаются дети, закрученностью, которая обеспечивает повествованию бесспорную увлекательность, иногда захватывающую.

И все же подлинная увлекательность этого романа (если

только уместно в данном случае это слово) не в его сюжете, а в неожиданности, загадочности и даже тайне той глубинной жизни, которая раскрывается через этот сюжет. Ведь перед нами действительно одно из поразительнейших, совсем нам до недавнего времени неизвестных и по-настоящему страшных порождений последних десятилетий, получивших ныне название «застойных», — феномен подпольной, так пазываемой «теневой» экономики, своего рода раковая опухоль нашего социального организма, вырезать которую нам до сих пор не удастся, тем более что никому не известно, какими метастазами она уже успела прорасти. А когда мы вплотную подошли к грани наступающей экономической и социальной катастрофы, для предотвращения которой недаром требуются меры поистине *революционного*, как это неоднократно было сформулировано уже и самими лидерами нашей перестройки, масштаба, без операций по удалению этой и подобных ей раковых опухолей со всеми их метастазами нам никак уже не обойтись, если только мы действительно хотим не только выжить, но и выздороветь. Вот почему роман Мир-Хайдарова звучит сегодня так актуально. Это подлинно «перестроечный» — в самом хорошем, отнюдь не конъюнктурном смысле — роман. И это делает честь гражданской позиции автора. И — его гражданскому мужеству.

Мужеству не только потому, что явления, о которых рассказывает Рауль Мир-Хайдаров в своем романе, отнюдь еще не стали у нас везде и повсюду вчерашним днем; они — хотелось бы сказать: *частично* — еще живы, а главное, живы люди, готовые яростно и всеми способами защищать себя и расправляться с теми, кто осмеливается поднимать на них руку.

Однако написание такого романа — акт гражданского мужества еще (и может быть, даже в большей степени) и потому, что Рауль Мир-Хайдаров пишет о своей родной республике, а все мы очень хорошо знаем, как неприятно, когда выставляется на всеобщее осуждение что-то «наше», «родное». И поэтому можно себе представить и то, сколько косых взглядов почувствует он на себе после выхода этого романа, сколько разговоров будет — и в кулуарах, за спиной, и, может быть, в глаза, — о том, что так настоящие патриоты своей земли не поступают и т. п. А он ведь живой человек и сын своего народа.

Но, во-первых, истинный патриотизм состоит не в том, чтобы не выносить сора из своей избы, а в том, чтобы сор этот выметать, то есть делать все, чтобы родному народу жилось лучше и чище. А во-вторых, разве об узбеках и об Узбекистане пишет автор? Болезнь и ужас, о которых он рассказывает, болезнь и ужас всецело социальные, а отнюдь не национальные; национальна здесь разве лишь форма, но никак не содержание, не суть. Суть эта национальных границ не знает, и недаром наша пресса сегодня чуть ли не каждый день сообщает о фактах такого же или сходного типа с теми, что описаны в романе, — фактах, «прописанных» в самых разных регионах нашей страны — «от Москвы до самых до окраин», как поется в известной песне. Вот почему все мы — и узбеки, и русские, и туркмены, и украинцы, и казахи, и грузины, и молдаване, и прибалты, и киргизы, и кавказцы, и таджики, и белорусы — должны сегодня сообща думать о том, как нам вылечиться от чудовищной социальной заразы, поразившей всех нас, как освободиться от всего «теневого» и на поверхности, и в «подполье» нашего совместного об-

пщественного бытия. Освободиться ради здоровья и наших родных народов, и ради здоровья всей нашей страны — ради чистоты нашего общего дома, в котором нам — жить, ибо другого у нас нет и не будет.

...Да, пресса наша сегодня чуть не каждый день сообщает нам столько нового из «теневых» областей нашей жизни, в том числе и тех, о которых рассказывает в своем романе Рауль Мир-Хайдаров, что ныне уже вряд ли кто-нибудь решится упрекнуть автора в каких-либо преувеличениях, сгущении мрачных красок и т. п. Еще какой-нибудь год, даже полгода тому назад, может быть, и решились бы, но сейчас вряд ли. Какие уж тут «преувеличения» или «сгущение», если о «тнях» в одном только Узбекистане мы успели узнать за это время столько (побывав и в подземных засенках всемогущего Адылова, который держал в руках «самого» Рашидова и держался им, и при аресте высших руководителей республики, состоявших в республиканской мафии современных «тимуров», и хлопковая афера развернула перед нами свои миллиардные взносы в кассу «крестных отцов»...), что роман Мир-Хайдарова впору признать уже разве что не лакировочным!..

Это обстоятельство, кстати сказать, в какой-то мере может даже и обмануть ожидания тех, кто, заинтригованный его тематикой, надеялся почерпнуть из него информацию более «сенсационного» характера, чем та, которая известна нам теперь из газет и журналов.

Однако, к счастью, главные достоинства романа — в другом, и они не побледнели со времени его написания. Наоборот, может быть, даже выступили более отчетливо. Вообще в романе радует именно то, что, взявшись за столь острый материал, автор не поддался, подобно иным нашим поспешливым беллетристам, соблазну «выехать» именно на актуальности темы. Он, судя по роману, не принадлежит к тем, кто привык снимать сливки с конъюнктуры, и в этом отношении очень показателен тот факт, что его Шубарин — в сравнении с тем же, например, реальным Адыловым, жестоким и страшным подонком, патологическим садистом, — фигура куда менее «эффектная» с точки зрения ультраромантической поэтики ужасов. А ведь каким бы демоническим злодеем мог его сделать автор, «закрутив» вокруг него целый вихрь ошеломительной дьявольщины, способной обеспечить высшее напряжение читательского внимания уже одним своим сюжетом!..

Но Рауль Мир-Хайдаров пошел по другому пути, и это свидетельствует о серьезности его намерений. Он попытался взять тему не внешне, по-журналистски, а изнутри, именно как *писатель*, хотя это и не означает, что попытка эта во всем и полностью ему удалась. Нет, в романе много недостатков, да и вообще, если говорить о его общем литературном уровне, он, вежливо выражаясь, еще очень далек, конечно, от уровня литературных шедевров. И трудности разработки темы, неизведанность путей, которыми шел здесь автор, порою почти принужденный работать где-то на стыке прозы и публицистики, и, вероятно, не сразу проявившийся план романа, менявшийся, похоже, по ходу работы, и, кажется, не всегда отчетливое понимание автором своих художественных возможностей, и то, что русский язык, которым автор владеет как будто бы вполне свободно, все же не родной для него, и это чувствуется, — все это дало себя знать

в романе, обернувшись целым рядом очевидных слабостей — от некоторой композиционной раздерганности повествования до не вполне удавшейся автору фигуры Амирхана Азларханова, образу которого не хватает и достаточной психологической отчетливости, мотивированности, и просто пластической выпуклости.

И все же в романе есть, несомненно, есть Артур Шубарин — не просто главный, в сущности, герой романа, но и живой характер — характер сложный, интересный, объемный, и тем и возбуждающий мысль читателя, тем и задающий ему целый ряд очень важных, остро насущных психологических, социальных и духовных вопросов, заставляющий разгадывать заложенную в нем человеческую загадку.

В самом деле, ведь при всем том, что Шубарин — человек, несомненно, страшный в своем преступном подпольном могуществе, человек, не останавливающийся ни перед какими традиционными моральными запретами, когда они мешают ему сохранить безопасность его подпольного государства, решительно идущий даже и на физическое устранение своих противников, — при всем этом он человек еще не только умный, талантливый и вообще, несомненно, незаурядный, но и человек, отнюдь не лишенный нормальных человеческих проявлений, способный и на сочувствие, и на сострадание, и на привязанность, и на помощь другому — даже, по-своему, бескорыстную. Да и вообще отнюдь ведь не чувствуется, чтобы всякого рода жестокость к людям доставляла ему, так сказать, внутреннее удовольствие. Скорее напротив, во всем его духовном облике явственно ощущается присутствие как бы некой скрытой метафизической грусти, определяющей характер его внутреннего отношения ко всей той уголовщине, которой он — так и хочется сказать: *вынужден* заниматься.

И правда — разве в том, что человек такой яркой талантливости, таких выдающихся организаторских и предпринимательских способностей не может реализовать их легально и начинает заниматься подпольной деятельностью, хоть отчасти не виноваты господствовавшие и все еще не ушедшие в небытие экономические наши порядки; разве не под мощным прессом существовавшей у нас социально-экономической практики сложилась *его* подпольная практика? Обо всем этом сам Шубарин рассказывает так точно и убедительно, что не поверить ему и не понять его здесь трудно. А разве внутреннему разрешению на жестокость и убийства, которое он должен был себе как вменяемый человек, несомненно, дать, не способствовало то, что он видел — не мог не видеть — вокруг себя, наблюдая нравы и образ действия тотальной бюрократической мафии, кровно сращенной с мафией уголовной?..

Все это, несомненно, имело свое значение, и недаром именно такой способ объяснения всякого рода подпольной преступности становится ныне все более популярным и даже модным. Вспомните хотя бы ту же «Ассу» С. Соловьева, в которую режиссер не случайно вводит ряд кровавых исторических сцен из времен Павла Первого, как бы указывая ими на те уроки, которые мог извлечь и действительно извлек из истории его герой, сыгранный Говорухиным.

Однако в том-то и дело, что подобного рода сопоставления всего никак не объяснишь. Во всяком случае — в таких людях, как Шубарин. Ведь он, повторяю, человек вменяемый, ду-

ховно отнюдь не примитивный, вряд ли способный жить так, как он живет, только на основе того аргумента, что так «все живут». Для такого рода людей логика: «все сволочи, буду сволочью и я» — недействительна, она унижает их человеческую гордость. Решимость на тот или иной способ жизни всегда должна быть для них результатом и актом свободного духовного выбора, всегда должна иметь для них какие-то внутренние, духовные обоснования.

Какое же внутреннее разрешение позволило Шубарину стать тем, кем он стал? Вот главный вопрос, главная загадка таких характеров, как Шубарин. Загадка, имеющая, как нетрудно понять, общезначимый смысл, поскольку разгадка ее должна быть в какой-то разумной логике. В какой же?

В старину ответили бы на этот вопрос просто: Бога в душе нет, Бога потерял. Но ведь в том-то и трудность, что для современного человека такой ответ еще мало что говорит. Ему важно понять, какая же «безбожная логика» приводит шубариных к тому, к чему она их приводит, и неизбежна ли она. Как бы интересно было, в самом деле, получить от того же Шубарина откровенное, так сказать, интервью на эту тему! Или — от автора. Хотя бы в попытке своего, авторского объяснения духовных истоков Шубарина...

Автор, однако, такого объяснения не дает и даже не пытается дать. Он ограничивается задачей сугубо объективного, так сказать, портретирования духовного облика Шубарина во всей его загадочности: смотрите, вот перед вами феномен, а откуда он и почему — думайте сами.

Но не будем слишком винить автора за это. Достаточно уже и того, что он сумел нарисовать своего Шубарина так, что присутствие этой загадки в его образе — явственно. И не может не возбуждать в читателе желания разгадать ее. А как? Вот давайте и думать об этом все вместе...

И. ВИНОГРАДОВ

Литературно-художественное издание

МИР-ХАЙДАРОВ РАУЛЬ МИРСАИДОВИЧ

ПЕШИЕ ПРОГУЛКИ

Роман

Печатается с матриц издательства «Молодая гвардия»

Ответственный за выпуск **Т. Горбонос**

Художник **А. Яцкевич**

Художественный редактор **Р. Зуфаров**

Технический редактор **В. Демченко**

Корректор **З. Наджатова**

ИБ № 2828

Подписано в печать 10.04.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печать высокая. Гарнитура обыкновенно-новая. Усл. печ. л. 14,28. Уч. изд. л. 15,53. Тираж 250000 (1 завод 150000). Цена 2 р. 60 к. Заказ 60. Договор 2—89.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия» 700113, Ташкент, м. Чиланзар, 8 квартал, ул. газеты «Правда», 60.

Отпечатано с матриц в типографии № 2 Ташкентского полиграфического производственного объединения «Матбуот» по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Янгиюль, ул. Самаркандская, 44.

2 р. 60 к.

Еш гвардия

Муш-Хайдооб